

Пролог

Весенний парк полнился звуками и запахами. Лёгкий ветер, разреженный и прохладный, шуршал новорожденной, клейкой листвой и бесстыдно дышал в лицо, оставляя на губах привкус мяты и розмарина. Солнце, необычно тёплое для марта, грело лоб и щёки, намекая на возможность непредвиденного загара. Ворковали голуби, неторопливо, вразвалочку, убираясь из-под ног прохожих, радостно визжали дети, поскрипывали несмазанными пружинами коляски, издалека, откуда-то справа, доносился многоголосый собачий лай.

- Эй! Ты чего задумался? Хочешь мороженого? – это она. Вся тоненькая, трогательная, и несуразная настолько, что кажется, пропитана этим весенним сумасшествием. Прижимается, обнимает. Светлые волосы щекочут плечо. Она встаёт на цыпочки – да-да, иначе не достала бы – и целует его элегантно не выбритую щёку – ближе к скуле, куда не достают колючки модной трёхдневной щетины.

- Не хочу, – он улыбается, ловит её ладонь и прижимает к губам, – хочу пива.

- Тебе нельзя, – в голосе сожаление, и насмешка, всё вместе – не разобрать.

- Можно, потому что очень хочется, – заговорщицки улыбается он, крепче сжимая почти детские пальцы, – у тебя руки замёрзли!

- Не правда! – она немедленно отскакивает на два шага, пряча компрометирующие ладошки в карманы серой спортивной курточки.

Лаконичный жест, быстрый, и точный, как бросок змеи – цап! – хихикающая нарушительница поймана за капюшон.

- Мёрзнешь, Мышка?

- Нет, – она упирается, выворачивается из объятий... Ха! Да кто ж так просто её отпустит?!

- Мёрзнешь-мёрзнешь, – руки крепкие, надёжные. Тёплые.

- Нет!

- Тебя непременно надо согреть, а то ты начнёшь дрожать, придёт Прекрасный Рыцарь, и украдёт тебя!

Девушка заливисто хохочет:

- Ты соображаешь, что ты говоришь? Пугаешь девушку Прекрасным Принцем!

- Да-да, – интонация вкрадчивая, с глубоко запрятанной не шуточной угрозой, – он придёт, и скажет, что я о тебе плохо забочусь! Надаёт мне по шее, а потом...

- Ему по шее надаёшь ты, и мы пойдём пить пиво? – как ни в чём не бывало, предположила Мышка.

- С тобой невозможно иметь дело, – он находит её губы – слегка обветренные, улыбающиеся, нежные и тёплые. И тянущей болью отдаётся где-то за рёбрами горечь и сожаление. Если б он только знал раньше! Если бы мог предположить, что на свете есть такая девушка!

2

Глава 1

Где-то в самом начале карьеры, в театре, мне доверили разовый выход с фразой вроде «Враги уже близко, спасайте королеву!». А главную роль играл маститый такой актёр... впрочем, тебе ничего не скажет его имя, я знаю: ты не любитель театрального жанра, так вот. Я перед ним, понятно, благоговею, а лет мне шестнадцать, то есть взять себя в руки – ну совершенно никак не получается. Стою за кулисами, жду своего выхода, трясусь, как чумной в лихорадке, и вот помреж даёт отмашку, я подобрался, вдохнул, выскакиваю на сцену, и по лицу главного героя вижу, что что-то не так. Слова, естественно, забыл, хорошо – хоть в зал не посмотрел, а то бы и штаны намочил от ужаса – открываю рот, ору что-то невообразимое, и убегаю со сцены в кулису...

- Эй, Мышь, ты что заснула? – резкий окрик вывел её из минутной задумчивости. Режиссер – дама успешная, инициативная, смелая, и в высшей степени стервозная, не вызывала решительно никакого желания напрашиваться на конфликт, – там доставка опаздывает – разберись, раз Ханса нет!

Ханс – старший менеджер, и её непосредственный начальник; а подумать можно было, что бесталанный младший брат. Ну вот кто, скажите, мог застрять в пробке на два часа, когда в разгаре напряженнейший съёмочный день, и всё тут без него летит к чертям?

- И обед сегодня в два, а не в четыре, потому что после мы уезжаем снимать панораму на арочном мосту, – отливающие тёплым золотом кудри качнулись, не нарушив безупречно уложенной причёски, и Мышь в который раз почувствовала ущербность своей шевелюры, и общую простоту, налётом покрывавшую её образ, неистребимую, похоже, вообще ничем.

- Да, я помню. Я всё учту, фрау Штольман, – вежливо отозвалась она, но режиссер уже не слушала, цокая феноменально тонкими каблуками по коридору прочь. И Мышь немедленно развернула бурную деятельность.

Позиция первого менеджера по работе с персоналом, обещавшая если не золотые горы, то интересную работу, и перспективы для развития, обернулась для девушки бесконечным бегом по зигзагообразной траектории, переполнением головы мало внятной, но крайне необходимой информацией, и кучей привередливых людей вокруг – все нужды которых она и должна была, сообразно своей должности, удовлетворять. Одна из бесчисленных белок в колесе, подключенном к динамо машине телецентра, горстка безымянных электронов, бегущая по проводам...

Элемент разнообразия вносили, разве что, непосредственно актёры. Но звёзды кино, при первой встрече с которыми голова опасно кружилась от восторга, через неделю стали таким же рабочим материалом, зачастую мешающим на проходе – как и все остальные обитатели бесконечных студий, гримёрок, коридоров и аппаратных.

- Эй, Мышь, ассистенту оператора сказали, чтоб волок оборудование на мост?

Менеджер вздохнула: самое обидное, что прозвище прилипло намертво. Как ещё назовут суетливую девчонку, вечно в сером спортивном балахоне, на которой из косметики – тушь, да и только, а из украшений – хорошо если серебряные серёжки в ушах?

- Эрик, – завопила она, не стесняясь, на весь пролёт, – Ты меня слышал или нет? Давай, собирай, нафиг, фильтры, штатив, и езжай на мост для пейзажной съёмки!

- Так вроде ж завтра собирались, – донёсся в ответ ленивый, размеренный басок невидимого Эрика.

Она постаралась успокоиться: вдох-выдох, три, два, один, полёт нормальный.

- Эрик, сейчас. Нет, не сейчас уже даже, а полчаса назад, – на сей раз девушка не стала надирать с вязки, но каким-то непостижимым образом её услышали, даже обратили внимание на сказанное. Круглолицый чуть полноватый ассистент оператора выглянул из-за какой-то шаткой загородки, озабоченно надул щёки – и исчез снова. Очень хотелось верить, что пошёл собирать фильтры.

Почувствовав себя чуть свободнее, менеджер тихой тенью пронеслась по пустой лестнице, выскочив на крыльцо служебного входа, выходящее в узкий проулок, прикурила ментоловую сигарету, достала мобильный, и под удивленным взглядом охранника, объяснила консультанту из службы доставки, куда он может засунуть свои извинения, и что с ним лично станет, если минералку не привезут через девять минут. Уже восемь, и время пошло.

Они всё-таки успели, подогнав фургончик к тому самому служебному входу, где нервно переминаясь с ноги на ногу, курила девушка. Расписавшись в открытом табеле, хрупкая Мышка рывкнула на водителей, и, не дожидаясь пока раскатаются грузчики, сама ухватила в охапку восемь полулитровых бутылочек (она точно помнила, что сегодня их нужно именно восемь) и припустила назад по лестнице.

Разумеется, таскать минералку на кухню – совсем не входило в её обязанности; но изрядно заведённая режиссером девушка торопилась, чтобы не получить следующего замечания. Она ловко обогнула какого-то парня, неторопливо спускавшегося ей навстречу, и...

...Был бы здесь фотограф – локти бы кусал от обиды (за неимением времени подготовиться и поймать прекрасный, экзотический кадр). Мышь наступила мимо ступеньки. Движение вышло фантастически лаконичным, воздух вышибло из лёгких от удара поперёк груди. Стоило только порадоваться, что ступенька последняя – дальше площадка, и следующим ребром ей не досталось в нос или не повыбивало зубы. Мгновенная боль, мраморными разводами разбежавшаяся по телу и застилающая глаза, помешала сделать вдох, подавив крик до невнятного стона. И аккомпанементом, торжественным раскатистым аккордом, ударились в гранит стеклянные бутылки, рассыпаясь зелеными осколками. Вырвавшаяся из тесных, изрядно взболтанных во время бешеного галопа сосудов, тёплая солоноватая минералка, шипя и пощёлкивая мириадами

пузырьков, триумфально выплеснулась на застывшего в изумлении парня.

– Аккуратней надо быть, – с неожиданным раздражением выдал он, избавившись от секундного замешательства, – совсем ума лишилась?!

Мышь повернулась, болезненно прижимая локти к груди – и тут же поняла, почему пострадавший позволяет себе такой мерзкий тон. На неё сверху вниз смотрели пронзительно синие глаза исполнителя главной роли – признанного красавчика, рейтингового секс-символа, и широко известного сноба – по имени Йорк Энберг. Обогащенный натуральными минералами тёплый душ обильно оросил не только тщательно уложенные в живописном художественном беспорядке волосы, но и лицо, плечи и грудь всенародного кумира. Теперь с кумира капало; струйки воды прочертили дорожки по безукоризненно мужественному лицу.

– Простите, герр Энберг, – выдавила Мышь сквозь подступающие к горлу слёзы (отчасти от сдерживаемой боли, отчасти от испуга и несправедливости). Фиг бы с ней с причёской, но одна его рубашка наверняка стоит как две ассистентские зарплаты.

– Ой, мать... да у тебя кровь, – неожиданно кротко сказала звезда, кажется, даже побледнев на пару тонов грима, – я сейчас позову кого-нибудь, ок? Ты... это... лучше не вставай. Инга...! – завопил на весь этаж Энберг, и чуть ли не бегом помчался по коридору.

3

Скачано с сайта knigomania.org

От удивления ей даже плакать расхотелось. Неужели всё настолько плохо, чтоб наглому красавчику вдруг стало её жалко? Может, это болевой шок? Приподнявшись и упершись лопатками в стену, она аккуратно, кончиками пальцев, ощупала лицо. Нос на месте, огромной шишки на лбу тоже пока не наблюдалось, немного саднило левую щёку, но и только.

Отняв ладони от лица, Мышь с удивлением увидела обещанную кровь. Но судя по общему самочувствию, ничего смертельного не произошло. Скорее её отправит в повторный полёт по лестнице фрау Штольман, за которой, непонятно зачем, понёсся Энберг. А за кем

ещё ему бежать, если она всегда вьётся вокруг как ошалелая мамочка?! Разноса за наведение паники, срыв графика и порчу настроения и костюма главному герою – не хотелось.

Рассудив, что хуже уже не будет, менеджер рукавом утёрла с лица минералку с кровью и заторопилась в сторону ближайшей уборной. Вряд ли юное дарование вспомнит, как её зовут. А до завтра – так вообще из головы выкинет инцидент с нерасторопной растяпой. Да и Инга Штольман не тот руководитель, что, заметив пластырь на лице у сотрудника, вывернет его наизнанку, пытаясь, всё ли у него в порядке, и поставлена ли в известность страховая компания.

***

Утро началось с поразительного сюрприза. Штольман как будто специально подкарауливала у дверей! Вчера Ханс спас её, всё-таки победив несговорчивые пробки; он оказался в коридоре, по которому Мышь брела из туалета в сторону гримерок, размышляя, не впадут ли в стресс все исполнители от вида крови на сером рукаве. Она всего-то оцарапала щёку – не то осколком бутылки, не то ещё как-то при падении. По крайней мере, стекло в ране не торчало, а герр Энберг видимо просто не знал, что порезы на лице всегда сильно кровоточат. Но вот что всё-таки ей скажет Штольман? Однако Ханс спас ситуацию. Окинув беглым взглядом её обще-помятый вид, дорогой начальник выставил её из здания, ещё и порывался сам поймать такси. Так что Мышь получила весьма желанную, и оттого ещё более невероятную отсрочку: разговор с режиссером перенесся на неопределенное время – как оказалось – на самое начало сегодняшнего рабочего дня.

– Мне необходимо с Вами побеседовать, – улыбка была слащавой, а голос таким холодным, что сочетание живо напоминало Мышке банановое мороженное, которым ей в детстве случилось отравиться. И это формальное «Вы» – как лимонная долька сверху – подчёркивало, что ничего хорошего ждать от разговора не следует.

– Спорим на сотку, что я угадаю сценарий? – в четверть голоса пробормотала она, послушно следуя за цокающими каблучками густо-лилового цвета, – так ведь и поспорить-то не с кем!

4

Разумеется, Мышь не ошиблась. Как только закрылась с вежливым шорохом тяжелая дверь режиссерского кабинета – так полилось:

«Ваша безалаберность возмутительна!», «Ваша методика неряшлива!», «Ваша расторопность оставляет желать... », «даже Ваш внешний вид не отвечает... Не говоря уже о том, что весьма сомнительны Ваши квалификации!»

Всё это в цветастых выражениях со множеством примеров, самым вопиющим из которых было, естественно, вчерашнее падение с лестницы. Оказывается, именно вследствие этого отменились съёмки двух эпизодов, потому что главный герой был не в состоянии вжиться в образ после пережитого стресса. Также были планомерно и феерически провалены съёмки на мосту.

Последнее вызвало у Мышки истерический смешок, потому что степень её ответственности стремилась к нулю. Видите ли, облитая звезда не посмотрел, где снимает мокрый пиджак, и в сердцах швырнул его на что-то важное и дорогостоящее из операторской техники, а та не пережила длительного контакта с мокрой тканью. Мышь честно попыталась скрыть хихиканье за кашлем.

– Что?! – немедленно встала в охотничью стойку фрау Штольман.

– Дайте листок бумаги, – стараясь вспомнить, как в таком положении выглядит кто-нибудь из друзей, умеющих справляться с подобными вопросами, потребовала она. Актёрская карьера ей, конечно, не светила, но губы сжались в плотную линию, и глаза полыхнули очень нехорошим огнём (который погас, испуганно сжавшись уже через секунду).

- Зачем ещё? – тоном ниже спросила режиссер. Её глаза тоже метали далеко неласковые и вполне опасные искры.

Уверенности, только что бившей в негодующей Мышке через край – как не бывало, но запал остался, отступить было, в общем-то, некуда.

- Напишу заявление. Я увольняюсь. И иду прямиком в суд, где расскажу как меня подтолкнули к увольнению вместо того, чтоб выписать больничный! Может быть, вы ещё и деньги попыруете взыскать – за попорченное оборудование?!

Через полчаса столь же продуктивных переговоров, Мышь вылетела из кабинета, отделавшись устным взысканием за уход с работы без предупреждения. Но настроение было испорчено безвозвратно. Через полчаса выяснилось, что одна из официанток неожиданно свалилась с вирусной инфекцией, и едва начавшая приходить в себя после выволочки менеджер почувствовала, что скоро кого-нибудь покусает.

По плану, ровно в четыре, в столовой был подан обед. Мышь, с утра ограничившаяся стаканом молока, немедленно ощутила грызущий голод. Как назло, дела всё никак не заканчивались, всем требовались ответы на организационные вопросы, и указания к дальнейшим действиям, а Ханс уехал на какую-то встречу – слава богу, вместе с режиссером.

«Может, он Штольман нравится, – ехидно подумала менеджер, пробегая по столовой, и стараясь не думать о пропущенном обеде, – а было бы неплохо! Может он будет с ней спать, и она подobreет?»

- Эй, осторожней, а то опять что-нибудь разобьёшь, – издевательский голос заставил её споткнуться. Она обернулась и увидела Энберга, сидящего за одним из матово-белых типовых столиков. В глазах сияло безоблачно хорошее настроение, а тонкие губы изогнулись в саркастической, но очень обаятельной улыбке.

- Извините, герр Энберг, – а что она ещё могла сказать? Не посылать же дорогую знаменитость к чёрту за дурацкие шуточки – тем более, она действительно отвлеклась и замечталась, а ведь ей надо срочно...

- Так не пойдёт, – покачал головой актёр, и цинизм сменился благожелательной покровительственностью; цепкий взгляд пробежался по её причёске (ну да, опять лохматая), лицу (не красилась, и даже не собиралась), мазнул по бесцветной, совершенно незаметной полоске пластыря на щеке, - ты же с ног сбилась уже. Ну-ка присядь, – он кивком указал ей на стул напротив, – пообедаешь, заодно и поболтаем.

Мышь прикинула так и эдак: с одной стороны, дел по горло. С другой, если она не отдохнёт хоть пять минут, она рискует сорваться и кому-нибудь нахамить. Что это за график работы, когда несчастному менеджеру некогда даже покурить?! Штольман конечно, с неё шкуру спустит. Если узнает. Но её ведь нет – и о передышке в бесконечной деятельности серой служащей ей никто докладывать не станет...

Актёр расценил её молчание иначе:

- Ты же не ждёшь, что я встану, и отодвину тебе стул? – он страдальчески-капризно заломил брови, как будто собирался сейчас пожаловаться на восьмичасовую рабочую смену у станка на заводе.

Мышь умилилась продемонстрированному спектру настроений – и всё-таки села. При этом ей случилось обратить внимание на тарелку профессионального сменщика выражений лица – и ужаснуться: непосредственно на тарелке стояла фаянсовая плошка вполне в японском стиле, а в ней... ну, в общем, наверное, это можно было расценить как морепродукты. Торчащие в разные стороны мелкие щупальца перемежались унылого вида желтыми моллюсками вроде устриц, но вдвое крупнее, какими-то белыми кольцами и бледно-розовыми горестными тушками креветок. На краю сиротливо чах буро-зелёный лист морской капусты. Девушка украдкой, очень незаметно потянула носом. Вся эта красота источала ни с чем не сравнимый запах соли, выброшенных на берег ракушек и йода, намекая на то, что возлежащие в миске твари – на манер азиатской кухни – сырые.

Мышь немедленно забыла, что собиралась умереть с голоду прямо на бегу. Подумаешь, не пообедала – можно и до ужина потерпеть! Даже неплохо будет – заглянуть к ребятам, заказать пиццу...

6

Скачано с сайта knigomania.org

- Ну что ты косишься, как будто я в тебя их силком запихиваю? – актёр непринужденно подцепил палочками (разумеется, употреблять дивное ассорти предлагалось именно так) морскую капусту, и отправил в рот, – сейчас официантка подойдет – закажешь что-нибудь на свой вкус...

- Спасибо, я не голодна, – с содроганием ответила менеджер, – но спасибо, что предложили, герр Энберг.

- Йорк, – заговорщицки подмигнул парень, – думаешь, я от этого в восторге? – красноречивый обличительный жест тонкой кистью в сторону замечательного кушанья.

- Вам не нравится кухня, герр Энберг? Может, стоит заменить повара? – в голосе скользнула усталость.

- Йорк, – поправил настырный актёр, которому невдомёк было, что нынешнего повара искали две недели, ещё и перекупать его пришлось у заинтересовавшегося ресторана, – в конце концов, мне не тридцать лет.

- А сколько? – не удержалась от вопроса девушка. Как раз в этот

момент к ним подошла официантка, подав традиционную бутылочку минеральной воды, и осведомилась, что закажет фрау.

- Хот-дог, и картошку-фри, – хмуро изрекла Мышь, приготовившись выслушать извинения за то что такого в меню, к сожалению, нет.

- Подождите минутку, – кивнула девушка, спрятав в белоснежные складки фартука блокнотик, и убежала.

Энберг расхохотался, глядя на собеседницу, с трудом пытавшуюся скрыть изумление:

- А что тебя так удивляет? Если не ошибаюсь, именно ты еженедельно устраиваешь младшему персоналу накрутки на тему «любое желание клиента закон, даже если он попросит найти кошачий корм в три часа ночи».

- Вы знаете, кем я работаю? – искренне изумилась Мышь.

- Мы же остановились на том, что перешли на «ты». Кстати, минералку наливай аккуратней... аккуратней, я сказал!

- Нет! Мы остановились на том, сколько Вам лет, – Мышь положила салфетку под стакан, проигнорировав тему злосчастного напитка. В конце концов, в этот раз пострадала только скатерть.

- Двадцать два, – обезоруживающе улыбнулся Энберг.

- Тогда действительно «ты», – согласилась Мышь, которой через три недели должно было исполниться двадцать пять, – а про кошачий корм – это Ханс всегда рассказывает.

- Твой помощник? – уточнил Йорк.

- Мой начальник.

7

- Мой начальник.

- Да?! – на этот раз он продемонстрировал возмущение, – а по-моему, должно быть наоборот. Ты всё время бегаешь что-то делаешь, а его я вообще с трудом помню.

- У руководителя стратегически другие задачи, – ухмыльнулась Мышь; потом отвлеклась на то, чтобы поблагодарить официантку, поставившую перед ней тарелку с хот-догом, и порцией золотистой картошки: всё тёплое, вкусно пахнущее, и безумно калорийное, –

например, сопровождать фрау Штольман.

- А это так сложно? – Йорк завистливо потянул носом.

- Прибавь мне жалованье вдвое – всё равно не соглашусь, – хмыкнула Мышь, уплетая картошку.

- Так не пойдёт, – внезапно палочки, которыми до этого сценический деятель элегантно жестикулировал, полетели на стол, – я не хочу этих мерзких кальмаров! Я тоже хочу хот-дог!!!

Перепуганная официантка подлетела к столику, привлеченная внезапным шумом.

- Тише, не кипятись, – Мышь кивком отправила девушку восвояси, – во-первых, ты на диете. А во-вторых, если они побегут за хот-догом ещё и для тебя – мы не впишемся в отведенное на перерыв время, потому что – поверь мне – на кухне этого хот-дога не было, и я подозреваю, что девочке пришлось за ним мчаться до палатки на углу.

Йорк погрузился, кажется, совершенно искренне, и стал живо напоминать щенка колли, которому не дали любимый мячик.

- Поэтому я с тобой поделюсь, – сжалась менеджер, про себя удивляясь покладистости Энберга. Сказали ему «нельзя» – он и расстроился, сразу решив, что не дадут того, чего в данный момент больше всего хочется. Она бесцеремонно ухватила булку двумя руками, разломила посередине, на глаз прикинула равноценность получившихся кусков, и благородно протянула Йорку тот, что побольше. За фото исторического момента любой журнал светской хроники продал бы душу, и добавил чью-нибудь правую почку для трансплантации – юный секс-символ современного кинематографа делит пополам сосиску с какой-то невнятной блондинистой девицей, ещё и припирается, какая половина больше, но лицо его при этом освещено таким детским восторгом, будто совершается что-то запретное и невыразимо прекрасное.

«Надо же, какие оказывается, у знаменитостей проблемы, – подумала Мышь, ставя подпись на очередной накладной на доставку, – вот хочется человеку сосиску, а ему – нет, нельзя! Небось, прямо изо рта вынут, если застукают. Режиссер прибежит, размахивая руками, диетолога приведёт, будет его же карьерой спекулировать. А у диетолога ответ простой – ешь рыбу, не ешь сосиску, пива не пей, бегай по утрам...»

Странно, что у взрослого и самостоятельного человека такой порядок вещей не вызывает внутреннего отторжения. Возмущения, какого-то конфликта.

В детстве, когда Мышь была ещё школьницей, её никогда не удерживали дома. Она избавлена была от родительской тирании, от коей страдали и в голос выли в большинстве своём её товарки. Мышь отпускали и на танцы, и на концерты, и просто гулять.

В то же время ей было строжайше запрещено курить. Даже пробовать, даже нюхать. Не рекомендовалось даже водиться с курящими, а уж тем более стоять рядом, если кто-то дымит. Чуткий мамин нос, уловивший хоть толику ненавистного запаха, брезгливо морщился, и неизбежно вёл за собой допрос с пристрастием и нудную лекцию о вреде никотиновых смол (всегда с красочными примерами из жизни малознакомых родственников и совершенно неизвестных Мышке знаменитостей).

Лекции были противные, после них Мышь себя чувствовала так, будто правда в чём-то провинилась, хотя в тот момент она и руки не тянула к сигаретам. В то время как всё те же подружки, страдающие от домашней тирании, будучи застигнутыми в подворотне с ещё не затушенным окурком, или если в кармане у кого-то востроглазые родичи замечали характерную пачку, отделялись в худшем случае очередным скандалом с обещанием надрать уши. Скандал заканчивался минут через десять, всем вовлеченным сторонам было жалко времени, а педагогический эффект от громких разборок, известное дело, стремится к нулю.

Мышь пыталась аргументировать, пробовала объяснить, что её не надо воспитывать. Её в любом случае отпускают из дома, так что если и захотят проконтролировать – за руку не поймают, так зачем же запрещать? Нет, ей не хочется курить, она вполне осознаёт всю никчёмность этого мероприятия, да и дым пахнет противно. Но перестаньте её накручивать по этому поводу, хватит... Всё было тщетно.

Итог педагогического метода был с Мышкиной нынешней, осознанной точки зрения легко предсказуем.

Когда едва оперившееся дитя вырвалось из-под родительского крыла в маленькую комнатку общежития при колледже, ей удалось

счастливого проскочить почти обязательный для всех подростков этап с буйными гулянками, танцами до утра, бесконечными случайными знакомствами и опьянением впервые дозволенной свободой.

Слишком многим её сверстницам этот период принёс несладкие плоды. Кто-то отделался лёгким испугом, удирая от наркомана в незнакомой части города, кто-то порадовал родителей внуками.

А Мышь в это время спокойно учила себе уроки в маленькой комнатке общежития. И регулярно выходила на общую лестницу – курить.

Так почему же не бунтует господин Энберг? Он же не школьник, в конце концов, и режиссёр ему не родная мать...

Почему-то после контрабандного обеда с Йорком, все дела утрясались быстро, и словно сами собой. Мышь только подталкивала их в необходимом направлении. В конце концов, она пришла к выводу, что двадцатиминутный обеденный перерыв полезен даже менеджеру...

...ну вот. А потом, после спектакля, подходит ко мне этот мэтр, с которым я в одной сцене якобы «сыграл», и покровительственно так, с ухмылкой, говорит «Да, друг мой. Когда ты в окно вбежал вместо двери – это ещё ничего было, публика бы купилась... но зачем ты вышел-то через камин?!»

9

Глава 2

Мне приятель, с которым вместе учились, однажды рассказывал: он после училища сразу в оперу подался – в массовку сначала, как водится. Но образование у него было – не то что у меня – ему родители репетиторов нанимали каждое лето – всё надеялись, что парень в дипломаты пойдёт. Ты вот, например, итальянский язык знаешь? И я не знаю. А он знал; потому и в оперу пошел с такой охотой. Сейчас-то он, понятно, сам прима, а тогда, разумеется – подтанцовка, даже без реплик... да, я тоже оперу терпеть не могу, но ты слушай. Вот идёт «Травиата», любовь и кровь, страсть и смерть, зрители уже приготовились рыдать, и тут он видит, что у главного героя с костюмом непорядок. Что значит непорядок? Да штаны у него порвались на самом интересном месте сзади! А герой от него на другом конце сцены стоит. Ну, друг не растерялся, и аккуратно

главной героине на ушко на итальянском говорит: «у Альфреда штаны по шву – намекни ему хоть как-нибудь!» А, ну примы-то конечно итальянский учат; наверно потому приятель так быстро и дошел до главных ролей. На сцене всякое бывает, умирающая Виолетта – актриса опытная, привычная, и прям на мотив партии, в полное шикарное колоратурное сопрано вместо следующей реплики поёт «Альфред, любовь моя, молю послушай: не поворачивайся к публике спиной, а то штаны твои на жопе порвались!»...

Дверь хлопнула, чуть не разворотив косяк, из кабинета ещё минуту доносились возмущения и проклятья в несравненном исполнении Инги Штольман. Спасшийся бегством от режиссерского гнева Ханс послал неприличный жест в направлении закрытой двери, развернулся, и немедленно налетел на Мышку.

- Вот тебе на, – оценила ситуацию девушка, – а я-то думала, что ты ей нравишься.

- Я тоже так думал, – зло выплюнул Ханс, теребя тонкую серебряную цепочку на шее, – но, видишь ли, теперь её не устраивает, что инструкции выполнены в чётком соответствии с тем, что она сказала три дня назад, а ещё ей вдруг стало неудобно, чтобы я называл её по имени! Хотя сама при знакомстве подчеркнула, что лет на пять моложе...

Мышь посмотрела на шефа сочувственно. Всё-таки, он был человеком милым, и никогда не позволял себе срываться и орать не по делу. В отличие от В свои тридцать пять слегка лысеющий Ханс сохранил энтузиазм и мировоззрение вдохновенного подростка, обещающего убрать в комнате, если ему подарят новый велосипед. Правда энтузиазм шел вкупе с умением опаздывать на важные встречи, забывать о необходимых документах, и сматываться с работы за полчаса до конца рабочего дня. Но разве это важно?

- Пойдём, – сказала она. Выпьем кофе, если хватит времени – ещё и покурим.

10

Благотворительность, как известно, зачастую выходит боком затейщику оной. А потому не удивительно, что Ханс был отправлен домой за целый час до окончания рабочего дня. То есть, конечно, не домой, а куда-то отгуливать свой незадавшийся день. Развеивать

тоску и удручающие мысли.

О семейной неприкаянности старшего менеджера судачили многие. Никому и дела не было, что тот лет десять назад неудачно женился, а потом развёлся. Приветливый, улыбчивый и деятельный, а главное, состоятельный потенциальный супруг не давал девичьим сердцам покоя, но и надежды особой он тоже никому не давал, темнил; и если и имел романы – то только вне рабочего мира.

Он флиртовал в рамках общего делового этикета, зато со всеми и сразу: с молодой актрисской, взятой на роль многоразовой статистки, и поэтому никогда не попадавшей в кадр полностью и лицом. С уборщицей, обаятельной рыженькой лапушкой, ежедневно, ни свет ни заря, прилетавшей на студию, чтобы смахнуть пыль, неизбежно осевшую за ночь в гриммуборных. С пожилой заведующей архивом, бывшей оперной певицей, которая в свои семьдесят никак не могла выйти из образа и потому молодилась как ведьма и красилась как на панель. Со стервозной режиссёршей – очевидно, исключительно по долгу службы.

С Мышкой Ханс флиртовал тоже. Но как-то очень ненавязчиво, и в то же время, тепло, интимно. Не осыпал комплиментами невзрачную, в общем-то, девушку. Но никогда не давил, прощал мелкие промахи, за что другие начальники направо и налево распекали нерадивых ассистентов. Частенько подвозил, если было по пути, выходил с ней покурить и в случае не вовремя выглянувшего начальства, тут же говорил, что “она со мной”.

Девушка ценила благосклонность руководителя – к тому же та, вроде бы, ни к чему её не обязывала – взамен от души стараясь работать не за страх, а за совесть. Тем более, что его чудачества дальше совместных двухминутных передышек и редких, всегда оправданных какой-то неожиданной рабочей радостью, порывистых объятий, никогда не шли.

11

Скачано с сайта knigomania.org

В результате Мышка осталась доделывать шефовские дела и попутно искоренять зарождающиеся сплетни. Сначала напросились на встречу два кандидата на абстрактные должности, о которых её предупредили: брать или не брать, посылать в отдел кадров, или сразу давать от ворот поворот. Потом забежал заведующий

транспортом и сообщил, что со службой такси вышел прокол... словом, свободна от дел Мышь оказалась часов около восьми вечера. Разумеется, даже не обедав.

С отсутствующим видом покидав в ответ на сочувствия сердобольной уборщицы, менеджер брела по коридору, с каждым шагом переживая приступ усталости. Впрочем, было бы ещё хуже, если бы она носила каблуки. Совершенно напрасно Штольман инкриминировала ей неподобающий стиль одежды: во что, скажите, наряжаться человеку, который бегают весь день как собака, по лестницам скачет со скоростью горного козла, и при всём при этом пашет как призовая лошадь?!

Как там говорилось в известной притке? “Больше всех на ферме работал конь, но приз на ярмарке дали почему-то фермеру”.

Свежая идея немного подняла ей настроение: когда в следующий раз режиссер попробует устроить выволочку – она последовательно изложит ей последние соображения, и потребует подковы и удобное седло за казённый счёт. Мышь даже хихикнула, чувствуя, как первый же несерьёзный порыв возвращает ей бодрость духа. «Надо непременно затеять какую-нибудь авантюру, – мечтательно подумала она, – что-то несуразное настолько, чтобы жизнь серой не казалась!»

От этой счастливой мысли её отвлек невнятный, приглушенный звук. Не влажное шарканье швабры и не эхо шагов – какое-то копошение доносилось из студии справа.

Что кому-то понадобилось на съёмочной площадке ночью? Воры залезли, чтобы украсть дорогостоящую камеру весом в тридцать килограмм? Одержимые фанатки промахнулись мимо гримерной в поисках позабытых носков кумира? Грабитель вскрыл соседний магазин, и забрался в незапертое окно по пожарной лестнице?

Мышь испугалась, и все эти мысли пронеслись в голове, как хвост от кометы, не разделенные на составные части.

«Вот тебе приключение, дура несчастная!»

12

Слава хранящим телестудию богам, ей хватило ума не заорать во весь голос «Кто здесь?! Выходите с поднятыми руками!», тем более, никакого оружия кроме пилочки для ногтей она с собой отродясь не носила. Даже газовый баллончик, сто лет назад подаренный

приятелем, уютно устроился дома, где-то на полке с бытовыми химикатами. Они тогда долго препирались, Мышь отнекивалась, не желая даже в руки брать столь сомнительный подарок, и уверяла, что с наибольшей вероятностью при возникновении чрезвычайной ситуации она очень успешно брызнет перцовым настоем не куда-нибудь, а именно себе в глаз. В правый. Для скорейшего и благополучного разрешения конфликта.

«Ну-ка соберись, – мысленно велела она себе, – а то потом будешь локти кусать, что стояла и глазами хлопала, когда... »

Пытаясь убедить себя, что ничего страшного в охраняемом здании происходить не может, Мышь аккуратно заглянула в приоткрытую дверь. Это оказалось неожиданно сложно. Некстати припомнился какой-то муторный ужастик, который они смотрели с ребятами в кинотеатре. Такая же темень, коридор, уходящий во мрак, приоткрытая дверь, зловещая, нагнетающая музыка на фоне... по хребту у неё дружным муравьиным строем хлынули холодные, противные мурашки.

В студии было темно; но тусклого света фонарей за окнами хватило, чтобы различить две фигуры, суетливо жавшиеся друг к другу в неровных складках частично снятой одежды, под аккомпанемент невнятного бормотания и срывающихся выдохов.

Мышь вообще никогда не была сторонником секса где придётся; а уж в студии, где кроме бутафорской мебели (которая только выглядит так шикарно, а на ощупь может быть и слишком мягкой, и слишком жёсткой, и вообще не первой свежести) и пыльного пола некуда даже присесть, всё действо напоминало успешную попытку изнасилования.

Страх отпустил, мгновенно перейдя в брезгливость. Мышь отступила на шаг, отворачиваясь от увлекательного зрелища. С учётом того, что обоих участников она узнала – сомнения в том, кто кого насилует, моментально улетучились.

Значит, вот как молодой и талантливый герр Энберг пробивает себе карьеру. Да она же в полтора раза старше тебя, неужели самому не противно?!

Режиссер – фигура культовая; ей ни слова поперёк, ни на съёмках, ни до, ни после. А ей ещё ума хватало думать, что актёры – такие же люди, как все, только немного зазнавшиеся; но с вполне жизненными

проблемами.

Однако, чтоб за твоё лицо на экране платили миллионы – надо уметь продать всё остальное одному-двум счастливицам, облеченным реальной властью...

13

Мышь отступила назад, не в силах сдвинуться с места. На ум лезла всякая колоссальная ерунда. Вспоминался почему-то востроглазый, лысый, как спелый арбуз, препод из колледжа, где она училась. У препода было бесподобное чутьё. Списать при нём не представлялось совершенно никакой возможности – не получалось даже у завзятых, принципиальных любителей жульничать на контрольных. Впрочем, Мышка никогда не списывала. Не из принципа, а просто не умела. Легче выучить, чем скатывать со шпоры и попасться – стыда не оберешься потом.

Препода был сильный, вёл достаточно интересно, и какой-то важный предмет. Но вот взгляд у него был... нет, не просто внимательный. Внимательный, и очень цепкий, как промасленный, исключительно острый крюк в разделочном цехе коровьей бойни. Почему крюк должен быть промасленным, ни тогда ни теперь Мышке в голову не приходило. Зато ходили слухи, что смазливый студенткам удаётся-таки получать от него поблажки, если добиться пересдачи и придти на неё в юбке покороче, и в чулках, обязательно – в чулках.

Мышь представила себе такую “пересдачу”. Как она переминается на неудобном пластиковом стуле. Пытаясь устроиться поудобнее, явно нервничая, провокационно отводит в сторону затёкшую, якобы, коленку. А он кивает – благосклонно: “продолжай, мол, экзаменуемая, я весь внимание”. И взгляд. Промасленный взгляд тройным крюком впивается в...

Он вёл у их потока, кажется, два семестра. И оба раза сильно занижал Мышке оценки на зачётах. Но на пересдачи она не ходила.

Менеджер беззвучно вздохнула и побрела обратно по коридору, в сторону другой лестницы, не рискуя пройти мимо двери. Ей было противно.

14

Утро занялось солнечное, и такое оптимистичное, что хотелось

предложить миру килограмм лимонов с солью – чтоб не светился такой сумасшедшей самодовольной радостью.

Вместо этого Мышь решительно встала перед зеркалом в ванной, разложила коробочки с косметикой, и накрасилась. Потом, осознав тщетность своей затеи, смахнула косметику в ящик, где она до этого покрывалась пылью, и тщательно умылась.

С причёской вышло немногим лучше. Довольно густые, но при этом тонкие волосы оттенка “неопределенный шатен” легко убирались в хвост, а лучше всего просто свободно висели по плечам. Каким образом подруга, ныне работающая в парикмахерском салоне, в своё время умудрилась соорудить из этого живописную высокую причёску, Мышка представляла смутно, но попробовала повторить. Результат напоминал кулёк соломы, зачем-то водруженный на голову и испещренный разного рода заколками и прищепками.

Увлечшись, Мышь спохватилась только поняв, что сейчас опоздает! Пришлось пожертвовать утренней чашкой кофе. Досадно, впрочем, не в первый раз.

Разумеется, тушь оставила незаметные при электрическом свете подтёки, и первое, что ей сказал Ханс (в кои-то веки прибывший на службу раньше) было изумленное:

- Ты что, плакала?!

- Нет. Я умывалась, – честно ответила Мышь, размазывая пальцами «синяки».

- Дай, я сотру, – шеф достал платок, и действительно вытер ей лицо.

Мышь благодарно прижмурилась, по достоинству оценив заботу. Но, проходя мимо зеркала в холле, с досадой отметила, что волосы так и остались встрепанными. В сочетании с растёртым до красноватых пятен лицом и обычной (на подбор костюма времени с утра точно не оставалось) бесцветной кофтой, вид у неё был, пожалуй, даже пообшарпаннее, чем всегда.

Чуть позже трогательная сцена с Хансом в холле возымела неожиданные последствия.

15

- Мышь, – секретарша, молоденькая и преисполненная собственной важности, торопилась наперерез; на лице (немым укором менеджеру)

аккуратный дорогой макияж, зато ни капли интеллекта, – фрау..., – девушка замешкалась, явно пытаясь вспомнить фамилию.

Мышь ободряюще кивнула, чтоб красotka не мучилась из-за ерунды, и донесла до неё предельно важную вестъ:

- Герр Энберг хочет Вас видеть!

В гримерной пахло тонким одеколоном и гримом. Мышь невольно усмехнулась, вспоминая свои утренние изыскания. Интересно, профессиональный художник сможет сделать из неё красавицу, или даже полкило тонального крема не придадут коже лица изысканной гладкости? А грамотный стилист сможет подобрать ей гардероб? Чтоб и удобно, и по фигуре, и “подчёркивал, а не скрывал”? О парикмахерах думать не хотелось вовсе.

- Что стоишь на пороге? Заходи, будь как дома, – отвлѣк от размышлений бархатистый голос, обладатель которого восседал на табурете посреди фантастического бедлама из баночек, кисточек и смятых деталей костюма; при чём на нём самом из костюма были только чёрные джинсы (Blueprint – спонсор проекта, разумеется), и развязанный галстук, вальяжно перекинувшийся через загорелую шею.

Хорош. Подтянутый, но в меру, чуть сутулый, но только чуть, неправдоподобно уверенный в позе и жестах, словно привык подстраиваться под камеру и оператора. «Под режиссера» – мысленно скрипнув зубами, напомнила себе Мышь, и всё очарование образа мгновенно улетучилось.

- Вы хотели меня видеть?

- Садись, – он закинул ногу на ногу и сам откинулся назад, облокотившись о полку при зеркале.

Широкий приглашающий жест. Ах, да – они договорились быть на «ты». Сколько раз за двое суток можно изменить мнение о человеке? Мышь не стала кочевряжиться и села, перевесив на спинку скомканную рубашку.

16

Скачано с сайта knigomania.org

- Ну что? – вопрос они произнесли одновременно; в другое время Мышь бы первая рассмеялась, теперь же замолчала неловко, пытаясь

определить, что хочет от неё настырный собеседник.

- Ну что, ты мне расскажешь, что у тебя стряслось, или вызвать психоаналитика? – конкретизировал Йорк, и синие, прищуренные глаза изучили лицо собеседницы с тщательностью рентгена. Вот он наблюдает, как она тщетно старается, неумеючи создать причёску. А вот замечает слой пыли на крышках коробочки с недорогой пудрой. Хороший такой слой, основательный. Мышке пришлось делать усилие, чтобы напомнить себе: это только маска, отработанный жест. Ничего он там не видит...

- У меня всё нормально. Всё в порядке, но дел куча. Если у тебя нет ничего конкретного...

- Сядь, – тихо и властно, ещё до того как девушка успеет подняться, проговорил он, – у тебя всё в порядке, а мне предлагается считать разновидностью нормы тихую истерику со слезами ещё до начала рабочего дня?

Секунду Мышь попыталась понять, о чём идёт речь. Потом сообразила, что это аукнулась чёртова тушь:

- Я не...

- Мышка. Я давно тебя знаю. Достаточно давно, чтобы понять, что на пустом месте таких вещей не бывает.

«Да ты до позавчерашнего дня вообще не знал о моём существовании!» – чуть было не брякнула девушка, но вовремя заткнулась.

- Тебя обижает кто-то из коллег? Задержал вахтер? С каким-то делом неприятности? Если хочешь, я попрошу Ингу...

- Йорк, – взгляд карих глаз перехватил внимательный синий; актеру показалось, что за ворот ему плеснули кипятку из чайника, на самом же деле, менеджер искала среди самоуверенной неотразимости зачатки интеллекта хоть в каком-нибудь состоянии, – не было никакой истерики со слезами, ОК? Так и передай фрау Штольман: тебе показалось!

- А как же, – на секунду он сбился с намеченной уверенной позиции, но тут же обрел под ногами почву, – а что же было в холле, на глазах у удивленной публики?

- Ресничка в глаз попала, – отрезала Мышь.

- Извините, герр Энберг, – это секретарша, даже не вся, только точеный носик сунулся в примерку.

- Закройте дверь, – рывкнул Йорк так, что зазвенело зеркало. Хотя, может, это просто очередные баночки посыпались с полки от неловкого движения актёрского локтя.

17

Он перевел дыхание. Поджал губы, чуть прикрыл глаза, видимо, пытаюсь успокоиться. И потом, без всякого перехода, спросил, – Этот Ханс. У вас, кажется, хорошие отношения?

- Да, – ляпнула Мышь, и только потом сделала вывод об истинной подоплеке вопроса, – то есть да, у нас великолепные рабочие взаимоотношения.

- Великолепные, – взгляд испытующий, ирония едва скользит.

- Не настолько конечно, как у вас со Штольман, – выпалила Мышь, и только потом подумала, что это заявление не только выходит далеко за рамки светского разговора, но и запросто может стоить ей карьеры в качестве менеджера телестудии.

Йорк внезапно растерял весь гонор и сник:

- Ну зачем ты так? – тихо, и, кажется, даже чуть виновато упрекнул он. Разговор приобрел бы оттенок откровенного, но как известно, упомянутая проблема как правило является на место событий немедленно.

- Какого черта ты устраиваешь сцены? – режиссер даже не вошла; ворвалась как армия захватчиков, сразу оказавшись на середине комнаты. Вопрос относился к актёру Энбергу, и менеджер уже прикидывала, как бы потактичнее и понезаметнее просочиться на выход. Не вышло. – Мышь! А ты что расселась? Реши наконец вопрос с телефонной компанией, троим из наших актеров опять трезвонят поклонники. И найди, кто продаёт, мать их, эти номера.

- Да-да, мы уже закончили, – тихо и по деловому отозвалась менеджер, глядя поверх головы скандальной знаменитости, – извините, фрау Штольман, я уже иду к телефонистам.

С этими словами она выскочила из примерки, оставив артисту самому объяснять, что именно они там делали вдвоём – такое, что секретарше чуть не прищемили дверью нос.

- Что он хотел? – спросил Ханс, не отрываясь от бумаг, под которыми, судя по выражению лица, его и надлежало похоронить.

- Новый телефон, – чуть резче чем следовало, брякнула Мышь; потом, смягчившись, добавила, – раз уж так, давай я возьму переговоры с телефонной компанией, а ты снаряжай ребят на выезд, хорошо?

Ханс просиял. Собрал в стопку разложенные листы и сунул ей всю охапку. Мышь вздохнула и принялась за работу.

18

Странный разговор с Йорком вызвал противоречивое ощущение. В основном, потому что загадкой осталось: чего же именно он хотел.

Актерские ипостаси менялись с такой уверенностью и скоростью, что никакой опыт общения и угадывания подтекстов не помогал. В конце концов, Мышь пришла к выводу, что избалованный красавец просто тешил своё любопытство. Ведь не очаровался же он её сомнительными прелестями после совместного поедания жареной сосиски?

Для таких, как он, есть дорогие элитные шлюхи, приглашаемые специально из модельных агентств (счета подписывал Ханс, но разве такой начальник удержит что-то в секрете?) и есть госпожа режиссер. С которой надо играть любовь, по крайней мере, до того момента, как закончатся съёмки. Так что намёк на вероятные отношения с Хансом никак не мог быть вызван ревностью.

Впрочем, герр Энберг сам попытался объяснить свой маловнятный поступок, на этот раз поймав её на третьем этаже, где располагались аппаратные, и как неустанные пчёлы суетились техники.

- Мышь, – она обернулась и, узнав, вызывающе вздернула подбородок. Он тут же уловил это настроение, – ну что ты ершишься? Я, между прочим, специально пришел, чтобы спросить, не хочешь ли ты со мной пообедать.

- Не обедаю сегодня, нет времени, – хмыкнула менеджер.

- Слушай, – Йорк опустил на какой-то ящик, задумчиво теребя край рукава и заглядывая в глаза, – мне не так часто попадаются люди, с которыми можно просто... да просто поговорить; которые не смотрят

обожаящими глазами, как кот на сливки, не задают каверзных вопросов и не мечтают влезть в мою личную жизнь, не вытирая ног. Я же просто хочу с тобой подружиться, неужто это так сложно? Если кто тебя чем-то обидел, ты скажи, я ведь смогу помочь. И целуйся на здоровье со своим ненаглядным Хансом – слава богу, он не в моём вкусе, ты – тоже; а то Инга бы мне руки оборвала за роман на съёмках. Ну? Что сложного? Пойдём обедать.

Девушка стояла, совершенно оглушенная. При чём тут Ханс, неужто кто-то и впрямь думает, что у них роман? Какая чушь... А этот мальчик с плаката, чтоб его так, хочет чтобы она... чего он, собственно, хочет? Дружбы? Фигушки, в мире шоу-бизнеса такого понятия не существует.

- Ничего сложного, – отозвалась Мышь, про себя обозвав актера наглым, избалованным мальчишкой, – но я и правда занята.

19

Через час, выпив кофе и сжевав черствый и изначально, видимо, резиновый бутерброд из автомата, Мышь решила, что незачем было обижать чудаковатого актёра. Надо пообедать с ним в другой раз – от неё не убудет, а для дела полезно. А ещё через пару часов она выкинула Йорка из головы вместе с его дурным настроением, заваленная очередной срочной работой.

Телефонная трубка была тёплой и неприятно липла к уху. Поэтому, положив её на рычаг, менеджер испытала ни с чем не сравнимую радость – почти восторг. Как вдруг гармония плотного рабочего полудня была самым грубым образом нарушена. По сравнению с высоким, въедающимся под кожу визгом, безобидная трубка с нудными гудками и голосами стали казаться даром божьим. Увы, уже утерянным.

- Где он?! – накинулась на неё фрау Штольман. Мышь непонимающе захлопала светлыми ресницами, – я спрашиваю, куда делся Энберг? – в голосе сквозили истерические нотки.

Мышь ошарашено встряхнула лохматой головой. Что за бред, почему она должна быть в курсе этого вопроса?

- Откуда я знаю? – разговор с телефонной компанией вместо расчетных сорока минут занял без малого два часа, и успел изрядно её взбесить.

- А ты не знаешь? А кто будет знать?! У нас актёр пропал со съемок, а ты в святом неведение.

Мышь прокляла Ханса, который опять уехал по каким-то неотложным делам, но всё же уточнила:

- Как – пропал?!

- Пошел обедать, а в студию не явился.

- И что Вы от меня хотите?! – обалдела девушка, – я же его за ручку на обед не вожу, – сказано это было беззлобно. Ей хотелось обратить неприятный разговор в шутку. Может, режиссер своей богатой фантазией представит Энберга детсадовского возраста в слюнявчике, топающего с воспитательницей на обед?

- Мне не до шуток! – взвизгнула блондинка, и Мышь поняла, что план провален, – ты здесь для того, чтобы без сбоев шел творческий процесс у умных, занятых людей. Чтоб всё работало и всё было вовремя. И так каждый день накладки – ну, да с козла молока не требуют... но у тебя главный герой пропал, а ты тут хлопаешь глазами и говоришь, что не при чём!

- Знаете, что, – не выдержала Мышка, – я Вам не нянька – следить за всякими... – она не нашла нужных слов, развернулась, и пошла к лифтам. Пусть хоть уволят – ей надоело сидеть в четырех стенах, и делать чужую работу, за которую на неё ещё и орут!

20

Широкий сквер перед зданием студии затопило солнце. Почти полетнему тёплое и совершенно не способствующее депрессии. Шаркая кроссовками по выметенному асфальту дорожки, Мышь, как обычно торопливо, отправилась прочь, мимо фонтана, искрящего мелкой россыпью брызг. Впрочем, спешить ей было некуда – тем более, что на бортике фонтана обнаружилась причина скандала собственной персоной.

Йорк сидел, блаженно щуря глаза, закатав рукава по локоть, и вся спина рубашки была уже мокрой: порывистый ветер регулярно осыпал его каплями с фонтанных струй.

Мышь мгновенно растеряла весь запас злобы, ощутив привычную деловую собранность.

- Йорк! Ты знаешь, что тебя вся студия ищет?! – больше всего ей

хотелось ухватить горе-беглеца за шиворот и вернуть в объятья его ненаглядной стервы; а самой уйти, и не вспоминать о них хотя бы до завтра.

- Ну и что, – с улыбкой счастливого наркомана сообщил актёр.

- А они без тебя снимать не могут, – ехидно подсказала Мышка, – ты догадываешься, какой там шум?

- Нет. Я точно знаю, какой там шум, и кто не забывает регулярно подливать масла в огонь. Так что не трудись пересказывать.

Даже запас возмущения на сегодня был исчерпан начисто. Мышь опустила на гранитный бортик и подставила лицо солнцу.

- Вот!- не поворачиваясь, наставительно произнёс Йорк, – а представляешь, как редко мне удаётся так спокойно посидеть?

- Понятия не имею, – фыркнула девушка, – в любом случае, эта идиллия не надолго: вон твой храбрый эскорт тебя обнаружил.

Наперегонки через сквер к ним мчались два взмыленных охранника и фрау Штольман, на каблуках обгонявшая дюжих парней на два корпуса, чьи глаза светились такой плотоядной яростью, что Мышь прикинула, где бы раздобыть соломинку, чтобы в конспиративных целях залечь на дно фонтана до лучших времен.

- Кажется, я понял, – задумчиво, и вместе с тем быстро проговорил Йорк, – Инга тебя взгрела за какой-нибудь казус с моим участием. Так? А ты не виновата, но ответить побоялась – она же царь и бог, и вообще начальник всего происходящего, а, Мышка? Правильно я всё говорю? Так вот учти: Инга, конечно, страшна в гневе, но для меня нет ничего невозможного, когда речь заходит о друзьях.

Ответить Мышь не успела – призовая тройка приблизилась на расстояние слышимости, и она вскочила с бортика, внутренне в очередной раз сжимаясь от предстоящего скандала.

21

Скачано с сайта knigomania.org

- Я там с ума схожу, – начала Штольман, и задохнулась, не успев перевести дыхание после пробежки. Щеки покраснелись; показалось? Или на виске под аккуратно уложенной прядью блеснула бисеринка пота? Режиссер набрала побольше воздуха и приступила, – Ты!.. – Йорк внимательно наблюдал, не поднимаясь с нагретого

камня, – Сколько можно?! – конкретизировать обвинения она видимо не собиралась, – Я сделала тебе имя, репутацию, лицо, рейтинг... а ты?! – Йорк даже бровью не повёл.

И тут на глаза распаленной фурии попалась более податливая цель:

- А ты, – Мышь даже отступила на шаг от страха, что начальница вот-вот вцепится ей в лицо, – вместо того чтобы поставить меня в известность, ты сидишь и прохлаждаешься тут!

- Остынь, – вдруг совершенно бесцветным, отрешенным голосом посоветовал Йорк. Штольман непонимающе сморгнула, оборачиваясь к нему:

- Что?

Тугая струя холодной воды ударила госпожу режиссера в грудь; элегантная блузка тут же подробно облепила тело, неизменно идеальная причёска повисла горестными сосульками, уверенный начальственный крик захлебнулся в буквальном смысле слова.

Это Йорк, запустив руку в фонтан, ловко зажал часть подающей воду трубки, как фермерские дети забавляются, поливая друг друга из шланга.

Мышь закричала, мешая восторг и испуг, Йорк хохотал. В ходе диверсии он вымок сам, и в прозрачной от воды рубашке был исключительно красив. Было в этом что-то эротичное, неуловимо привлекательное – куда интереснее, чем просто обнаженный торс красивого мужчины...

- Потом поговорим, – процедила режиссер, и, гордо вздёрнув подбородок, направилась обратно под еле сдерживаемые смешки охранников.

Йорк встал, и протянул Мышке руку, ладонью вверх:

- Друзья?

Она подумала секунду, и от души прихлопнула ладонь:

- Друзья!

Ну, вот собственно так они и выкрутились. Публика-то итальянского не знает, а и знает – пропустит мимо ушей. Зачем она так спела? А в

партию намёки не влезали. Альфред до конца сцены доиграл, как краб, передвигаясь боком, и только мой приятель тихо сполз в кулису, там и приготовился прощаться с жизнью: на этом спектакле итальянская делегация сидела в почётной ложе. Вместе с министром культуры Италии. Он как раз после спектакля им переводить должен был.

22

Глава 3

Как-то мы работали с приглашенным режиссером. Был он из Америки, языка не знает, гонор непомерный, и ставили какой-то идиотический сюр. Что-то вроде «Отелло» в стиле модерн. Нет, вообще-то и в модерне можно хорошую постановку сделать, надо только знать как. Но мы играли полную чушь: танцы не под музыку, свет во все стороны, мизансцены по 15 человек и костюмы из серии джинсы и свитер, так что все герои на одно лицо, зато грим потом смывать полчаса приходилось. Но так рвали страсти, что любовного! Главный герой по сюжету такой ревнивец – просто жуть, и вот была там сцена, где он врывается в гостиную к жене, и начинает там искать любовника, посылая проклятиями всё на свете. А в этот день какая-то тёмная история произошла – то ли реквизитор напутал, то ли сам любовник бутафорский пистолет потерял, в общем, искали его всей труппой, кто не на сцене, а спектакль-то начался, и идёт... Додумались что он в декорации мог выпасть, подождали пока занавес закроется и сцену поворачивать начнут, и кинулась туда. Любовник везде смотрел, уж и под кровать заглянул (там декорация спальни стояла), а механизм поворота – возьми да и заешь! Занавес открываться пошёл, он только и успел, что под кровать шмыгнуть. Выходят герой и героиня. Видят, декорация не та, ну, не беда, там не особо важно, кабинет ли, спальня – и давай играть свою сцену ревности – как режиссер заказывал, на повышенных тонах, и тихого предупреждающего покашливания из-под кровати, конечно не слышат. «Где он?! – орёт герой, – Куда ты его спрятала, продажная женщина?!» – и начинает, как по сюжету положено, супостата искать. А супостат-то под кроватью, хотя встреча их должна только в третьем акте произойти...

Нельзя сказать, что после памятной сцены у фонтана их отношения претерпели какие-то изменения. Избегая иносказаний, Йорк просто о

ней забыл. Мышь отнеслась к вопросу философски: самоутверждается ли юное дарование за счёт красивых женщин, злых и обидных шуток, или набирая в команду совершенно ненужных друзей – её по идее не касалось.

С другой стороны, где-то исподволь, вполголоса и как будто стыдливо хныкало сомнение: слишком живым казался Йорк в те два дня, что им довелось общаться; слишком откровенным и честным был его эгоизм «я, мне, со мной, про меня», чтоб оказаться наигранным. Может и вправду хотел хоть с кем-то поделиться?

Мышь накрывала сомнения холодной рукой рассудка: она в друзья не набивалась, благо своих хватает, а герр актёр пусть живёт как хочет, её это беспокоить не должно, и без того работы невпроворот.

23

Госпожа Штольман с ней не разговаривала. Объявила бойкот и проходила, не замечая, как мимо пустого места, все распоряжения передавая через Ханса. Шокировавшее поначалу, такое пренебрежение от «великой» на деле оказалось штукой весьма удобной, так что Мышь не роптала.

В одной из выделенных студий собрали декорацию бордельной спальни (с третьего раза, потому что дважды пришлось менять интерьер – кровать то не вписывалась в кадр, то не влезала в дверь).

Нашли помощника костюмера, без зазрений совести продававшего телефонные номера всех сценических деятелей. Парень изрядно прибавил тем самым к своей невеликой зарплате – и был уволен после сорокаминутного визга от Штольман, и попытки Ханса набить ему морду.

Отметили День Рожденья главной героини – шумно и весело, в закрытом клубе, просядив немереную сумму. Мышь лично подбирала кандидаток из верных модельных агентств для оживления вечера танцами и караоке. Было что-то неприятное в том, чтобы рассматривать портфолио, блестящие лаковыми фотографиями длинноногих, полуодетых... “Эта годится, мы сотрудничаем с ней уже давно; вот эта новенькая, но кажется, ничего, можно попробовать; а вот эта... ах нет, девушка, вы нам не подходите, тут пометка, что вы после одного-двух бокалов шампанского совершенно неприлично себя ведёте – видно кто-то проверял уже, и напоролся, бедняга”. Даже не эксперт на выставке собак. Скорее фермер, подбирающий в

отару овец посимпатичнее. Мышь утешалась только тем, что фермером быть определено лучше, чем овцой. Ханс, не глядя, подмахнул смету.

Всё это выливалось в хренову кучу бумаг, километры факсов и часы нудных разговоров по телефону. Дней десять работать пришлось на износ, каждый раз покидая родное здание телестудии часов в семь, а то и в восемь.

Ещё когда собирали декорацию, задержаться случилось до одиннадцати, после чего Мышь и Ханс, буквально держась друг за друга и силясь не спать на ходу, поплелись к его машине (он предложил подвезти её часов за шесть до этого, заметив, что девушка выглядит усталой). С тех пор он почти всегда её провожал.

Это был почти ритуал. Поздний вечер, и начальник и подчинённая перестают быть старшим менеджером и ассистентом, а превращаются, как золушкина карета – в тыкву, в двух усталый людей. У который есть право быть усталыми. Которые это право заработали. Задевая друг друга локтями и изредка бледно хихикая, если кто-то спотыкался о коварно протянутый поперёк коридора кабель, они покидали телестудию, медленно, нога за ногу, пересекали парковку, и длинные тени их ощупывали все подряд машины, словно приносясь.

Ханс находил впотьмах свой издававший виды, однако любимый нежно и трепетно джип, садился за руль, а Мышь с трудом взбиралась на высокую подножку, и захлопывала за собой тяжелую дверь. И дальше – они молчали. Мышь задрёмывала, тихонько посапывая под негромкое курлыканье радио и басовитое гудение мотора.

От автора:

Дорогие друзья! Спасибо, что читаете! Очень жду Ваших комментариев. А как Вы думаете, у безобидного Ханса действительно есть определенные виды на свою шуструю подчинённую?

24

Полтора выходных дня (на работу пришлось выйти даже в субботу), ещё два дня суеты, и вдруг среди урагана дел наступило нежданное

затишье. Говорят, так во время бури на море случается иногда передышка – обманчивая и краткосрочная, за которой последует, быть может, новый, ещё более суровый шквал – но от этого не менее желанная. Глубокий вдох позволяющий беснующимся волнам передохнуть. Впрочем, Мышь никогда не бывала на море.

Они сидели за белым столиком столовой, Ханс неторопливо помещивал крепкий кофе, а Мышь жевала бутерброд, в который раз размышляя о пользе здорового питания.

- Хуже всего на свете я понимаю детскую логику, – вслух размышлял шеф, – может, поэтому мы и развелись. Представляешь, на выходных я повёл сына в кино, а он возьми да и спроси «Папа, а почему тебя не видно в фильме»?..

Уж что-то, а в бесконечном океане съемочного процесса, Мышь уже давно плавала, как рыба в воде. Да, если бы все чернорабочие, обслуживающие создание очередного шедевра, хоть по разочку да попадали бы в кадр, пришлось бы отказаться от использования компьютерной графики даже на батальных сценах. Пожалуй, на батальных сценах – в первую очередь.

- И что ты ответил? – улыбнулась она.

- Что-что, – раздраженно передернул плечами Ханс, – полчаса рассказывал ему про процесс съёмок и объяснял, чем занимаюсь на работе...

- Лучше бы ты один раз на студию его привёл – и ребенку развлечение, и про вопросы свои забудет.

- Ни за какие коврижки! Это не девятилетний шкет. Это девятибалльный ураган. И мне страшно даже представить, какими вопросам он засыплет меня после такой экскурсии.

- Тебе ещё повезло, – подошедший незаметно Йорк бесцеремонно уселся на свободный стул, – если бы у меня был сын, и он задал вопрос «папа, кем ты работаешь?» – что, по-вашему, я ему должен был бы ответить? Что папа – актёр, а посмотреть его в кино можно будет только когда тебе исполнится восемнадцать?

- Шестнадцать хотя бы; фильм запланирован как “шестнадцать плюс”, – хмыкнула Мышь, забыв даже удивиться неожиданному явлению суперзвезды.

- Восемнадцать, – категорично объявил Йорк, и стало понятно, что он

чертовски доволен собой, – только что сняли! Уверяю тебя – и с таким ограничением повстаёт всё даже у мёртвых!

25

Ханс вежливо кивнул.

- Ты – сама скромность, – не сдержавшись, всё-таки ухмыльнулась Мышка.

- Да, я безумно горд, – подтвердил тот и, внезапно наклонившись к ней, низким, прочувствованным голосом спросил, – неужели ты не веришь в мою неоспоримую привлекательность?..

Мышь невольно вздрогнула. На неё в упор смотрели бездонно синие, загадочные глаза, уже вскружившие головы миллиону поклонниц. Ноздри её затрепетали, ощутив привычный запах грима и незнакомый, едва ощутимый, тонкого прохладного одеколona. Вот оно, актёрское обаяние высшей пробы. Харизма во плоти. Вот так теряют головы бестолковые девчонки, не имеющие привычки сопоставлять образ с реальными фактами. Простаивают дни и ночи у служебного входа, осаждают кинотеатры в день премьеры, пачками скупают журналы с плакатами полюбившегося героя, потом обклеивают этими плакатами стены в собственных комнатах, чтобы каждое утро и каждый вечер, засыпая и просыпаясь, ловить на себе взгляд этих синих глаз, пусть даже приглушенный, придавленный гляncем фотобумаги. Вот так... впрочем, в какую-то секунду ей даже захотелось самой податься вперёд, навстречу этому мужественному, всевластному (в данный момент по крайней мере) красавцу. Секундный порыв накатил, и схлынул, не оставив даже ощущения, разве что тень.

- Герр Энберг, Вы, по-моему, не вышли из образа, – непривычно сухо сказал Ханс.

- С ним это часто бывает, – пояснила девушка, про себя недоумевая, с чего это шеф так неприязненно смотрит на Йорка. Ну подумаешь; повыпендривается немного и уйдёт куда-нибудь дальше обнародовать свои непревзойденные успехи... пока Штольман его не поймает и не призовет «к ноге».

Ханс хмыкнул. И бросил на актёра такой взгляд, что если бы тот решил на этот взгляд ответить, между мужчинами бы очень недвусмысленно искрило.

Не удостоив сердитого Ханса вниманием, Йорк фамильярно закинул ногу на ногу и даже положил руку на спинку Мышкиного стула:

- Сегодня гуляем, – проникновенно заявил он в пространство, – после пяти, прямо здесь, как в добрые студенческие времена! И только попробуйте не явиться – вы оба, – он по-приятельски кивнул Хансу. Вот тебе и всё, никаких искр. Просто, непринужденно и тактично, он победил. – Чтобы отпраздновать мой триумф!

- Самодовольный болван, – процедил шеф, когда окрыленный главный герой умчался прочь.

- Да брось, – равнодушно махнула рукой Мышь, – а то ты актёров не знаешь!

Ханс ещё больше нахмурился, но так ничего и не сказал.

26

Скачано с сайта knigomania.org

Импровизированное веселье проходило бурно и в высшей степени неорганизованно. Всех как будто прорвало, и усталость, накопленная за две недели ударного труда, немедленно требовала такой же ударной разрядки.

Наверное поэтому оператор напился быстро и необратимо, русской водкой, чего за ним раньше вообще не водилось. Длинноногие девушки (и откуда только взялись? Ни сама Мышь, ни Ханс на этот раз и пальцем не пошевелили, чтобы их позвать) уже весело хихикали, отбросив сдержанные, чарующие улыбки и элегантно висли на всех, кто вовремя подставлял плечо.

Фрау Штольман с отсутствующим видом пила шампанское, поглядывая то на помрежа, то на Ханса, то в зал, где исполнители главных ролей, чей триумф полагалось чествовать, целовались на бис, только что не воспроизводя для восторженных зрителей фрагменты сегодняшней сцены. При этом на Йорке с другой стороны уже висела фантастически изящная брюнетка и таким хищным выражением глаз, что отрывать пришлось бы клещами.

Мышь пошарила в карманах в поисках зажигалки. Дьявол – ведь минуту назад отдала то ли шефу, то ли кому-то ещё, пробежавшему мимо...

- Ой, я её где-то там положил, – сообщил рассеянный Ханс на вопрос

об утерянной собственности. Мышь махнула на всё рукой: конечно, где уж ему вспомнить какую-то мелочь, когда с ним разговаривает такая чудная, такая обаятельная фотомоделка!

В задумчивости она побрела по залу, свернув в ближайший коридор. Хотелось тишины, курить и коньяка, а не игристого вина, которое прилично пить девушке на рабочем месте.

Открытая дверь студии поманила полумраком, и Мышь, не сомневаясь, проскользнула внутрь. Вряд ли она кому-то срочно понадобится, кроме того, шеф может и оторваться от завлекательной блондинки, если что.

Случай завёл её в ту самую студию, где сегодня снимали. Ухмыльнувшись, Мышь без зазрений совести растянулась на двуспальной кровати, ощущая спиной прохладный атлас (который вообще-то отвратительно сиреневый, но в темноте ведь этого не видно, правда?).

На столике рядом – как дар свыше – лежала чья-то зажигалка. Девушка закурила. В силуэтах штативов и камер угадывались монстры, живущие в детских шкафах. Но Мышь никогда не боялась темноты, в её комнате не копошились чудовища, поэтому она лениво и благодушно рассматривала странные колченогие тени. Тишина и нестрашные монстры – лучшая компания, чтоб отдохнуть от людей и суеверий.

27

Как-то раз, во время студенческой сессии, кто-то из старших приятелей уговорил её посидеть с их ребёнком, пока они сходят отметить какое-то знаменательное событие. Мышь несколько не расстроилась, что её не зовут отмечать, зато с трудом представляла себе, что с малым вообще нужно делать. Однако обескровленные сессией и непосредственно бесчинствами чада счастливые родители так уговаривали, расписывая тонны подарков и бонусов в виде чужих конспектов, которые они принесут Мышке взамен, и смотрели такими умоляющими глазами, что она сама не поняла, как согласилась.

И ничего страшного не произошло. Они преспокойно смотрели мультики, играли в какие-то пирамидки и машинки (малышу было, кажется, года три). До тех пор, пока за окнами не начало смеркаться. Вот тут случился приступ паники. Ребёнок закапризничал, завозился,

захныкал, а потом и заревел во всё горло.

Призывая на помощь все возможные запасы терпения и мужества, Мышь попыталась выяснить, что не так. Оказалось, что мама с папой, а особенно тётя-няня (кой чёрт её в этот день угораздило оказаться напрочь занятой?!) давно убедили малого, что если с наступлением темноты он не ляжет спать, то из шкафа вылезет бука, которая утащит его... дальше объяснения терялись в безнадежном испуганном рёве.

Мышь прикинула так и эдак. И предложила свой вариант. Они бесстрашно потушили свет, и сели на мягкий ковёр, обнявшись. И Мышь рассказывала какой-то бред. Про то, что бука на самом деле никого и никогда не обижает, и тем более не ест; и про то как ей, буке, тяжело на свете живётся. Вот она сидит в своём шкафу – не в шкафу даже, а за дальней стенкой шкафа. Там тесно и пыльно, и очень хочется гулять. Пройтись по улице, подружиться с кем-нибудь, вот например с ними двоими и подружиться. Но так вышло, что выходить ей, буке, можно только в темноте, иначе она растает, как утренний туман, испарится просто, вот и всё.

Потом они даже звали буку, предлагая дружбу и бублики с чаем, и малыш с любопытством сам открывал заветный шкаф. Но бука отчего-то не шла, наверное стеснялась...

Дверь студии бесшумно распахнулась, впустив ещё одну тень.

«Вот тебе на, – мысленно чертыхнулась девушка, – никакого покоя. А если он ещё и не один?!» Но пришедший явно забрёл сюда не в поисках эротических приключений – тем самым избавившись от весьма возможного конфуза.

Раз уж не пришлось срочно прятаться под кроватью, Мышь подобралась и села, стремясь принять более приличествующую моменту позу. От двери донёсся сдавленный вопль – не то возмущения, не то ужаса; потом её опознали. Прижав палец к губам, Йорк аккуратно прикрыл дверь, погрузив комнату в кромешную тьму; только где-то на полу мигал зеленой лампочкой, заряжаясь, аккумулятор.

Неловкое шебуршение, падение чего-то лёгкого, но, кажется, громоздкого, проклятье вполголоса... наконец Йорк нашарил выключатель, и элегантный ночник залил неярким светом ложе порока, на котором, сутулясь, сидела Мышь.

- Хорошо, что это ты! – успокоено протянул актёр.

28

- Хорошо, что это ты! – успокоено протянул актёр.

- А ты кого ждал? – удивленно фыркнула менеджер.

- Партнершу, – проверяя, плотно ли закрыта дверь, буркнул Йорк, – что-то она сегодня разошлась.

- Ну, ещё бы!

- Ай, ты не понимаешь. Такие вещи надо либо играть, либо делать.

- Вместе никак нельзя?

- Не знает она, что ли? – не обращая внимания на шпильки, рассуждал актёр.

Среди актёров и актрис ходила масса суеверий, традиций и примет. К примеру, считалось фатальным перед прослушиванием уронить листки с ролью, а того хуже – на них наступить. Дескать, попранная ногами, роль обидится и никогда не достанется недотёпе, ни в этой жизни, ни в следующих. В том числе дурной приметой считались всяческие связи между героями, работающими в связке на сцене.

Всякое бывало: и бурные свадьбы, с последующими бурными разводами через месяц, и несчастные случаи “на производстве”, непосредственно после означенных связей. О тихих “уходах со сцены” одного из партнёров, безликих свадьбах и счастливых детях рассказывать было почему-то не принято. Хотя бывало и такое.

Мышь понимающе покивала, и дала разумную подсказку:

- Не знает. Или чернуля твоя ей не понравилась.

- Дэтта? Она всегда себя так ведёт, – он о чём-то задумался, внимательно осмотрев комнату; Мышь неловко заёрзала под его взглядом, поправляя слегка задравшийся свитер, – а твой где?

- Что «где»? – она на самом деле не поняла.

- Ханс, – он с сомнением покосился на встрёпанную девушку, – не под кроватью же?

- Если и под кроватью, то не под этой, и не один, – вспылила Мышь, – там уже Дэтта составляет ему компанию!

- О, – глубокомысленно изрёк актёр, – значит, ему повезло.

И без дальнейших объяснений вальяжно растянулся на атласе. Девушка, подавив возмущение (каков нахал!) пересела, чтобы не прикасаться коленом, и вместо гневной тирады о рыцарях, сгоняющих с подушки усталых дам, спросила:

- А вторая, блондинка – себя так же ведёт?

- Шут знает. Я что – должен всех их помнить?!

- А Штольман твои похождения не смущают? – Мышь почувствовала, что её несёт. Ещё немного, и она нахамит этому беспринципному засранцу, чтобы не смел лезть в душу, сватать её Хансу, жаловаться на горькую долю суперзвезды, и вообще оставил её в покое!

29

- Инга? О, эта женщина, – выдохнул Йорк, и вдруг стало заметно, что он безбожно пьян, так что следующее заявление по логике и этике граничило с фантастикой, – она сучка! Она сучка, а я волк. И грызня, и родня. Поубивали бы друг друга, если б могли. Но мы похожи, – он перекатился по покрывалу, подпёр кулаком щеку и мечтательно уставился на собеседницу снизу-вверх, – Мышка, – проникновенно, задумчиво, – знаешь, какой должна быть настоящая женщина?

- Йорк, уймись!

Но он фамильярно поймал кончиками пальцев её подбородок, заставив смотреть куда-то выше, в балдахин. Пальцы были тёплые, сухие и мягкие. Почти неощутимое касание послало по коже лёгкие щекотные дорожки. Не неприятно. От дорожек во все стороны расползлось тепло.

- Она нежна. Она горда. И непреступна. – Его пальцы переместились с подбородка на шею, проводя изящные линии – вниз, потом опять вверх. Мышь рефлекторно затаила дыхание. – Она не ляжет ради славы, о, нет... она покоряет, – он отпустил её ради патетического жеста, – всевластием! Она богиня. Её веленьем развязывались войны и падали империи. А я служил бы ей. Пел серенады, слагал бы сонет за сонетом, я бы отдал ей душу, если бы она хотела принять такой уродливый цветок... и тогда я шагну к ней, а она спустит с серебряной цепи сторожевого тигра, и он, её волей, не коснётся меня, или повалит и разорвёт в клочья, и кровь... – он по ходу разъяснения моргнул, – а Инга – сука! – совсем ни к чему резюмировал Йорк и отключился.

Мышь помолчала минуту; в голове не было ни единой мысли. Что за бред?! Позвать Ингу, и в таком виде вручить ей расшалившееся чадо? Или сразу охрану – пусть волокут его в машину и домой?

Содрогнувшись при мысли об объяснениях с режиссером, она совсем уж было решила бросить всё как есть и тихонько удрать, как вдруг кольнуло неприятное предчувствие – как будто Штольман стоит за дверью. Она вскочила, понимая, что последует, если их вдвоём застанут на кровати (и доказывай потом, что герр актёр просто спит)!

Полоса света из коридора прочертила по полу ровную линию. На пороге стоял Ханс. Мышка так и не поняла, что именно выражало его лицо. Понимание? Осуждение? Брезгливость? Прошмыгнув мимо, она заглянула в глаза: сожаление? Обида? Не злость... может быть, разочарование? Не понять, почему. И совершенно не ясно, что сказать.

30

- Поедем, – подал голос Ханс. Скорее утверждение, чем вопрос, – я возьму такси.

- Конечно, – кивнула Мышь и щелкнула зажигалкой – просто так, как точка в несуразном разговоре.

На заднем сидении было уютно.

- Хороший был день, – вполголоса сказала она, чтоб не молчать.

- Да, без особых проблем, – откликнулся Ханс.

- Слава богу, он наконец закончился, – и устало ткнулась лбом в его плечо. Она бы сразу отстранилась, но Ханс, казалось, только этого и ждал – обнял за плечи, притянув к себе, как маленького ребенка, которого надо баюкать.

Нежные, ненавязчивые прикосновения, сильная ладонь слегка сжимает плечо, потом отпускает, пальцы пробегают по растрепавшейся к вечеру косичке, убирают со лба выбившуюся светлую прядь... совершенно без эротики. Интимнее, чем секс.

Мышь вышла из машины, забыв сказать «до свиданья» водителю, и задремавшему на заднем сидении шефу.

... в общем, лежал он под кроватью, ни жив ни мёртв. Герой-

ревнивец по роли «Где он? Сейчас я сам его найду!» – и, разумеется, лезет с поисками под кровать! А он там есть! Герой чуть роль не запорол – потому что от неожиданности отшатнулся, и совершенно не пафосно заорал. Правильно – и я бы тоже испугался, если бы заглянул под свою кровать, а там вдруг кто-то лежит и прячется, и смотрит умоляющими глазами на пол лица. Ну, тут герой сориентировался, думает моментом «скажу, что там мышь». И всё бы ничего – только у него следующая реплика со слова «гадюка» начиналось. И он как заорёт «у тебя гадюка под кроватью»!.. Как ты думаешь, что бедная героиня подумала?..

31

Скачано с сайта knigomania.org

Глава 4

Или вот, тоже на выезде случилось. Да, на выезде случается чаще. Хотя и дома конечно, “правда, реже, но хуже”. Впрочем, в театре всегда что-нибудь, да случается. Мы были где-то прямо на границе с Африкой, в общем, не самое туристическое направление, если ты не любишь сафари. Но деньги платили, администратор принял решение – и мы поехали, никуда не делись. Знаешь, что такое восточный базар? Настоящий? А как там пахнет!? Пряности, пряности, кажется, весь воздух – шафран и мускат. Проводишь языком по губам, и чувствуешь. Его почти можно потрогать! Но только там жарко и дышать нечем. А ещё мы торопились, ох как мы торопились, было нам совершенно некогда. В четыре утра приехали, в четыре вечера – уже выступать надо. А позже никак нельзя, потому что у них там молитва по графику, ох, как они молятся, надо это видеть. Вот приехали, распаковались худо-бедно в суе, сбежались на генпрогон, первый и он же единственный. Жара непередаваемая, репетируем без грима даже, и так текут все, как свечки, времени – заполдень перевалило. Только начали, и тут из-за стены, с улицы... как будто коты заорали. Какой-то шум, гам, и монотонный такой вой.

На следующее утро весь состав съёмочной группы страдал беспощадным похмельем. Неудивительно, что запланированная сцена не шла. И частые перерывы на глоток минералки планомерно переходили в сладострастные зависы, когда каждый мечтал только об одном: ничего не делать и чтоб его при этом не трогали.

Путаница с декорациями и накладки с реквизитом не могли благотворно сказаться на творческом процессе. Настроения всем присутствующим и в особенности несравненной фрау Штольман это никак не улучшало.

- Алекс! Что вы играете?! – режиссёр раздраженно постучала длинной расческой по спинке соседнего стула. Звук получился на редкость противный.

- Играю, что написано в роли, – буркнул Алекс, молодой бычок, пока снискавший славу актёра вторых ролей, и сподобившийся в нынешней постановке изображать лучшего друга главного героя.

Почему-то именно сегодня Алексу это казалось особенно обидным. Давно пора было выходить на уровень первого плана, и на этот фильм и он, и его агент возлагали определенные надежды, однако же вот, не сложилось.

- Ладно, давайте, мальчики, ещё разок, ещё разок! – Штольман нетерпеливо дёрнула плечом.

- Пять, четыре, три, два... – оживился покорный, всепрощающий ассистент.

32

Сцена призвана была изображать довольно трогательный момент, где главный герой, изнурённый бедами, успевшими насыпаться на него по сюжету, приходит за советом к лучшему другу. К единственному человеку, которому в этом жестоком мире приличный герой может доверять (не считая главной героини, разумеется).

Декорации превратили студию в подобие квартиры. Вроде бы холостяцкой, но слишком прибранной и прилизанной чтобы таковой являться на самом деле. По крайней мере, Мышке показалось именно так, когда она утром пробежала мимо с какими-то бумагами. Это ощущение не ушло и теперь, когда она вернулась в поисках Ханса, потому что ряд жизненно важных вопросов требовал личного шефовского вмешательства.

Ханс сидел неподалёку от Штольман, за правым плечом, как ангел-хранитель, и увлеченно ковырялся в телефоне, бесшумно шевеля губами. Очевидно кто-то из поставщиков или агентов оказался недостаточно расторопным и исполнительным. Экран бросал на его лицо синие блики, и вид у шефа был загадочный, прямо-таки

колдовской.

Мышь снова посмотрела на макет квартирки. Даже населившие её человеческие фигуры не совершили чуда. Книжки в полках стояли слишком ровно, как по линейке, возле аккуратного, без единой пылинки, ноутбука идеально правильной стопкой лежали какие-то диски. У половины из них на корешках вместо названий фильмов – логотипы компаний спонсоров, как обычно. Нигде ни грязной чашки, ни брошенной смятой футболки, ни даже пошлого журнала, раскрытого на самой интересной странице. Скучно и мёртво. Какое уж тут холостяцкое гнездо. К тому же, ей, стоящей достаточно далеко, было прекрасно видно где декорация обрывалась, перетекая в обычные студийные стены, белые и матовые, чтоб не отбрасывали ненужных бликов.

Щёлкнула хлопушка, с еле-слышным жужжанием поехала справа налево камера, все присутствующие затаились, как тараканы под веником, даже дышать перестали.

- Я понимаю, – говорил Йорк размеренно и монотонно. Скучно говорил; и заметно было, что головой он старается особо не трясти, – я понимаю, что всё безнадёжно. Всё было напрасно, это – конец. Но ведь именно ты тогда пришёл мне на помощь, ты один не поверил в то, что это я виновен в...

- В её смерти ты не виноват. Никто не виноват, – перебил его Алекс. Перебил хорошо, с надрывом, он явно сам верил в то, что Йорк никого не убивал. Но, кажется, на секунду раньше, чем это было нужно.

- Стоп-стоп, – расчёска застучала по пластику. Голос у Инги был высокий и надтреснутый. – Мальчики, стоп. Алекс, ну что это опять?!

На щеках мускулистого Алекса наверняка сейчас алели жаркие пятна, невидимые, впрочем, под гримом. По крайней мере, желваки заходили ходуном.

От автора: Дорогие друзья, если Вам нравится эта книга, пожалуйста, зайдите в профиль, и нажмите кнопку “отслеживать автора” – для меня это очень важно! Заранее спасибо!

- Соберитесь, – увещевала госпожа режиссёр, сама болезненно

поморщившись, – ещё раз, ребята, давайте. И повнимательнее, Алекс!

Произошло небольшое копошение, зашевелились техники, возвращая всё необходимое на исходные позиции. Мышка тихонько, вдоль стенок, стараясь обогнуть фрау Штольман по максимально широкой дуге, подобралась к Хансу. Теперь она смотрела на декорацию с другого ракурса, и угол квартирки стал выглядеть совсем уж не натурально: там, где у нормальных людей обыкновенно помещается кухня, здесь виднелось что-то вроде ширмы, ультрасовременной, со специальными нишами то ли для декоративных фоторамочек, то ли для комнатных растений. Вместо грязных носков и недопитых позапрошлогодных кружек кофе эти самые растения в нишах и стояли. В одинаковых керамических горшках.

- Начали! – расчёска так саданула по пластику, что Ханс неприязненно передёрнул плечами, за что удостоен был гневного взгляда, и затихарился.

- Пять, четыре...

- Я понимаю, что всё безнадежно. Всё было напрасно, это – конец. – Йорк рассеянным жестом взял со стола какую-то книгу. – Но ведь именно ты тогда пришёл мне на помощь, ты один не поверил в то, что это я виновен в гибели Элены.

Мышь задержала дыхание на вдохе. Широкий актёрский жест, призванный привлечь внимание зрителя к собеседнику, будучи отягощённым зажатой в руке книгой читался, мягко говоря, двусмысленно.

- В её смерти ты не виноват. Никто не виноват, – Алекс рефлексивно, на уровне инстинктов отшатнулся.

Йорк перевёл растерянный, совершенно не вязавшийся с напряженностью сцены взгляд на книгу, спохватился, но возвращать её на место было поздно, поэтому он сделал шаг вперёд, стремясь сохранить эпизод.

- Но я должен был знать. Должен был догадаться, тогда я успел бы... спасти! – в доказательство своей точки зрения он хлопнул книгой по свободной ладони.

- Однажды, давным-давно я слышал легенду, – по ходу сцены Алекс видимо должен был участливо взять сценического партнёра за

предплечье, но теперь не придумал ничего умнее, чем забрать у него из рук книгу и открыть наугад, якобы сверяясь с текстом.

- Так! Стоп! – рывкнула госпожа режиссёр, и Мышь тихо скрючилась, не в силах бороться одновременно с ужасом перед начальственным гневом, и диким, стремящимся прорваться наружу хохотом.

На обложке злосчастной книги красовалась красивая и подтянутая мужская задница. Это был каталог фирмы дорогого белья – одного из спонсоров проекта.

Алекс с удивлением воззрился сначала на пышущую гневом Фрау Штольман, потом на Йорка: как же так, ведь спасли же, вытащили эпизод, всё хорошо... потом до него дошло, и он посмотрел на томик у себя в руках. Выражение растерянности на его обаятельном, капельку полноватом лице сменилось едва ли не пониманием. Он снова смотрел на главного героя, теперь едва ли не с ненавистью, очевидно решив, что Йорк его разыграл.

Штольман же этого знать не знала, и видеть не хотела.

- Алекс! Ты что творишь?! Ну что за бездарная самодеятельность? Живо убери руки от незадействованного реквизита, и на будущее давай обойдёмся без ненужной импровизации там, где без неё можно обойтись. Ты не в кружке юных талантов и не на студенческом капустнике. Ты на работе, так работай, как тебе сказали, слышишь?! И если ты не знаешь, куда девать руки, убери их из кадра. Или давай мы тебя из кадра уберём, и будем снимать в духе сороковых годов, фильм с масштабными монологами и обращением к зрителю, ну?!

34

Несчастный культурист Алекс сопел, как нагруженный паровоз. Упрёк был редкостно несправедлив, книгу со стола схватил Йорк, но режиссёрскому любимчику всё как всегда сойдёт с рук.

Засуетился реквизитор, возвращая книгу на место, роняя что-то взамен, и слепо окликая кого-то, оставшегося в тени студии:

- Так? Нет? Так нормально?

Мышь наконец смогла спокойно вздохнуть.

- Ты что-то хотела, – тихонько, на грани шепота спросил Ханс, как все не желавший стать жертвой хорошей начальственной истерики.

- Подписи, вот здесь и вот здесь, – также в четверть голоса отозвалась

Мышь, в полутьме подсовывая шефу планшетку и ручку. Тот взял, и даже не удосужившись прищуриться, поставил росчерки рядом с услужливо указующим пальцем.

- А ещё...

Но что, собственно, “ещё”, Мышь договорить не успела. Из центра студии донёлся звучный треск. Расчёска разлетелась таки от темпераментной манеры обращения режиссёрами.

- Начали!

- Пять, четыре... – невозмутимо завёл нудный голос.

Алекс отступил “на исходную”. Йорк помотал головой, и уже почти опоздал к началу, но в последний момент собрался, встряхнулся, всё-таки успел.

- Я... я понимаю, что всё безнадежно. Всё было напрасно и это – конец.

Мышь засмотрелась. Йорк играл. Он честно отработывал заданный текст с заданными эмоциями, едва заметно морщась на каждом слове от головной боли, однако в кадре это будет смотреться, как признак искренности. Как будто не герой, а сам актёр с мучениями, с трудом выбрасывает на ошарашенного зрителя каждое слово.

- Но ведь именно ты тогда пришёл мне на помощь, ты один не поверил в то, что это я виноват в гибели Элены. – Он скорбно уронил плечи и опустил покаянную голову в ожидании дружеского совета и утешения.

Алекс шагнул к нему, явно преодолевая желание удавить страдальца, чтобы не мучился, но тоже совладал с собой и сделал подобающее случаю лицо. Уголки губ скорбно и понимающе опустились.

- В её смерти ты не виноват. Никто не виноват, – и Алекс сделал ещё один шаг, поднял руку, собираясь ободряюще похлопать друга по плечу...

Он всё ещё шёл. Он ещё тянулся к верному товарищу, когда Мышь заметила – и зажала себе рот обеими ладошками, чтобы не ахнуть. Нога актёра, спешащего на помощь к изнемогающему от горести другу, эта самая нога спустя секунду должна была вместо гладкого студийного пола наступить на уроненную неловким реквизитором банку энергетического напитка. Тоже спонсора проекта. Бренддинг,

брендинг, деваться от него некуда, везде кругом брендинг.

Мышь хотела предостерегающе вскрикнуть, навлекая на себя гнев всевластного режиссёра, операторов, в пятнадцатый раз вынужденных переснимать один и тот же бред, Ханса, которому достанется за компанию... Всё равно, чей ещё. Ведь симпатичный второстепенный Алекс сейчас споткнётся. Споткнётся и упадёт, ударится... это естественно для человека постараться помочь, хотя бы предупредить...

35

Она не успела даже пискнуть.

Нога в дорогой модельной туфле на скользкой, рассчитанной на хороший паркет, подошве, наступила на банку. Банка оказалась полной и почти выдержала, провернулась, увлекая тело актёра вперёд, вперёд, туда где, не ожидая такой неожиданности, горестно ссутулился Йорк.

В последний момент главный герой почуял неладное, встрепенулся... и прямо ему в грудь влетел со всего размаху силач и любимец девчонок из массовки Алекс. Удар был достойный! Воздух вышибло у Йорка из груди. Он рефлекторно выставил вперёд руки, отталкивая нежданно-негаданно прилетевшее в него тело.

- Ты что?! – ахнул он, едва придя в себя.

- Это я – что?! – взъярился Алекс, обнаружив, что его самым агрессивным образом толкают ладонями в грудь. – Это я?!

Снизу что-то зашипело. Банка энергетика, самопроизвольно вскрывшись при надавливании, на манер болонки послала тугую желтоватую струйку на костюмные брюки второстепенного героя Алекса.

Он тупо посмотрел на стекающую со штанины лужу, и без всякого перехода, моментально разрядил хороший, полупудовый такой, кулак Йорку в рёбра. Для затравки.

Мышь не помнила, что думала в эту секунду. Кажется, она сорвалась с места на мгновение раньше, чем Ханс и остальные.

Не задумываясь, зачем она это делает, и не соображая, что будет делать дальше, она самоотверженно поднырнула под актёрский локоть и вцепилась в Йорка, уже готового кинуться в бой. Силы были

абсолютно не равны, он мог бы просто смести её с дороги, поэтому пришлось приложить вес. Мышь изо всех сил налегла плечом на широкую актёрскую грудь, краем сознания представляя себя под капельницей в отделении травматологии, спелёнутую бинтами, как мумия, если соперники сейчас схлопнутся, как поршни пресса, забыв выплюнуть её в сторону.

Остановить актёра ей не удалось, он лишь немного, на четверть шага подался назад, не понимая, откуда взялось это глупое и маломощное сопротивление.

Однако на помощь подоспел Ханс, в свою очередь крепко схвативший за лацканы Алекса.

- Это что ещё такое?! – взвыл Алекс во всю мощь своего актёрского вокала. – Тебя кто сюда звал?!

- Ну тихо-тихо, – сквозь зубы увещевал Ханс, пытаясь прижать актёрские локти к бокам. С учётом того, что тренажерку Алекс посещал не только регулярно, но и с явным рвением, получалось у менеджера не ахти.

- Уйди с дороги, – рычал Алекс, – сейчас я этого сосунка...

36

Вероятно, Мышь на секунду оглохла, потому что в следующий момент в сознание её ворвался гвалт. Десятки голосов слились в один надрывный ор. Где-то что-то осыпалось с грохотом. Визжала женщина.

Держать Йорка становилось всё тяжелее, он просто не замечал её усилий.

- Угомонись, давай не будем портить день, – просил Ханс. По виску его покатила, предательски поблескивая, капля пота.

- Я сейчас кому-то испорчу лицо, – пообещал Алекс. И, переключившись с Йорка на Ханса, стал с утроенными усилиями отдирать менеджера от себя.

Очевидно, заметив беспорядки в стане соперника, Энберг рванулся вперёд...

- Йорк, прекрати, – взвизгнула Мышь отчаянно и безнадежно.

Актёр непонимающе уставился сверху вниз. Во взгляде его читалось

неприкрытое “А и правда, чего это я?”. Он сделал вдох, и на выдохе расслабил напряженные, почти сведённые судорогой руки. Опустил их девушке на плечи и отступил на шаг назад, сдавая боевые рубежи. Мышь по инерции шагнула вместе с ним.

- Всё-всё, – тихо сказал он.

Мышь не расслышала и подняла на него глаза.

Кто-то из ассистентов помассивнее помог, наконец, Хансу. Алекс, продолжал изрыгать проклятья и оскорбления, но кулаки, вроде бы опустил.

Гул голосов сделался, кажется, на пару тонов ниже, только пронзительный визг всё ещё буром ввинчивался в уши, не меняя тональности и не разделяясь на отдельные слова.

- Зря полезла, опасно было, – пожурил Энберг.

Мышь только сейчас поняла, что её трясёт. Не мелкой дрожью, как от озноба, или пробежавшего вдруг в душевной комнате сквозняка. Её колотило так, что захоти она что-нибудь сказать, наверняка прикусила бы себе язык. Это выходило невероятное, несопоставимое с реальными возможностями хрупкой девушки напряжение.

- Извини, – мужские ладони легонько сжали её предплечья, и мягко отстранили. Йорк обернулся, загородив ей большую часть обзора. Чему, спустя секунду, она даже вяло, отстранённо обрадовалась.

- Бойцовские петухи, так вас растак, – визжащий бур принял облик госпожи режиссёра Штольман. – Что это на вас нашло?! Играть нормально не можете, так решили кулаками помахать? Спортсмены, спаррингисты, чёрт бы вас побрал!

Фрау Штольман никогда не отказывала себе в подобного рода проявлении эмоций. И сейчас она была на взводе, не как курок даже, как пружина, сжатая и закрученная кропотливым часовщиком до предела. Завода этого должно было хватить на качественный, долгий, звонкий скандал. Сейчас достанется всем. Раз уж Штольман орёт на любимчика, сейчас каждый получит на орехи.

Сейчас и Алекс узнает, что на его место было много кандидатов, и он здесь не для того чтобы обложке фильма портить лицо, и реквизитор, или кто там уронил эту злосчастную банку? Ханс, и тот парень, что недостаточно быстро Алекса оттащили. Страшно подумать, что будет если ей на глаза попадётся Мышь...

Девушка сжалась в комок, прикидывая, не может ли она шмыгнуть в какую-нибудь щель, прямо из-за широкой актёрской спины. Главное, чтоб быстро и незаметно, а там уж можно будет спокойно перевести дух и пересидеть скандал в какой-нибудь тихой гавани.

Но этого не понадобилось.

37

- Фрау Штольман. Можно Вас на пару слов. – Это было утверждение, а вовсе не вопрос. Герр Энберг уже подхватил разярённую фурию под локоток, и повёл, чуть ли не приподнимая над пересекающими дорогу кабелями, повёл прочь...

Мышь перевела дух. И всхлипнула. Потом ещё раз. Адреналиновая блокада схлынула, оставив неприятное липкое ощущение уходящего страха. А ещё облегчение. Невероятное, огромное, как купол цирка, и такое же пустое, с редкими ниточками-троссами сознательных мыслей – от несостоявшейся выволочки.

Слишком много для одного момента. И для одной маленькой серой Мышки – слишком много.

- На кой чёрт ты туда полезла, – напустился на неё Ханс, отчасти действительно интересуясь ответом, отчасти сбрасывая собственное, не получившее выхода, напряжение.

- Я... не знаю! – честно всхлипнула Мышь.

- Э-э, – протянул шеф, разглядев, в каком состоянии находится девушка.

Не говоря ни слова, прижал её к себе, буквально закрыл собой от всего остального мира. И повёл прочь.

Мышь плакала, уткнувшись в шефовскую сорочку, пропитанную запахом горьковатого парфюма и разогретой недавней несостоявшейся дракой кожи. Плакала, и знала, что ничего ей за это не будет, даже если на сорочку и попадёт пара капель. Даже если она промокнет насквозь.

Подписанные Хансом важные документы так и остались валяться где-то на полу, попранные суетливыми ногами.

В выгородке декорации суетились две уборщицы, пожилая и молоденькая, на которой форменный передник смотрелся уместно и весело, как колокольчик.

На разборки рванулся наш помощник режиссёра. То ли выслужиться хотел, хотя куда уж выше, то ли проступок какой заглаживал. В общем, презрев робкие возражения из труппы, что может лучше бы у кого-то из местных спросить совета, выскочил он на улицу, а там, прямо напротив здания театра, башня высоченная, и прямо на ней мужик орёт дурниной, как будто ему что-то придавили.

В общем, башня эта называется “минарет”, а мужик этот называется “муэдзин”. Священник местный, если я правильно понимаю. Он на молитву паству собирал, там так принято. На мой взгляд, что-то вроде наших часов с кукушкой, только вживую. Короче, сидел наш помреж, объяснения местной полиции давал, пока мы играли, косясь, как пуганные кони, в стрельчатые окна на ту самую башню. Ему в итоге штраф влепили. По местным меркам – ещё легко отделался!

38

Глава 5

Иногда актёры на сцене падают. Нет, конечно косоруких и кривоногих среди нас много, считай, навалом. И с чувством юмора у нашего брата, как ты догадываешься уже, неплохо... Но дело всё в том, что иногда актёрам падать надо по ходу пьесы. Ну упал там кто-то, пораженный громом, убили, застрелили, сам в реку бросился. Особенно если бросаться приходится по собственной инициативе, режиссёр из тебя всю душу вытрясет, но чтобы выглядело это натурально. Живо, импульсивно. Потому что в холодном уме и трезвой памяти редко кто бросается в омут, как правило подходят к краю и передумывают. Ну понятное дело, что никто не станет со всего маху лупиться о доски сцены. Во-первых, актёр с расшибленным лбом уже далеко не так патетичен, или наоборот патетичен чересчур, как посмотреть; во-вторых, жалко доски. Так что если кому-то уж надо со сцены “убиваться”, ему подстилают обычные спортивные маты. Да, как в школьном спортзале. И если театр работает где-то на выезде, то маты с собой, конечно же, не возят – представь, по городам и весям таскать эти пудовые пылесборники – а ищут, где бы одолжить за скромную плату (чаще – контрамарками). Обычно проблем с этим никаких не возникает, но вот в одном провинциальном городишке нам как-то фатально, категорически не везло. То сторож попадётся принципиальный сверх меры, то маты в ремонт сдали на лето, то ещё какой-то бред, но матов

нет и не предвидится. Что делать? Метнулись в частный сектор, где народ побогаче, может у кого свой спортзал есть, одолжат... и первый же “мажор” оказывается – о счастье! – заядлым театралом. Только матов у него не было. Был батут.

Свою порцию условных побоев (в переводе на человеческий язык – противной ругани и обвинений в некомпетентности) Мышь всё-таки получила. Правда только на будущий день, так сказать, на остывшие угли. На севшие дрожжи. Уже не то. Не страшно, и почти не обидно. Вменялись в вину ей утерянные документы, которые она принесла Хансу на подпись в тот самый несчастливый момент, когда начался весь этот феерический бардак между двумя сценическими красавцами. Причём разборки проводила не лично фрау Штольман, а один из её подручных, что вдвое снижало тягостность процесса.

Бледненький, даже в какой-то степени синеватый мужичок лет сорока с небольшим, долго, обстоятельно и нудно рассказывал ей, какое одолжение сделала телекомпания, согласившись взять на работу такой низко квалифицированный, как она, Мышь, кадр; о том, сколько умных, замечательных во всех отношениях и бесспорно талантливых в различных областях людей участвуют в съёмочном процессе; и что люди эти, вдохновенные служители современных муз, безусловно полны терпения, такта и вдохновения, но, увы, обычно крайне ограничены во времени. И что она, Мышь, должна всяко и всячески стараться избегать накладок, которые могут повести к нарушению тонкого, крайне важно в мире современного искусства процесса.

Мышь молчала, тупо признавая свою вину и соглашаясь со всем, что заместителю госпожи мегеры вздумывалось повесить на её покаянную шею.

А когда он закончил, открыла рот и заговорила. Вот ему она с превеликой радостью и сдержанным, но далеко немалым пылом, изложила свои соображения и про седло, и про копыта, и про то, кто побежит за минералкой первым, если на месте не окажется скромного ассистента менеджера.

Мужчина пошёл лишаистыми пятнами. Он явно не привык, чтобы с ним общались в подобном тоне. Впрочем, Мышь такие нюансы уже не волновали. Она рассматривала собеседника отстранённо, отмечая

морщинки на лице: возле глаз почаще, но помельче, у губ пореже, но глубокие, как борозды. Ему же даже не сорок. Почти пятьдесят. И всех достижений в жизни – только должность, позволяющая отчитывать девчонок из массовки, да младших менеджеров – и то лишь в отсутствие лично режиссёра. Не густо.

И Мышь покаялась в своём нехорошем поведении, таким образом поставив точку в бесполезном, по большому счёту, разговоре. Ей стало неловко перед честным трудягой. Почему-то сейчас она подумала о нём, как о крошечном, по жизненному неудачнике.

Сразу после выволочки Мышь отправилась вовсе не на рабочее место. Собственно, это решение она приняла ещё с утра. Сделав максимально непринужденный вид и отмахиваясь от всех без исключения вопросов, которые могли хоть немного потерпеть, девушка бодро направилась в сторону спортзала.

Тренажерка располагалась в цокольном этаже – выше подземной парковки, но ниже холла со стойкой информации и какими-то заведомо дорогими и бестолковыми кафешками на три столика.

Нажав в лифте кнопку “минус один”, Мышь принялась тупо пересчитывать проплывающие снизу вверх световые полосочки этажей: два, три, четыре, пять... Именно в этот момент ей пришла в голову мысль, что за несколько месяцев, да что там, почти за год работы на телестудии она не спускалась в зал ни разу. Так что давно пора начать. У неё в договоре, между прочим, написано чёрным по белому, не более двух часов служебного времени в неделю. Настоящий работодатель всегда заботится о здоровье своих сотрудников. Так что имеет право!

39

От автора: Всем отличной субботы и прекрасного настроения! Настроены позитивно? Вот там ещё пара субботник кусочков читаю, на вечер =)

Также вам будет приятно узнать, что текст полностью дописан и то что вы ещё не читали, находится на вычитке. Скоро-скоро узнаем все подробности.

Пожалуйста, не забывайте оставлять комментарии, если вам нравится этот текст, автору это всегда очень важно!

Вчера вечером домой она возвращалась пешком. Шеф умотал куда-то по очередным неотложным делам, да это было и к лучшему, Мышке хотелось пройтись. Весенние улицы радовали взор распустившимися цветами. Ей особенно нравились бархатистые, тёмно-синие, почти чёрные и сладко пахнущие. Она сто раз давала себе обещание спросить у кого-нибудь из старушек-цветоводов их название, и каждый раз благополучно об этом забывала. Прохладный ветер с реки быстро привёл в порядок распухшие от слёз веки, пахнул в лицо сыростью (да, всё-таки ещё совсем не лето).

Да и к чему были эти слёзы? Разве случилось что-то ужасное? Кто-то заболел, или умер? Кто-то из друзей попал в ужасную катастрофу? “Надо срочно брать себя в руки, – озабоченно подумала Мышь, – так дальше дело не пойдёт, иначе меня под этой работой похоронят”. Вооружившись этой нехитрой мыслью как щитом, она прибавила к обычному списку немудрёных покупок бутылку хорошего вина. И провела вечер, закутавшись в плед, с очень симпатичной, одолженной приятелем книгой и бокалом красного сухого. И ни о чём серьёзнее переживаний героев на бумаге больше не думала.

Однако уже утром девушка столкнулась с нешуточной проблемой. Смену причёски и макияжа она уже испробовала, результат не впечатлил. А другие методы радикальных перемен в жизни она загодя обдумать не успела. В общем-то, можно было отложить решение этого вопроса. Скажем, на завтра. Но в данном случае “завтра” значило “никогда”, Мышь это совершенно точно понимала, а потому вернулась из ванной в комнату и огляделась. Взять с собой недочитанную вчера книжку, и устраивать десятиминутные перерывы на “ещё страничку”? В конце концов, мало ли, что она там читает, книжку можно обернуть вверх обложки, никто даже не заинтересуется... только жаль терять такую интересную историю, рвать на десятиминутные клочки, пытаться потом вспомнить конец прошлого отрывка...

И тут на глаза ей попала спортивная сумка. Кажется, кто-то из друзей ей что-то приносил в ней, да так потом и оставил, потому что себе уже давно купил новую, покруче. Что именно было в сумке раньше Мышь, хоть убей, не помнила, да и не собиралась вспоминать. Сейчас внутри обнаружились старые джинсы, стиранные и аккуратно сложенные, явно дожидавшиеся... чего? Мышь не знала. Джинсы, а за ними нелюбимый и давно забытый свитер, и ещё какие-то одёжки споро переехали в угол возле шкафа, вероятно, вечером

переедут ещё раз – на помойку.

Вместо этого в сумке удобно разместились майка и шорты, пара чистых носков и гель для душа. Последним, по наитию, Мышь сорвала с крючка в ванной чистое полотенце, бросила сверху, разом заполнив всё оставшееся пространство, и тут же некстати вспомнила, что, собственно, шмотки в этой сумке и принёс её приятель и сосед Кристиан, когда у него сломалась стиральная машинка. Хороший он всё-таки парень, никогда не откажет в помощи, что ты у него ни попроси – то старое кресло на помойку выволочь, то компьютер от вирусов почистить.

Размышляя о хорошем парне-соседе, менеджер чуть было не опоздала на работу. И не испугалась, с гордым видом прошеествовав мимо охранника под часами ровно без двух минут начало рабочего дня.

40

На цокольном этаже было тихо, и здорово, почти по-аптечному чисто. Стараясь убедить саму себя в том, что ощущает уверенность и собирается прекрасно провести время, Мышь огляделась. Коридор раздваивался. Судя по указателям, левый рукав вёл в зал для настольного тенниса, и Мышь свернула направо. Вообще-то габариты телецентра позволяли разместить в цоколе футбольное поле средних масштабов. Вроде бы когда-то планировали добавить ещё и бассейн, но то ли передумали, то ли не собрали вовремя соответствующую документацию, и купальный сезон закончился, так и не начавшись. А жаль, ведь было бы куда как неплохо после напряженного дня поплавать в водоёме чуть крупнее ванны.

Раздевалка тоже порадовала опрятностью. Ничего общего с пропахшей застарелым потом каморкой, которой приходилось довольствоваться перед уроком физкультуры в колледже. Блестящий кафельный пол, ровный ряд шкафчиков с торчащими в замочках ключами, запах влаги, моющих средств, и едва уловимое, уже почти выветрившееся облачко дезодоранта кого-то из предыдущих посетительниц. Мышь переоделась и, хотя и не была вовсе уверена в успехе затеи, отправилась в зал.

Она не жаловалась на фигуру. Всегда шутила, мол, нет фигуры – нет жалоб, и этим ограничивалась. Пробежки по утрам – для человека, который столько бегают на работе – с её точки зрения были просто

кошунством. Вместо этого можно ещё полчаса поспать! Впрочем, размяться немного на тренажерах было приятно, в середине рабочего дня – тем более. А если бы Мышь владела техникой удара, о, тогда её лучшим другом была бы, наверное, боксёрская груша! Получил нагоняй – разрядился; поставщик подвёл – и можно смело высказать всё, что ты думаешь, представляя лицо негодяя.

Зал оказался неожиданно просторным, даже огромным. Целое пространство, полное космического вида труб и трубок, блестящих и глянцевых, собранных в сложные, многокомпонентные конструкции. Возле некоторых летающими блюдами парковались разнокалиберные блины – утяжелители, чёрные и неподъёмные даже не вид; кое-где на стойках обломками инопланетных цивилизаций ютились, как личинки в сотах, разноцветные матовые гантели. С дальнего конца зала неслась тихая ритмичная музыка, там кто-то занимался. Но пространства и конструкций было так много, что можно было не обращать на это внимание. Она никому не сумеет помешать, и вообще, уже решила, зачем пришла и что делать.

Велотренажеры стояли в ряд. Мышь выбрала один, не ближайший к двери, но и не забиравшийся слишком глубоко в зал; незнакомая территория всё ещё казалась если не враждебной, то ненадёжной. Теоретически для таких устройств существовали какие-то программы, целые комплексы с расписанием от и до расписанием занятий. Впрочем, у тех, кто ходит в гости к этим конкретным железкам, есть персональные фитнес-тренера. Мышь взгромоздилась в седло – сразу вспомнилось, как здорово было мчаться по полям вместе с другими ребятами в детстве – ноги привычно нажали на педали... и девушка едва не слетела с тренажера, потому что педали оказались заблокированы намертво.

Стараясь делать вид, что ситуация под контролем, Мышь выровнялась в седле и принялась продумывать варианты. Через пару минут, почувствовав, как к щекам приливает краска стыда, она сообразила, что тренажер надо включить: вот же, на стене табличка, и рядом призывно мигает тумблер. Кнопка щёлкнула, машина приветственно курлыкнула, Мышь вернулась в седло и с куда большей опаской нажала на педали. Дело пошло на лад. Ещё пару минут поковырявшись с панелью управления, она выбрала программу, первую попавшуюся и не выглядящую неподъёмной и запредельно долгой, и – понеслась.

Её действительно стало весело. Если закрыть глаза и постараться не обращать внимания на запах прорезиненного спецпокрытия, железа, и ещё чего-то, сильного, но неопределимого, можно на самом деле перенестись в детство. Вот отец впервые сажает её на двухколёсный велосипед, держит за багажник, а потом бежит рядом, готовый в любой момент схватить неустойчиво катящееся чадо. А вот они уже гонят по улице, наперегонки с мальчишками, несмотря на строжайший запрет даже нос высовывать на проезжую часть...

- Хорошо катишься, – раздался над ухом улыбающийся голос.

41

Парень был ей незнаком. Ритмичная музыка приблизилась, источник был теперь совсем рядом. Это оказался обычный мобильник с подключенной карманной колонкой. Так вот, зачем нужны эти дурацкие штуки.

- Спасибо, отлично, – Мышь, уже чисто рефлексивно продолжавшая по рассеянности крутить педали, не узнала собственного голоса.

- Ну и здорово, – парень был плечистый и белозубый, но совершенно чужой. Мышь никогда не видела его ни на периферии кадра с массовой, ни в толпе техников. Водитель? Стажёр?

- А я вот банки подкачал, проверишь? – он вскинул бровь, ожидая, как видно, какой-то реакции.

- Так поверю, – неуверенно буркнула Мышь, и тут же натянуто изобразила улыбку, не понимая, какой реакции от неё требуют, и что вообще было сказано.

Парней оказалось двое. Второй, видимо не желая портить товарищу веселье, скромно потупился, и держался шага на два дальше. Товарищ тоже был габаритный, и Мышь немедленно струхнула. Но через секунду, вторично прожженная жарким стыдом, приказала себе уняться. Никто не планирует ограблений, убийств и изнасилований в середине рабочего дня в хорошо освещенном частном спортзале телестудии. Парни пошутят, позубоскалят, и уйдут откуда припёрлись, её такие мелочи заботить не должны. Она, Мышка, пришла заниматься.

- Меня Кейни зовут, а это Томас, – представился нежданный собеседник. Не понятно почему, выглядел он польщенным.

- А я вот... так, отвлечься пришла, – невпопад отозвалась Мышь,

прикидывая, как бы повежливее и в то же время побыстрее отвязаться от неожиданных собеседников.

- Но получается же неплохо, – ободряюще кивнул парень.

- Я вообще-то не всерьёз, – промямила Мышь, продолжая накручивать педали. – Так, захотелось.

- Так это ж самое главное, – просиял Кейни, – скажи, Том? Если захотелось, то уже полдороги пройдено, главное желание!

- Угу, – согласился тот, кого называли Томом, и вернулся к изучению мобильного с колонкой. Может, составлял новый ритмичный плейлист?

- Слу-ушай, – протянул Кейни, и заметно было, что это ключевое слово. Ради этого слова, собственно, он к Мышке и подошёл. – А давай мы тебе такую программу разработаем... через месяц будешь ну просто конфетка! На любой кастинг пойдёшь, а? Как тебя, кстати, зовут?

- Меня зовут Йорк Энберг, – прозвучал вдруг негромкий голос откуда-то у говорящих из-за спины, – если ты забыл, Кейни.

42

К ним действительно подошёл Йорк. На фоне двух культуристов выглядел он слабовато: тонкие тренировочные штаны свободно висели на бёдрах, по оголённой груди, и даже по рукам катились капельки пота. Лицо было мокрым, как будто герр актёр полчаса проторчал под проливным дождём, не имея с собой ни носового платка, ни полотенца. Довершала образ штанга, изящно примостившаяся на плечах на манер коромысла. Йорк небрежно закинул на неё руки; кисти вдумчиво оглаживали “блины” с фигурными цифрами “двадцать пять” на середине. Пожалуй штанга некоторым образом уравнивала шансы.

- И кастинг ей не нужен, она уже работает. На меня. Это понятно? – вкрадчиво поинтересовался актёр.

- Да ладно, не кипятись, – Кейни поднял ладони в умиротворяющем жесте.

- А я и не думал кипятиться. Но кастинг на нового тренера объявить могу легко.

- Иди, серию доделай, – фыркнул Кейни вместо ответа, махнул рукой

Томасу и повернулся к Мышке, – извините, девушка, не хотел вас отвлекать. Но если понадобится профессиональная помощь...

Под взглядом Йорка он сделал шаг к двери, всё-таки договорив:

- Вы знаете, где меня найти!

- Точно, знаю! – согласился актёр.

- Чао, красотка, – отсалютовал уже от дверей Мышке Кейни.

- Совсем стыд потерял, – покачал головой Йорк.

Мышь спохватилась, и наконец-то перестала крутить педали.

- Привет, Йорк.

- Привет-привет. А ты чего остановилась? Крути, давай... погоди только, я эту штуку сейчас на место отнесу, – он выразительно кивнул на гриф, который по-прежнему держал на плечах.

- Хватит, я уже накрутилась, – решительно сказала Мышь, слезая с тренажера, и потопала за Йорком куда-то вглубь, в самые недра инопланетного зала.

- Тебе помочь? – предложила она. Йорк подошел к простецкой на вид конструкции, и явно прикидывал, как бы половчее водрузить свою ношу обратно на узкие и, казалось, совершенно не приспособленные для этого крючки.

- Сейчас, обязательно, – выдохнул актёр. – Поможешь. Кейни же сказал, серию закончить... ну-ка, ложись сюда, – он указал на узкую полоску обитой поролоном, уплотнителем и кожзамом скамейки. Поверх лежало огромное, размером с простынь полотенце. – Погоди только.

Йорк шагнул к скамейке и перетянул полотенце так, чтобы Мышке достался чистый, не замаранный потом край.

- Ты шутишь, – она не спрашивала, она это точно знала.

- Ничуть, – вполне серьёзно ответил актёр. Выражение лица было очень честным, не отягощенным ни граммом иронии. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, но придаться не к чему. – Ложись, говорю. Осторожней, голову береги.

Обалдевая от того что делает, с единственной мыслью в голове “во что я встряла?” Мышь неловко улеглась на узкую, как доска,

кушетку.

- Ну-ка, пониже, ноги на пол, упрись. Руки сюда, – Горячие, чуть влажные ладони схватили её собственные, и Мышь только тут сообразила, что руки у неё неприлично потные, упрели на мнимом велосипедном руле.

- Ой, я тренажер не выключила! – попыталась отвертеться она.

- Ничего, старина Кейн вернётся и выключит. За что-то же ему деньги платят, – беззаботно отозвался Йорк; ладошки Мышки ощутили прохладный металл штангового грифа.

- Лопатки сведи, грудь вперёд. Грудь, я сказал, а не плечи. Плечи вниз. Готова?

- Йорк, а Кейни – кто? – пытаюсь разобраться в ситуации, спросила Мышь, лихорадочно оглядываясь. Она лежала, распростёршись, на узкой неудобной скамейке, ноги спущены, упираются в пол, колени чуть разведены. Не гинекологическое кресло, но поза завораживает своей неожиданностью, лопатки сведены, голова откинута, а руки, согнутые в локтях и поднятые вверх, сжимают штангу; на которой, если ей не изменяет память, висит двадцать пять килограммов.

- Они с Томасом – инструктора, – равнодушно отозвался Йорк. – Или он успел запасть тебе в душу? Могу сбегать, позовём обратно...

- Да ну тебя!

- Жми давай.

43

- Что жать? – на полном серьёзе не поняла Мышь.

- Штангу жми, что же ещё. Осталось восемь раз. Готова?!

- Йорк, – осторожно, предприняв слабую попытку вывернуться, проговорила девушка, – у тебя на штанге утяжелители, килограммов на двадцать пять, если я понимаю правильно.

- Игрушечные, – слышно было, что Йорк, стоящий где-то вне зоны видимости, у неё за головой, улыбается, – бутафория. Для съёмок.

- Да?!

- Поехали! – Актёрские ладони наконец-то соскользнули с её пальцев, Мышке мгновенно перестало быть стыдно за собственные мокрые

руки, отпустил, и слава богу.

А через мгновение ей вообще сделалось всё равно, кто она, и как её звали. Чуть выше груди навалилась тяжесть, невероятная, сминающая, как пресс. Рефлекторно, стремясь защититься от неминуемой гибели, она напрягла руки в попытке удержать, задержать хоть на секунду... и тяжесть подалась. Сделалась едва ощутимой, подъёмной! Мышь не колеблясь, оттолкнула её от себя.

И ещё раз. И ещё!

В конце концов ей хватило сил разлепить судорожно зажмуренные глаза. Картинка плыла, скорее от залившего глаза пота нежели от натуги. И Мышь разглядела две пары ладоней: свои собственные, и чужие, узкие, но крупные, властные, сжимающие железо всего в сантиметре от её стиснутых кулачков.

Стоя за её головой, Йорк не то чтобы придерживал штангу. Он держал её на согнутых в локтях руках, изредка позволяя Мышке, распростёртой на удобной, почти мягкой скамье, ощутить всего лишь толику веса. Ей сделалось страшно. Так страшно, как в детском кошмаре. Мгновенно представилось, что он уронит, непременно уронит неподъёмную железяку, и та скатится ей на шею, и нечем станет дышать...

Мышь судорожно вдохнула.

- Восемь! – победоносно объявил актёр, продуманно и медленно опуская гриф на крючки. Не осознавая, что делает, Мышь аккуратно убрала из-под нависающей штанги голову, и села. Вертикальное положение было ей пока, пожалуй, не по плечу.

Йорк поразмыслил, и сел тоже, прямо на пол, привалившись плечом к её коленям.

- Загонял он меня сегодня, – пожаловался актёр.

- Кто? – не поняла Мышь.

- Да Кейни же, тренер. Даёт нагрузку – ему-то не надо после этого работать, он, собственно, выходит, что уже...

- Так привлеки к съёмочному процессу, пусть на своей шкуре ощутит, – Мышь с некоторым недоверием ощупала предплечья. Вроде бы всё нормально, если где-то болит, то только возле шеи, но это, наверное, нервное.

- Знаешь, а это идея. Что бы я без тебя делал, – оживился актёр, и вдруг погладил её по колену.

44

Жест был настолько адекватный, настолько укладывающийся в контекст обстановки, и в то же время такой неожиданный, что Мышь оторопела. Чтоб сбросить это ощущение, поскорей поднялась и неторопливо двинулась вокруг скамейки-тренажера.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что “блины” фиксируются на грифе специальными зажимами. Мышь попробовала, и к своему удивлению легко провернула рычажок вокруг собственной оси: раз, другой...

- Ну так и поставь его в массовку, хочешь я с шефом поговорю, – равнодушно предложила Мышь, продолжая откручивать железяку, – это не должно составить труда, – ещё оборот, – пусть поймёт, зараза...

- Нет. Нет!!! – заорал вдруг Йорк, подхватываясь на ноги, и подставляя руки под стремительно поползший со штанги вниз блин.

- Йорк!

- Отойди!

Оставшийся без утяжелителя конец штанги устремился в потолок, другой, пригруженный не отвинченным “блином”, почти бесшумно рухнул на пол, и чуть не подсёк Мышь под колено – та вовремя увернулась.

- Я не думал, что ты открутишь, – тупо сказал Йорк, глядя на Мышь в совершенном офигении, на грани облегчения и ругани.

- Я не знала, что нельзя, – захлопала глазами Мышь. Кажется, со спортзалом у неё получается не сильно ловчее чем со всем остальным в жизни.

- Да почему нельзя? Можно, – Йорк потёр грудь, глядя на аккуратно спущенный на землю груз. – Я просто не думал, что ты это умеешь, и штангу бросил абы как. Устал... Извини, пожалуйста. Ты не ушиблась?

Мышь попыталась подковырнуть лежащий на спецпокрытии пола матово-чёрный блин. Сначала носком кроссовка, потом руками. С большим трудом сумела пропихнуть под него пальцы, и накренив от себя сантиметров на двадцать, бросила бесполезное занятие, со всеми

предосторожностями вернув утяжелитель на пол. Вот тебе и бутафория для съёмок.

- Ничего. Двадцать пять – это по сколько же получается каждый? – она рассматривала грузы как диковину. Собственно, она на самом деле до сих пор видела такие только в кино. Странно, тренажерный зал – вот он, ходи не хочу, впечатлений хватит вперёд на месяц, и тем не менее...

- Двадцать пять – это каждый, – рассеянно отозвался Йорк. Поднял упавший на пол груз и аккуратно положил его в стойку, на место.

Чем батут от матов отличается, тебе, я думаю, не надо объяснять? Нет, конечно. А шла у нас в тот вечер махровая классика. Хорошая такая, я бы сказал, пуританская, матёрая. Ну, и героиня там, не в силах вынести ужасного позора, в финале трёхчасового нытья на сцене бросается... нет, не в истерику. Нет, не на шею юному любовнику (хотя, на её бы месте я бы так и поступил, ты не подумай!) Бросается с обрыва. То ли в реку, то ли в пропасть, не помню, что там было по тексту. И вот музыка на пике, барабаны бьют – аж колонка трясётся (под фонограмму же всё, без оркестра, сама понимаешь, на выезде). Резкий обрыв ноты... Молодая стройная девушка, страдальчески заломив руки и изломившись в талии, бросается со сцены в неведомые тёмные глубины закулисья... Чтоб тут же вылететь обратно. Музыка своим чередом, на сцену шагает артист для финального, уничижающего порок, и втаптывающего возлюбленного героини в... кхм... в общем, монолога. И тут на фоне, взмахнув руками, как журавль на ветру крыльями, из-под сцены вылетает героиня. И ещё раз, и ещё... Нет, он конечно был не промах, этот парень. Он попытался ещё симпровизировать и сосватать всё на режиссёрский ход. Но публика, боюсь, ему не очень поверила, хотя парень старался, да. Очень старался.

45

Глава 6

Гримёрка – одно из самых волшебных мест в театре. А что тут не понятного? Можно сказать, колыбель образа, альков успешной роли. Это сейчас всё несколько измельчало, да и потом, у кино свои законы. А в театре, знаешь, мне лично было бы не приятно, если б вот

сизу я, рисую стрелки... какие-какие? У глаз. Красивые, заметные, чтоб взгляд подчеркнуть. Почему не умею? Умею. Если ты не в курсе, в театрах гримёров не всегда хватает, а уж в провинциальных... между прочим, грим как дисциплину преподают, и все учатся, и девочки, и мальчики тоже. Так я о чём – сизу это я, рисую, и тут в гримёрку заходишь, например, ты. Ещё в театре никогда не бывает грим-уборных тринадцатого номера. Нет, ни в одном театре. Вообще, совсем. Я, по крайней мере, ни разу не видел. Ещё на дверь картинки вроде бы не полагается вешать, но это я и видел и сам нарушал. Зато из грим-уборной категорически нельзя выносить мыло. Почему? А вот не знаю, мне самому не объяснили.

Из спортзала они вышли бок о бок, как закадычные соратники по тренировкам. В коридоре по-прежнему было пустынно, и Мышь ощутила даже некоторую гордость: никто не сподобился уделить время собственному здоровью, зато она...

- Тут всегда так тихо? – спросила девушка, чтобы прервать затянувшееся молчание.

- Да нет, – пожал плечами Йорк, – но “часы пик” рано утром и поздно вечером, до работы либо после.

Мышка устыдилась. Ей на её птичьем положении и то выделяют (хотя бы на бумаге) рабочее время на спорт, а вот людей важных и занятых, звёзд первой величины, например, обязуют поддерживать себя в идеальной форме, рекомендуют диеты, назначают спортивные программы, всё это до, не во время рабочего времени; в рабочее время эти люди заняты, они работают... Мышь фыркнула, припомнив, как однажды наблюдала Йорка слоняющимся из угла в угол с заткнутыми наушниками ушами. Слонялся он долго, ждал собственного эпизодического появления в какой-то сцене с массовой, да так и не дождался, сцена не шла: то оборудование откажет, то какой-нибудь растяпа ногу подвернёт.

Актёр истолковал возобновившееся молчание иначе:

- Нет, ты молодец, что пришла! Приходи ещё. Завтра приходи. Хочешь, в это же время – я попробую вырваться.

- Спасибо, – честно ответила девушка, – мне пока хватило!

Она толкнула дверь раздевалки, намереваясь в буквальном смысле уйти от разговора, но Йорк помешал, опершись локтем о приоткрытую дверь и преграждая девушке путь.

- Да ты чего? Обиделась что ли? Брось, Кейни с Томасом неплохие ребята, они на самом деле ничего дурного не хотели. Кейн, если хочешь, и правда распишет тебе любую программу, любо-дорого, я его попрошу.

- Не стоит, – сдержанно улыбнулась Мышка, и легко коснувшись его локтя, заставила пропустить себя в раздевалку.

Собственно, это должно было положить конец несуразной попытке приобщиться к спорту, однако профессиональное бесстыдство актёра границ не знало. Он галантно пропустил девушку вперёд, и шагнул следом, нимало не заботясь о том, кто ещё может оказаться свидетелем их милой беседы на исконно женской территории.

Мышь даже не удивилась.

- Ты чего?

- Да ничего, – на актёре были всё те же свободные спортивные штаны, толстенным удавом висело на шее безразмерное махровое полотенце. А то, что можно было по невнимательности принять за скомканный в ладонях носовой платок, оказалось синтетической тренировочной майкой.

“Мне бы фотик, – вяло подумала Мышь, – озолотилась бы за снимок “звезда в мыле””. Впрочем, ещё лучше было бы, если бы прямо здесь, в одном из шкафчиков, оказался какой-нибудь ненормальный фотограф. То-то было бы шуму... Мышке это стоило бы работы, зато кое-кому тоже добавило бы ярких акцентов в репутацию.

Йорк, оказывается, всё это время не сводил с неё пристального, пронзительного взгляда.

- Я понять не могу, – продолжал он так, как будто Мышь по-прежнему дружески беседовала с ним в коридоре, – ты что, и правда обиделась на парней? Или испугалась?

Мышь неопределенно пожала плечами. С какой-то стороны, внимание белозубого Кейни было ей даже... приятно. Если бы она не понимала, не видела той пропасти, что стоит между серой мышкой, впервые заглянувшей в тренажерку, и матёрым культуристом-тренером. Не шорты же её потёртые его очаровали, правда?

- Кейн и Томас – друг другу лучше друзья, – с усмешкой проговорил Йорк. И когда девушка мысленно “перевела” на понятный для себя

язык эту фразу, продолжил, – Кейн ещё ерепенится, не подойти к девчонке считает ниже принципа, а Томас всё терпит, он такой.

Мышь непринужденно рассмеялась. Вот теперь ситуация стала понятной, и где-то даже знакомой. Проскользнула даже тень сочувствия к разухабистому тренеру и его молчаливому напарнику.

- Я всё поняла, Йорк, – сказала она, – но теперь мне надо переодеться. Я вообще-то на работе. И меня, в отличие от тебя, ждать два часа никто не будет.

- Так переодевайся, кто тебе мешает, – актёр широким жестом обвёл пустующую по-прежнему раздевалку.

46

- Ты мне мешаешь, – безапелляционно заявила Мышка, – мне надо в душ!

- В душ, так в душ, – покладисто согласился Йорк. Подождал, пока она подхватит сумку с полотенцем и откроет матовую дверь душевой. – А с тобой можно?

- Ещё чего! Кстати, как ты вчера умудрился успокоить фрау Штольман? В душ сводил? – коварно, поражаясь собственной невесть откуда взявшейся наглости поинтересовалась девушка.

- Ага. В холодный, – многозначительно подмигнул актёр, не вдаваясь в пояснения. – Так можно с тобой? – он скинул на локоть своё огромное полотенце и сделал вид, что собирается развязать тесёмочку на штанах.

- Не можно, – засмеялась девушка уже совсем легко. – Иди, давай, будь так добр; тебя там руководящий состав, небось, не доищется.

- Понял, ушёл, – Йорк обезоруживающе развёл руками. Ну нет, мол, так и не надо, и направился к выходу.

Мышь вздохнула, и побрела в душевую. Остывший пот начинал неприятно холодить спину, хоть здесь было тепло, даже, пожалуй, жарковато.

Дверь раздевалки открылась и закрылась, звонко чмокнув. Из душевой слышался приглушенный звук воды.

Энберг не знал, зачем он это делает. Потихоньку, по волоску, он провернул дверную ручку и потянул на себя. Сделал беззвучный шаг,

придерживая коварную створку, чтобы не выдала его присутствия, и снова оказался в душноватой раздевалке. Что он, собственно, надеялся увидеть? Обычно – к нему врывались в раздевалку, в гримёрку ошалевшие поклонницы. Куда только не вламывались, в сортир, разве что; так ведь и это, небось, не за горами... Что он чувствовал? Раздражение, не более того. Ему это надоело, но куда деваться, должность располагает.

В душевой беспечно лилась вода. Матовая дверь осталась предательски приоткрытой, пропуская внутрь едва заметный ветерок, просто колебание воздуха. Узкая, узкая щелочка.

Йорк успел сказать себе, что он неправ. Сказал, и запомнил, внутренние установки никогда не имели для него большой ценности. Ему хочется этого – сейчас – и он позволил себе посмотреть.

Девушка стояла, упершись ладонями в кафель стены, и смотрела под ноги, начисто лишённая самолюбования и жажды поглядеть на собственное обнажённое изображение. Тугие струи воды ласково обнимали её плечи, стекали по тонкой шее, разбегались, и снова сходились на талии, ручейками бежали по ягодицам...

Энберг втянул в лёгкие немного воздуха – кажется, он на некоторое время забыл, что людям свойственно дышать. Сам испугался слишком громкого звука, отпрянул, шаг прозвучал по полу, бесстыдный, слышимый шаг застуканного за подсматриванием.

И ведь чего он там не видел?! Ну скажите на милость, чего? Видел и высоких и низких, и фигуристых, и плоских, как стиральные доски, фотомоделей, которым на картинках в глянцевых журналах пририсовывают... ну чего, спрашивается, вылупился на девчущку?

Мышь, как будто что-то почувствовала. Возможно расслышала неясный звук. Хотела повернуть голову к двери – и в последний момент передумала. Глаза девушки были блаженно прикрыты, мокрые волосы тёмными полосочками обрамляли лицо. Ей не интересно было, кто там, за дверью. Вероятно, кто-то из работающего на телестудии женского коллектива пришёл побродить по беговой дорожке, для вящей упругости частей.

47

Стараясь не проронить ни звука, Йорк вылетел из женской раздевалки, как ошпаренный кот. Бросил слепой взгляд: направо, налево – никого. Только какая-то дверь приоткрыта, и за ней

переговариваются, пересмеиваясь, голоса. Ах, да, это же их тренерский состав, Кейни с Томасом.

Пока никто не видит, Йорк прижался лопатками к стене. Прикосновение было прохладное, по идее пора было бы уже придти в чувство.

Но ведь она даже головы не повернула. Точнее повернула, но глаза открывать не стала. Значит, поверила. Она была уверена, что он ушёл. Что его, вот именно его, там нет. Она сказала... нет, попросила его уйти. И поверила, даже не усомнилась в том, что он, беспринципный красавчик и общепризнанный бабник, её просьбу удовлетворит. Чёрт побери, приятно! Приятно, чёрт побери!

Так откуда же это мерзкое свербящее чувство?

Стараясь мыслить разумно, Энберг повторил в уме собственное последнее рассуждение, чтобы осознать его, распробовать на вкус.

Вот значит, как. Она ему поверила. На слово. Без контрактов, без охраны, без свидетелей, телохранителей и прочих неприятных обязывающих факторов. Поверила ему, в рамках обычной приятельской шутки. Вероятно шутки фривольной. Но – поверила.

Она ему доверилась, а он..?

Не великая беда. От неё не убудет. Подумаешь, тоже мне невиданное зрелище, тощая девчонка в душе.

И всё же, неужели выходит, что он её предал? Предал её доверие – так это называется?

Зато она ничего не заметила.

“Тебе от этого не легче” – прозвучал в сознании какой-то чужой, полу знакомый голос. Наверняка цитата.

- А мне не легче, – сдавленным шепотом проговорил Йорк, облизнув сухие губы. Коридор перед глазами шатался, коленей он не чувствовал. Зато нарочито навязчиво нарастал жар и напряжение несколько выше, причём невесомые спортивные штаны это отлично обрисовывали.

- Йорк, ты чего? – Из складской каморки выглянул Томас. Голос у него был удивлённый, но в меру, без намёка на панику.

- Переработал, кажется, – наобум ляпнул актёр, – голова закружилась.

- Ты, это, аккуратней, – посоветовал участливый Том. – Может, проводить?

- Не надо, – через силу растянул губы в улыбке Йорк. Н-да, такой улыбочки в кадре обожаемые поклонники и поклонницы, пожалуй, ещё не видали.

- Ну, смотри, – легко согласился Том, и крикнул куда-то в недра склада, – вот видишь, а ты всё “закончить серию!”. Чуть не угробил человека, между прочим.

- Да? Где? – встрепнулся Кейн.

Но Йорка в коридоре уже не было. И провожать его совершенно не стоило!

48

Воспользоваться просторной и достаточно комфортной душевой в лучах первоклассных ламп дневного освещения он, куда в любой удобный (а скорее – неудобный) момент может войти любой желающий, просто потянув за ручку хлипкой полупрозрачной двери, он не решился.

Как сопливый подросток, как школьник – звезда телеэкрана, модель для обложек модных журналов, символ мужественности, в который ныне влюблены тысячи женщин, и стар, и млад – Йорк Энберг закрылся в кабинке мужского туалета.

Хотя почему, собственно, как школьник? Даже во времена сопливой юности таких казусов с ним, кажется, не приключалось. Впрочем, в данный момент, это не имело первоочередного значения.

Тут было тесно, уютно и совершенно безопасно. Никого не стесняясь, не думая, не ощущая почти ничего, кроме фантастического, лихорадочного жара, Йорк с грохотом уронил на ободок давно не видевшую такого обращения крышку унитаза. Несмотря на окружающую, прямо-таки стерильную чистоту, за которую телестудия боролась силами крайне недешевого клинингового агентства, крышка показалась сероватой. Вероятно это была пыль. Плевать!

Йорк уронил поверх крышки свою махровую простынь-полотенце, плюхнулся сверху, словно в мягкое кресло, и наконец позволил ладони нырнуть под невыносимо давящую резинку брюк.

Боже, что это было? Тонкие руки, упирающиеся в скользкий запотевший кафель...

Его собственная ладонь сделала поглаживающее движение, одно, и ещё одно.

А до этого – её маленькие, почти сведенные от напряжения пальцы – под его пальцами...

...и пальцы сжались сильнее.

Она делает выдох, и сразу же почти судорожный вдох...

Выдох, долгий, с придыханием, на грани стоны, и вдох – воздух ворвался в лёгкие с такой силой, что закружилась голова.

Маленькие пальчики тянутся к жёсткой резине утяжелителя. Ощупывают, в поисках слабых мест, примериваясь к явно непосильной ноше...

Нежные подушечки его пальцев перебирают по увлажнившейся плоти, словно касаясь фортепианных клавиш, безошибочно отыскивают чувствительные места.

Горделивая высокая шея, склоненная навстречу водяным каплям...

Долгое, почти мучительное замирание.

Поворот головы, тёмные полосы намокших волос обрисовывают лицо и шею, подчёркивая изящество линий, как на картине...

Плавные, ласкающие движения, каждый раз чуть иначе, чем предыдущий.

Горячие струйки, стекающие по узким плечам...

Быстрее.

Лишь редкие из них попадают на выступающие ключицы, и неторопливо, вдумчиво скатываются в тень, туда где не видно, на грудь, а остальные...

Медленнее.

...беспрепятственно катятся по спине...

Теперь ещё быстрее, чуть-чуть...

Интимно обволакивают ягодицы, подробно, без недомолвок и недосказанностей.

Ещё!

И этот взгляд...

А-а...

Впрочем, нет. Не было никакого взгляда. Ему показалось, примерещилось. Осталось только судорожное рваное дыхание, липкая ладонь. И нелепая, несуразная, абсолютно бесстыдная поза, которой герр Энберг от себя никак не ожидал.

Осознав это, он со стоном сполз со своего идиотского сиденья, безвольно стащил, параллельно вытирая руки, влажное полотенце. Впрочем, стон ему, наверное, только примерещился. Кажется, он слегка охрип.

49

Йорк выбрался из туалета, как вор, удачно сходящий на дело, и только что припрятанный мешок с хабаром. И разумеется тут же налетел на неугомонного знакомого.

- Энберг, ты что? Ты здоров?! – уже не на шутку перепугался Кейн.

- Я в порядке, – не слыша слов, разлепил губы Йорк. Перед глазами стоял образ девушки, замершей под душем.

- Тебе никто не говорил, что наркотики вредны для карьеры? – спросил приятель, вроде бы, шутя, но глаза оставались серьёзными, встревоженными, даже подозрительными.

- Вот и не увлекайся анаболиками, – Йорку наконец удалось по-человечески вдохнуть, радужные круги перед глазами отступили.

Всё было в порядке. Он был в раздевалке, напротив стоял обалдевший от происходящего Кейн, за спиной его, шагах в двух, угрюмой тенью маячил Томас.

Йорк встряхнул уже как только ни поруганное полотенце, подмигнул им, и скрылся в душевой.

Из зеркала на него взглянул незнакомый нагой человек: глаза блестят очень странным, отчаянным и даже хищным блеском, на скулах играют заметные жаркие пятна – отнюдь не стыда. На висках подсохли и блестят бисерины пота, губы яркие, как будто он пил горячее вино на морозе. Да уж, пожалуй, есть с чего смутиться случайному зрителю. Впрочем, случайному ли? Уж не встал ли

дражайший друг Кейн на путь “исправления и истинной веры”? Впрочем, бред. Энберг решительно тряхнул головой, включил душ и смело шагнул под энергичные струи.

...из мужской душевой донёсся отчаянный вопль. Вода оказалась не просто холодной – ледяной.

Впрочем, как ты понимаешь, мыло-то я как раз в один прекрасный день попробовал всё-таки стащить. Вышло это случайно, во времена совсем уж голодранского студенческого прошлого. Взяли меня статистом, но на вполне пристойный, по тем временам, четвертной оклад. Так что доступ в гримёрку у меня был. Даже какой-то кодовый номер закрепили. И вот, спектакль отработал, давай отмываться каким-то плоским, крошащимся кусочком... и подумал, ну, а что такого? Всё равно этого дешевого мыла, вон, полный шкаф. Одним куском больше, одним меньше – открою новый, а потом оботру полотенцем да суну в карман, а то в общежитии даже носки постирать и то нечем – кто узнает? Что значит, кто?! Меня, видишь ли, до сих пор больше всего волнует вопрос не “кто”, а “как”! Короче, как узнали – не в курсе, но – вынули у меня это мыло из кармана, и натёрли меня им на сухую кожу... ну – где достали, там и натёрли. А достали почти везде. И добро бы хоть одна сволочь объяснила, за что?!

50

А ещё было как-то: игралась в театре некая героическая музыкальная драма – тоже с любовью, смертями и прочей патетикой. И вот за несколько часов до спектакля обнаруживается, что прима объелась мороженого и главную партию петь ну никак не может. Голос сел. То есть совсем сел, всерьез и надолго. Режиссер – в панике: билеты раскуплены, ожидается аншлаг, и тут... в общем, как в голливудском сюжете: является молоденькая хористочка и заявляет, что она всю жизнь мечтала об этой роли, что она знает все арии, что она готова без единой репетиции все отпеть и отыграть, и тому подобный бред. Ну, режиссеру, в общем-то, деваться некуда. Он машет рукой и выпускает юное дарование на сцену. Дело даже не в том, что девушка безбожно не попадала в ноты – нет... она, понимаешь, в театре всего два месяца отработала, и даже бутафорские предметы вблизи видела ещё не все. И вот в кульминационный момент она по тексту главному герою говорит «Убей меня!..» Герой хватает нож (а он на настоящий похож – только лезвие тупое и складное) так что поранить им ну

никак нельзя – при всём желании. А девочка этого не знала. Увидела плотоядный блеск в глазах у партнёра (которому она радостно прекрасную роль заporола своим неумением петь), и вместо того чтобы красиво умереть – давай удирать от него по сцене...

На город опустилась удушливая жара; в здании телестудии всюду трудились кондиционеры, охлаждая буквально горевших на работе сотрудников. Разумеется, половина (включая Ханса) немедленно простыла и хлюпала носами, добавляя положительных эмоций жующим мороженое окружающим.

Мышь стойчески застегнула молнию серой спортивной толстовки: ей болеть некогда. Тем более, на носу были выездные съёмки, и девушка подспудно надеялась, что за месяц в Греции у неё найдётся хоть пара свободных деньков, чтоб как следует выкупаться в море.

Как там студенты шутят про сессию? “На носу висит, хвостами машет”. Эту шутку ей, кажется, рассказала мама, по телефону, в тот самый момент, когда до сдачи экзаменов оставалась неделя, а на жизненном фронте наблюдался один только единственный бурный студенческий роман.

Ей было девятнадцать, она вполне освоилась в студенческом водовороте, и почти уже бросила курить. Вечерами четыре дня в неделю она подрабатывала официанткой в неплохом полуподвальном кафе. Можно было даже считать его ресторанчиком, самолюбию это очень льстило.

На неё заглядывались. Клиенты и персонал – из тех, что помоложе. Симпатичный бармен (женатый, с двумя детьми) заглядывался тоже. Мышь улыбалась всем, вежливо выполняла заказы, с барменом кокетничала, но на более или менее оформленные предложения провести где-нибудь в уединении часок-другой фыркала и невинно хлопая ярко накрашенными ресницами, интересовалась: “Извини, я недопоняла. Это ты о чём?”

На неё мог заглядываться кто угодно, это было неинтересно, проходило безразлично, фоном. Потому что рядом с ней был самый лучший, самый невероятный парень на свете.

Он учился на параллельном курсе. Парень упорствовал в освоении физики, и это ему вполне удавалось. При этом его всегда окружал ореол некоторой таинственности и владения высшим знанием, ибо

опираясь на академические знания, он успешно доказывал действие всяческого бреда. Изотерика, карты таро, этно-музыка и пирамиды шли вкупе с физикой. Пирамиды особенно. Идан мог разговаривать о них часами. Объяснял про потоки энергии, альфа-, бета- и гамма-лучи, обещавшие чуть ли не вечную жизнь, если уметь правильно ими воспользоваться. Вернее, подстроиться под их течение.

У Идана были зелёные, совершенно неземные глаза. Он был не слишком высок, зато был прекрасно сложен – спортивный парень, фаворит местной волейбольной секции. Мышь никогда не играла сама, но в силу студенческой солидарности почти каждый раз приходила поболеть за игру. Однажды, когда их команда в очередной раз выиграла, она как раз стояла в первом ряду болельщиков, и отчаянно махала рукой, зараженная общим азартом. И навсегда запомнила, как пробежавший мимо – в строю команды – Идан на секунду поймал её ладонь, и собственное недоверчивое, но благодарное удивление: “а что? Неужели ты меня заметил?!”

Они стали встречаться. Это случилось как-то само собой, Идан поймал её в тесном клубке коридоров, и просто, по-приятельски, даже может немного небрежно, поинтересовался, мол, ну что, в субботу на танцы идём?

Он великолепно танцевал. Мышь отродясь была лишена этого дара, но честно подпрыгивала и старалась дрыгать ногами именно в такт, а не так, как придётся. Идан потом объяснял, что музыка – это тоже физика. Впрочем, она не слушала. На неторопливых мелодиях она тупо отдыхала, уронив отяжелевшие руки на плечи партнёру и вслушиваясь в его дыхание и запах. Смесь недорогого, снобского одеколona с отчётливой ноткой обыденной кухонной гвоздики), чисто вымытых мужским шампунем волос и разогретой кожи, так приятно переливавшейся под светло-голубой рубашкой. Но только к концу вечера (скорее – ночи), устала настолько, что отважилась склонить голову на его плечо, утопая в очаровавшем и уже незабываемом букете запахов. Он обнял её и прижал к себе крепче.

У него дома было – странно. Обыкновенная прихожая, обыкновенная кухня. Ванна с туалетом тоже нормальные, если не считать колоссальной чистоты и феноменально дорогого ремонта.

Четыре комнаты, две из них – пустые (потом оказалось, что родители Идана живут где-то далеко за рубежом). Мышку поразили совсем не масштаб. Она, как водится у девушек практичных, не пыталась

мысленно вписывать себя в эти стены. Её поразила именно необычность всего окружающего. Холодильник был пуст – открытая банка консервов выглядела самой бодрой из всего ассортимента, остальные обитатели уже, кажется, жили собственной жизнью, включая недоеденную яичницу на не помытой тарелке.

И феноменально захламлённая комната хозяина всего этого необъятного пространства. Тут был и стол с компьютером новейшей модели заваленный дисками, пухлый ковёр на полу, а на нём ещё какой-то отдельный коврик (как позже выяснилось, для медитаций). Два стеллажа под потолок, даже не забитые книгами – распухшие от книг, как бочонки. Книги были везде. На столе поверх дисков, и под дисками – тоже, в полках, на полу, на куцем диванчике у обоих подлокотников, только в середине оставалось небольшое пространство, вряд ли даже Мышь умудрилась бы с комфортом на нём поместиться. На журнальном столике высились две книжные пирамиды, настолько высокие, что по идее, давно должны были повиноваться скорее закону притяжения, нежели аккуратности стопки.

- Это кабинет, – скупое, со значением пояснил Идан застывшей на пороге девушке. Затем вежливо оттеснил её обратно в коридор, и аккуратно прикрыл дверь, неприкрыто намекая на то, что туда посторонним девушкам вход заказан, извини.

Четвёртой комнатой оказалась спальня. То есть Идан назвал это спальней. Абсолютно квадратная (только на первый взгляд, как объяснял он ей потом, наизусть цитируя промеры) комната была почти также абсолютно пуста: потолок, стены, да пол. А посреди комнаты стояла пирамида. Конечно, потом Идан растолковал ей, что вовсе не в центре, и не комнаты, а на пересечении преломляющихся потоков... впрочем, вряд ли она хорошо это поняла.

- Это спальня, – просто, как о само собой разумеющемся, сообщил Идан. Так, словно его знакомые просто через одного, живут в просторных квартирах с одной-единственной захламлённой комнатой, и спят в пирамидах.

51

Пирамида оказалась невесомым мелко сетчатым пологом, натянутым на стропы каркаса с ювелирной точностью, одна из граней открывалась и закрывалась при помощи банальной человеческой

застёжки-молнии – как дверь. Внутри квадрата основания, прямо на белых паркетных досках пола, помещался матрац, круглый (тут сомнений быть не могло), с копной подушек и пледов.

Именно там всё и случилось. И Мышь нашла опыт скорее интересным, нежели приятным. Впрочем, ощутимая расслабленность тела, получившего нагрузку на все группы мышц, вполне компенсировала лёгкий дискомфорт.

Потом они пили зелёный чай, какой-то особенный редкий сорт, но Мышь никак не могла разобрать вкуса, и только слегка улыбалась, прислушиваясь к собственным ощущениям. К чаю хотелось чего-нибудь сладкого, пару печений, или просто кусочек шоколада – для поддержания боевого духа, снять стресс. Но сладостей Идан не ел, и в доме вообще не держал, даже сахар, о котором она неосторожно спросила, он честно искал, выворачивая нутро всех кухонных ящичков и шкафчиков, но так и не нашёл.

Мышь с усилием потёрла ладонями саднящие веки. Задумалась! Надо ж, в какие дебри её занесло. О чём это было? Ах, да, Греция на носу... работа на выезде. Рай для великих, ад для обеспечивающего персонала. А вообще, неплохо было бы завести какой-нибудь откровенный курортный романчик – коротко и быстро, без обязательств и взаимных обид!

- Да Мышка же! – в знакомом голосе сквозило зарождающееся раздражение. Кажется, её окликнули уже не в первый раз.

Она тряхнула головой, с усилием впихиваясь в жаркий рабочий полдень бытия.

- Там к тебе из турфирмы пришли, – сообщил оператор Эрик, который вообще-то просто пробежал мимо, но вынужденно застрял, напорвшись на полную неменяемость дражайшей фрау менеджера, – что-то на счёт перелёта.

- Так рано? – удивилась она, мельком глянув в зеркало, и убедившись, что ни лишний взмах расчески, ни расстегнутая кофта не помогут ей выглядеть представительнее. Перед глазами всё ещё колыхался полог “пирамиды”. – Извини, задумалась. А где Ханс?

- Дома, я полагаю, – отозвался шустрый Эрик уже с другого конца коридора, – он же совсем слёг. Слышал сегодня от Штольман, что у него какое-то осложнение...

Мысленно поминая чёрта, Ханса, кондиционеры и холодное пиво, которое дражайший шеф употреблял не смотря на насморк, Мышь усилием воли выключила все лишние мысли и отправилась на переговоры с турфирмой, уже предвкушая, как продемонстрирует сейчас свою некомпетентность, несобранность, и особенно – неряшливую методику, или что там вменялось ей в вину в прошлый раз?

- Что-то ты не весёлая, – Йорк выскочил из гримёрки, как чёртик из коробочки.

- Отстань, Йорк, сейчас не до тебя, – огрызнулась Мышь, не любившая ни опаздывать на встречи, ни позориться перед собеседниками, ни тем более – выволочек от высокого начальства. А кто их любит-то?

- Тише, тише! Ну-ка, что случилось? – ладони актёра покровительственно и легко упали ей на плечи, фиксируя вроде бы ненавязчиво, но плотно.

- Меня ждут...

- Подождут ещё минуту. – Безапелляционно заявил Йорк. – Мне попросить секретаря, чтоб передал?

- Не надо. Что ты хочешь? Только быстро.

- Хотел тебя порадовать, – улыбнулся актёр, как ей показалось, самодовольно и, метнувшись обратно в гримерку, вернулся с небольшим шуршащим пакетом в руках, – вот! Бери, потом посмотришь. Так что у тебя стряслось?

52

- Стряслось не у меня, а у шефа, – Мышь решила, что чем честнее будет ответ, тем быстрее она от непрошенного сочувствующего отвяжется, – у Ханса пневмония, или что-то в этом роде.

- Заразиться боишься? Так не целуйся с ним и всё, – Йорк вскинул брови, явно ожидая реакции на хорошую, с его точки зрения, уместную шутку.

- Я вообще с ним не целуюсь! – рыкнула Мышь.

- Ну так и чёрт с ним – всё равно ничего полезного не делает.

- Да? А переговоры по выездным съёмкам?! – сама того не осознавая,

Мышь радостно ухватила за возможность пожаловаться. Пусть кто-нибудь, ну хоть кто-нибудь снимет с её плеч этот чёртов груз! Она же не нанималась самостоятельно решать такие крупные вопросы. И ведь наверняка, как ни устрой – всё будет плохо. – Что я им сейчас скажу, когда я в их контракте ни ухом ни носом?!

Йорк неуважительно фыркнул:

- Тоже мне проблема! Рывки на них, что без шефа ни листочка не подпишешь – и пусть всё оставят до его второго пришествия.

- Думаешь, сработает? – не поверила Мышь, напрочь забыв обо всех предыдущих доводах. Внезапно вместо сочувствия ей предложили решение проблемы. В принципе, это наверно возможно, и всё же...

- Сам так делал, – расплылся в улыбке Йорк, – только рывки повнушительнее, а то знаю я тебя: «господа, мне очень неудобно, но пересмотреть условия контракта таким образом не представляется возможным...»

Он изобразил её похоже. Где-то даже проглядывала знакомая по многочисленным в телецентре зеркалам мимика. Актёров ведь этому учат. Упражнение кстати, как раз таки и называется “зеркало”.

“Господин Энберг, изобразите пожалуйста ничем не примечательную взмыленную девушку-менеджера...”

- Не смейся! – вспыхнула Мышь, начиная закипать.

- Ладно-ладно, – он перестал её держать и поднял ладони в умиротворяющем жесте, как бы создавая между ними невидимый экран. – А ты иди, тебя же ждут, – он наклонился, чмокнув её в макушку, и совершенно неделикатно хлопнул дверью у растерянной девушки прямо перед носом. На ламинированном листке, висящем в рамочке на серой створке, значилось «Марта Кляйн, Герда Хауфман, Ане Фодж».

Отлично же проводит время исполнитель главной роли... Впрочем, и это сейчас было совсем не важно. Время не ждёт, и пора было отправляться “на закание”.

53

Поднимаясь в кабинет Ханса, Мышь всё ещё размышляла, как этот проныра оказался в чужой гримёрной, что он там делал и как умудрился так вовремя выскочить ей навстречу. Не иначе, случайно – решила она, потянув тяжелую дверь и уже заготовив на лице

серьёзную мину для очень серьёзного и делового разговора.

Метод ведения переговоров имени Йорка Энберга оказался приятным новшеством в размеренно вежливом традиционном расшаркивании несогласных сторон. То есть сначала Мышь всё-таки выслушала двадцатиминутную лекцию о супер-предложении, специальной акции, длительном сотрудничестве и беспрецедентном дисконте. А потом с самым умным видом предложила торгашам взять листок бумаги, разлиновать в две колонки, и выписать от руки отличия нового варианта предоставляемой услуги от старого, подписав под каждым сумму, которую новшество сэкономит, или затребует.

На предложение прочитать десятистраничный документ – отказ, твёрдый и решительный, со ссылкой на нежелание никчёмно тратить рабочее время. Вот прибудет шеф – он разберётся, а она, скромный помощник, не уполномочена, за что искренне, от всей души просит её извинить.

И, наконец, финальный аккорд: на робкое предположение, дескать, может быть девушка подмахнёт контракт, а её многоуважаемый шеф ей за хорошую работу спасибо скажет – издевательская ухмылка. И обещание подробно изложить начальнику свои соображения о совести и качестве работы турагентства. «А документы можете оставить у секретаря; и если у вас всё, то, опять же, прошу меня извинить – у меня есть дела поважнее, чем слушать качественную, красноречивую, но однозначную пропаганду”.

Разговор, который раньше занял бы часа два, таким чудесным образом уложился в тридцать пять минут. Однако, и этот метод имел ощутимый недостаток: для его успешного применения необходимо было быть Йорком Энбергом. Потому что столкнувшись плечом с последним выходившим из дверей незадачливым агентом, в кабинет вошла Инга Штольман – суровая, властная, и идеальная до последней уложенной золотистой кудряшки.

Благословенный бойкот, против которого Мышка ничуть не возражала, очевидно, подошел к концу, а вот отнести это обстоятельство в разряд радостных было куда как сложно.

- Кто дал тебе право? – вопреки традиции, голос режиссера был тихим, вкрадчивым, кажется, даже со скрытой улыбкой.

Мышь подумала, и села тоже, не прерывая выжидательного взгляда, –

а, девочка? Я спрашиваю, кто дал тебе право так разговаривать с партнёрами? Да ещё от лица начальника, у него в кабинете?

Мышка открыла рот и закрыла снова. Как снулая рыбка на прилавке с крошеным подтаявшим льдом. То есть вот так, да? Ни “здрасьте”, ни “спасибо” за то что делает она по сути чужую работу, и хорошо что вообще хоть как-то справляется, изо всех сил поддерживая рабочий процесс на плаву. Ни толики признательности за то, что успешно отвертелась от невыгодной проекту сделки, ни (чего уж там смеяться) поздравлений с тем что впервые самостоятельно выполнила, вытащила на себе такое непростое дело, как партнёрские переговоры...

- Кто-то же должен был с ними поговорить? А больше некому, – менеджер поняла, что отмалчиваться дальше рискованно. Умные слова и аргументы всё никак не шли на ум. Вероятно, ум устал от проведенных с партнёрами виртуальных торгов. Вероятно, ум очень хочет в отпуск.

- И тон такой уверенный стал, – одобрительно поцокала язычком блондинка. – Браво, Мышка! У нас на студии наконец-то объявился новый талант.

- Беру пример, – ответила она невпопад. И спустя толику секунда, поняла, что ей самой ответ не нравится. Это был не её ответ. Ответ, навеянный недавним, совершенно непривычным образом. Ответ имени Йорка Энберга. По спине отчего-то пробежал холодок. Ни к чему хорошему подобный ответ привести не мог явно.

- Это хорошо. Это правильно. А теперь, девочка, послушай меня, – взгляд Штольман вдруг стал холодным, да он и был холодным, как глыба седого льда, морозное крошево вокруг которого может обмануть, показавшись пеленой тёплого тумана. А когда взвесь воздушного крошева осядет, то окажется внутри застеклённого прилавка, и капельку, неопратно подтает, и на нём лежит теперь, открывая и раскрывая рот, снулая рыбка, кажется уже за пределом последнего издыхания...

Даже слова режиссера были сухими, потрескивали и поскрипывали, как разбитое стекло под каблуком:

- Послушай очень внимательно, девочка: я повторять не буду. Если ты решила, что на что-то имеешь право – забудь. Ты думаешь, что делаешь что-то важное, и наконец тебя оценили и заметили; и теперь

у тебя будет покровитель, сильный и прекрасный, а главное – справедливый...

Мышь от изумления снова открыла рот, спохватилась и плотно, с усилием сомкнула губы. Слова Штольман доходили до неё, но в сознание не укладывались. Ей не было ни стыдно, ни обидно, она вообще не в состоянии была обратить сказанное в ясные эмоции, очевидно, потому что мыслила иными категориями. В другой логической системе. Идеальная блондинка, между тем, продолжала.

- Так вот, выкинь из головы эту чушь. Не ты устанавливаешь правила. И не твой обожаемый плюшевый неуклюжий Ханс...

“Плюшевый и неуклюжий” – автоматически повторила про себя Мышь, загипнотизированная натиском. Как точно! Какие верные слова. Госпожа режиссёр не зря, как видно, всё-таки режиссёр. Мастерица постановки конфликтных сцен.

- ...он только соответствует, и это всё. А Йорк, – Штольман сделала паузу, в которую можно было успеть достать сигарету, прикурить и затянуться.

Мышь не отрываясь смотрела на неё и почему-то казалось очень важным выдержать этот цепенящий взгляд. Так загнанная в угол крыса может верещать и не отрываясь пялиться на загнавшего её в угол ужа: ну, кто кого?! Не на ужа даже, а не гадюку.

- Он с тобой спит?

55

- Он с тобой спит? – равнодушно, даже деловито поинтересовалась, а скорее констатировала Штольман. – И что? Мне вообще всё равно, сколько девок крутится вокруг. Это имидж. Это естественно. Это совершенно ничего не значит, – она пожала плечами и чуть вздёрнула точёный носик. Почему-то жест показался фальшивым. И Мышь поняла, что для фрау режиссёра все вьющиеся вокруг Йорка модели, танцовщицы и длинноногие актриски из массовки – что-то значат; ох, как много они для неё значат! Но Штольман непререкаемым тоном завершила мысль. – Так что не думай, что нашла себе Прекрасного Принца.

Мышь сделала глубокий вдох. На каждый из моментов монолога этой стервы хотелось дать хлёсткий, резкий, решительный ответ. Может быть, целую отповедь! Она выдохнула; сосредоточилась, мысленно

собралась с силами.

- Для Прекрасного Принца он слишком избалован, – как можно бесстрастнее проговорила менеджер.

- Вот видишь, – Штольман улыбнулась, приподняв уголки тонких губ. В этой улыбке сквозило сочувствие Высшего существа к низменному пресмыкающемуся. – Я так и думала: ты даже не понимаешь. Я тебя насквозь вижу. Ты – открытая книга для любого, кто достаточно умен. – Рефлекторный самодовольный жест, горделивая голова вскидывается, чтобы сбросить с глаз мешающую прядь, которой на данный момент нет и в помине. Она, Инга Штольман, всесильна и прекрасна. И сейчас она будет убивать. Одного отдельно взятого нерадивого, неблагодарного ассистента менеджера. – Ты скучна. Ты серая. Как бы ни называлась твоя должность, ты – официантка. Прислуга. Такой и останешься. И поверь мне, – сочувственно, – он это прекрасно понимает.

Мышь стремительно пыталась сориентироваться хотя бы в собственных чувствах: обида? Унижение? Испуг? Страх? Хм... равнодушие? Гнев?

- Безусловно, Вы правы, фрау Штольман, – тихо ответила Мышь, не опуская, впрочем, взгляда. – Я могу быть свободна?

- Беги, девочка, – опять улыбка, – занимайся своими маленькими делами. Только помни, – и многозначительно оставив незаконченную фразу висеть в воздухе, госпожа режиссер вышла, гулко постукивая каблуками, высоко подняв голову, и оставив дверь нараспашку.

«Вот сука!» – билось в сознании, и Мышь с удивлением осознала, что всё, что она испытывает после разговора с Ингой – это... раздражение. Обычное, муторное раздражение, как от капризов избалованного ребёнка; как от прихотей зазнавшихся знаменитостей, которые могут потребовать, например, серебряный прибор к заварной лапше в коробочке...

- Сука,- с чувством процедила она – и выбросила безобразную, гнусную сцену из головы.

ассистент, бледный, несмотря на жару, и тоже страдающий насморком – и с безумными глазами стал требовать ответов на организационные вопросы по новой декорации.

- Это к Хансу, – пожала плечами Мышь, – дело не срочное.

- Как? – опешил парень, – разве он не передал тебе дела?

- А с чего это он должен был вдруг мне их передать?!

- А ты не знала?! Он же в больнице! – Парень скорчил значительную, даже скорбную гримаску. – Двустороннее воспаление лёгких, вернётся только через месяц, а там – сама понимаешь...

- Подожди, не части, – попросила менеджер и, поняв, что без виновника тут не разобраться, достала мобильник и по памяти настучала десять цифр номера.

- Ханс!

В трубке послышалось сдавленное хрипение, из которого Мышка не поняла ни слова.

- Повтори ещё раз! Ханс, это ты?

Он дал отбой.

- Нет, ну надо же быть таким умником, – процедила девушка, – в самом деле, не мог хотя бы сообщение прислать!

К концу рабочего дня весть о серьёзной болезни шефа облетела весь белый свет. Мышку ловили в коридоре кокетничавшие с Хансом девушки, и, потупив глазки долу, интересовались, не в курсе ли она о его здоровье. Незнакомый парень, кажется, тоже чей-то ассистент, участливо спросил, не нужно ли помочь с переносом Мышкиных рабочих папок на новое место – куда? – “как, куда, в кабинет бывшего начальника, был же такой Ханс”... На выходе знакомый охранник ничего не сказал, но проводил её таким сочувственным взглядом, будто ей предстояли похороны по меньшей мере любимого кузена. Хотя, может быть, ей показалось в свете прочих несуразностей этого дня.

Решение созрело быстро – кроме того, хорошо было бы получить пару советов по турагентству, так что Мышь бодро села в такси и назвала неоднократно слышанный адрес. Номер квартиры с трудом поддавался вспоминанию. Но, в конце концов, можно извиниться и спросить у соседей.

Она не ошиблась: за дверью раздались шаги, щелкнул замок, и на пороге появился Ханс. Живой и, если не здоровый, то, по крайней мере, не умирающий. В домашних трениках, в меру растоптанных тапках и густо-бардовом махровом домашнем халате (по виду – женском).

- Ха! – только и смогла сказать Мышь, – а ты в курсе, что ты лежишь в больнице с воспалением лёгких?

57

Шеф страдальчески заломил брови и отступил вглубь квартиры, приглашая её войти.

Она впервые оказалась у Ханса дома; квартира производила однозначное впечатление: холостяк. Мебель не выдерживала какого-то единого стиля, пара неплохих пейзажей на стенах перемежались постерами, на полочке в рамках несколько детских фотографий – очевидно, сын – и на всём этом недельный слой пыли. Не симпатично, но, как ни странно, вполне уютно.

- Ну, рассказывай, – подбодрила хозяина Мышь, – мне уже пора метить на твоё место, или герр начальник всё-таки вернётся к жизни?

Шеф скорбно пожал плечами и плюхнулся в кресло напротив телевизора и развёл руками: видишь, мол? Обездвижен, бессилен, пал в неравной битве.

- Ханс, хватит прибедняться! Ты температуру мерил? Лекарство принимал? Скажи хоть, когда выйдешь на работу: там всякие идиоты пудрят мне мозги, а Штольман рвёт и мечет. Хоть кто-то должен на них рявкнуть! – Мышь ощутила небывалый прилив сил, просто от того что он здесь, что с ним всё в порядке (относительно, конечно), и что снова есть, к кому бежать за советом, или звонить хотя бы, даже если этот великовозрастный оболтус застрял в пробке, или ещё чёрт знает, где. – Посочувствуй мне, они меня съедят! – нажала на жалость Мышь. Кажется, она быстро училась искусству манипуляции собеседником. – Нужен хоть один голос в мою поддержку!..

- Да нету у меня голоса, – прозвучавший сиплый хрип никак не походил на обычный приятный баритон. Мышь даже вздрогнула от неожиданности. Ханс снова беспомощно развёл руками.

- Отлично, – только и смогла ответить девушка.

Через полчаса она заварила чай, и перетерла с мёдом корку одного из

закупленных в супермаркете лимонов.

В супермаркет пришлось бежать экстренно. У ненаглядного начальника не было дома не то что лекарств – не было еды. Судя по ошмёткам в холодильнике, последние пару дней Ханс питался хвостиком от когда-то (вероятно, недели две назад) свежей колбасы и морожеными равиолями с картошкой и грибами. Ни круп, ни макарон, ни банальнейших консервов типа консервированного молока и ветчины с улыбающейся хрюшкой на банке, не сыскалось даже по шкафам. Даже просроченных на пару лет. Наверное, стратегических припасов на случай ядерной войны в этом доме держать было не принято.

58

У Идана тоже вечно нечего было есть. Не то, что есть, даже приготовить. Нечего – и не из чего. Можно было подумать, что юный физик питается воздухом, и этими своими гамма-лучами.

Мышке и в голову не приходила идея о том, что когда-нибудь, потом, в будущем, они станут жить вместе. Это просто не укладывалось в рамки её мировосприятия.

Поначалу, когда совместные вечера в спальне-пирамиде носили редкий и восторженный характер, вопросы бренной пищи земной решались просто – заказом пиццы.

Позже, когда вместе случалось не только провожать закат, но и встречать рассвет, проспав вожделенных два часа и уже в спешке – проспав на лекции – Мышь освоила несколько простых рецептов. готовить она умела и раньше, вся ценность новых кулинарных изысков сводилась к двум параметрам: попроще и побыстрее. Тогда по пути из колледжа они забегали в местный супермаркет. Мышь вскоре сделалась любимым и узнаваемым клиентом: улыбалась продавцам, уважительно приветствовала охранников. Она собирала примерно один несложный набор: какие-то овощи, бекон, сыр, молоко, дюжина яиц, реже – куриное филе и соус карри. Она всегда платила за покупку сама, имея в виду “не подумай, что я напрашиваюсь в содержанки”. Идан покорно и молча провожал её по магазину, отрешенный, величественный, думающий о чём-то своём, вероятно, научном.

А однажды Идан захворал. Его посетила какая-то мерзостная,

тошнотворная – в буквальном смысле слова – разновидность гриппа. Мышь отпросилась с пар, и бегом побежала в аптеку. Сначала долго искала её в малознакомом районе, потом нескончаемо долго изводила фармацевта вопросами и том, что поможет лучше и при каких симптомах.

Она заваривала для него травяной чай, и уговаривала, даже упрашивала, чтобы он его пил. Она звонила ему из колледжа, выбежав “на минутку” с пары, чтобы он вовремя вспомнил принять таблетки. Мышь даже похудела – эффект неожиданный, но приятный, учитывая то, что на “модельную” внешность она никогда не тянула и даже не претендовала. В результате, кто-то из пожилых преподавательниц, не упомянуть уже, какого предмета, угрюмо отозвала её в сторону после лекции и доверительно, сочувственно даже спросила, давно ли Мышь употребляет наркотики.

- Да что Вы, – пролепетала донельзя обескураженная девушка.

На это ей предъявили бесспорные аргументы в виде кругов под глазами, припухших и покрасневших век, рассеянного внимания и ответов не попад.

- Ну что Вы такое говорите, – как могла вежливо и терпеливо принялась объясняться Мышь. – Просто, понимаете, у меня.. ээ-э... брат тяжело заболел!

Возможно и бывает понятие “лжи во благо”, но это был явно не тот случай. На следующий день Мышка свалилась с желудочной гадостью сама.

Она тихо помирала в комнате студенческого общежития, после посещения штатного врача, оснащенная полным комплектом антибиотиков, пробиотиков, жаропонижающих и прочих, прочих... Впрочем, основными рекомендациями оставались постулаты: лежать и ждать, пока пройдет, и пить побольше жидкости, и витамины, конечно, витамины. Со слезами на воспаленных от болезни, а также от жалости к себе, глазах, она попросила соседку по комнате временно переселиться к паре общих подружек, чтобы не заразилась!

Она позвонила ему, чтобы объяснить, что случилось, и ждала, что Идан придёт, но тот не появлялся. Вероятно, сам ещё маялся последствиями противной хвори.

Он пришёл на третий день, когда Мышка уже в состоянии была более-менее осознанно встать и добраться до санузла самостоятельно,

без помощи соседки (так и не съехавшей даже временно), костылей (теоретически) и тазика, в который, в случае внезапной атаки, отплёвываться.

- Тебе что-нибудь нужно? – вяло, очевидно, огорчённый её состоянием, спросил Идан. Он был ощутимо, видимо поражен общим бледным обликом болезной: с лица спала, волосы липкие, зализанные в неряшливый не расчесанный “хвост”, глаза воспалились, нос припух.

- Да нет, – она улыбнулась, как могла приветливо – в своём нынешнем состоянии; и широким жестом обвела батарею лекарств, которые назначил и выдал ей под счёт доктор. – Всё есть, как видишь!

Идан помешкал в нерешительности, что делать: обнять? Присесть рядом? Поцеловать в обметенные красным болезненным контуром губы?

59

И почему-то не сделал ничего. Остался переминаться с ноги на ногу у неопрятной постели больной.

Когда пауза стала нестерпимо непонятной, он спросил:

- Может быть, тебе... фруктов? Или вина красного, ты же любишь...

Мышь – снова с улыбкой – покачала головой. Легче ей стало от одного его присутствия, от того что он пришёл, что заботится о ней, переживает, в магазин, вон, готов бежать посереде учебного дня.

Полный пакет фруктов вчера принесла соседка по комнате. Они скинулись невеликими студенческими финансами, и в итоге получился целый кулёк! Апельсины, яблоки, киви, даже пара манго (каждой – по одному), и маленькая дыня. Настоящий пир. Тут и умирающий воскреснет. Вино же нынче было нельзя, пока не закончится курс антибиотиков.

- Беги, тебя там конспекты ждут, – она протянула руку и пожала его запястье. – Я буду в порядке, заскочишь, как сможешь. Ну, давай!

И Идан ушёл, пролепетав что-то неразличимое на прощанье. Впрочем, возможно, Мышь уже спала...

- Будешь ещё пить холодное пиво под кондиционером, –

пробормотала она, вручая страдающему Хансу чашку.

- Прямо как моя мама – не отличишь, – улыбнувшись, прошептал Ханс; и даже шепот вышел хриплый.

- Молчи лучше, – огрызнулась она, одновременно сварливо и сочувственно.

- А то не расскажешь мне сказку?

- А то принесу тебе работу на дом, – хмыкнула девушка.

Было странно сидеть с ним на кухне, болтая сначала о работе, потом о телевидении, потом и вовсе о чём-то отвлеченно-жизнерадостном – не получая ответов, только внимательный, очень тёплый взгляд. Хотя может быть, это от чая у него снова поднялась температура.

Она предложила посмотреть какой-нибудь фильм, Ханс отрицательно покачал головой. Потом протянул руку и легонько сжал её расслабленную тонкую ладонь. Жест благодарности, признательности, и вообще расположения – не более того. Или всё-таки? Прикосновение было мягким, ненавязчивым, но достаточно долгим.

Мышь уронила на пол чайную ложечку. Это вышло рефлекторно, как выверт у соскользнувшей с крыши кошки – просто свободная от ладони Ханса рука совершила неуловимое, небрежное движение – и вот уже ложечка обиженно звякнула об пол. Неожиданный звук помог разорвать прикосновение легко, непринуждённо, как будто ничего и не было. Девушка повертела ажурную, почти невесомую изящную ложку в руках. Металл был прохладным и гладким. Ладонь, которой секунду назад касался Ханс хранила остатки чужого тепла, и металлический холод покалывал её неожиданно неприятно.

- Тогда я поеду, – решила Мышь, улыбнулась начальнику и, аккуратно опустив ложечку обратно на стол, встала.

60

Ханс пожал плечами и кивнул, дескать, конечно, могла бы давно уже свалить и бросить меня тут тихо помирать в одиночестве, я всё понимаю, без обид!

Всю дорогу до дома Мышь размышляла, как половчее разобраться с рабочими узлами, которые без Ханса затянутся на её шее, потому что теперь стало ясно, что шеф нетрудоспособен как минимум до конца

недели.

А дома было хорошо! Не смотря ни на рабочие проблемы, ни на запах асфальта, нагретого солнцем, который поднимался от земли в сумерках, забивался во все щели и изрядно портил романтическую атмосферу тёплых вечеров.

Мышь заварила кофе и распахнула окно, намереваясь присесть на подоконник и покурить. Стоило подумать о многом... нет, лучше было ни о чём не думать. Выбросить всё из головы и насладиться тишиной и особой прелестью городского заката.

Из приоткрытой оконной створки доносились приглушённые звуки далёкой улицы и запах сухого бетона с лёгкой ноткой далёких, далёких цветов. Нагретый рыжим, уползающим за горизонт солнцем подоконник был широким, тёплым, привычным – уютным. Может быть, сдаться, и всё-таки постелить на него плед? Пожалуй, тогда она переселится на него с концами. А ребята посмеются, мол, скоро на жёрдочке будешь сидеть, как птичка. Вот теперь самое время было достать сигарету... Мышь охлопала себя по карманам, и вожаемой пачки не обнаружила.

Морщась от необходимости нарушать уже успевшую установиться в душе гармонию, она спрыгнула с подоконника, и протопала в крохотную тесную прихожую в поисках рабочего рюкзака. Гармония вернётся быстро – слишком много всего удивительно хорошего было в ускользнувшем, словно песчинка меж пальцев, моменте – стоит только вернуться на исходную.

Однако, разрабатывая залежи полезных ископаемых в рюкзаке в поисках сигарет, она наткнулась на некий чужеродный предмет, точнее – шуршащий мягкий кулёк.

Первая мысль была почти панической: бомба!

Потом за шиворот хлынул жгучий стыд от подобного предположения. Пфф, велика птица – ассистентка менеджера – чтобы бандит-ниндзя в чёрной маске и чёрных трико бесшумно подкрадывался к её беззащитному одинокому рюкзаку, который она вечно, чего там греха таить, бросала где попало.

Ей уже почти стало смешно, как вдруг приступом неприятной тревоги ей пришло в голову, что рюкзак чужой. Он же обычный, тёмно-серый, с потёртостями. Мало ли таких ходит-гуляет по городу? Вдруг, зазевавшись, она схватила и утащила чужой рюкзак – чей?

Ханса? Или его сына школьный ранец? Или и вовсе кого-то из ребят на работе? Она суетливо проверила карман – там лежал её пропуск и ключи. Она всегда сразу убирала их на место, чтобы не забыть на следующий день.

И наконец, уже бытовым, деловитым беспокойством – наиболее вероятная версия: это не она перепутала сумку, а кто-то перепутал свою сумку – с её. В кафе например. Заходила она сегодня за кофе? Или нет? Оставляла рюкзак без присмотра? Да конечно, оставляла, чего тут гадать на картах – у неё не только на лице, на всех остальных местах написано, что она та ещё растяпа. Вот кто-то незнакомый и сунул – тоже по рассеянности – в недра её, Мышкиного, рюкзака что-то своё. Свежекупленный сендвич, например. Слава богу, если не пакет с популярным нынче молодёжным куревом зелёного цвета, от которого по стенам скачут зелёные же черти...

Фыркнув, Мышь осторожно, но без лишних эмоций и паники вытащила “бомбу” на свет божий.

61

Это был всего лишь пакет – пухлый крафтовый и довольно мягкий – который сегодня в коридоре сунул ей в руки Йорк.

Неужели это было сегодня? Какой кошмарно длинный день... тянется и тянется, никак не порвётся, как жвачка, едва разжеванная, липкая, рыхлая, приклеенная как-нибудь шутником на потолок. Прицепилась намертво, но под тяжестью собственного веса тянется вниз – медленно так тянется, и скоро с вожделением чпокнется за шиворот какому-нибудь незадачливому школяру...

Но здоровое любопытство пересилило усталость и через секунду вышибло из головы мысли о работе и сигаретах: Мышь азартно принялась раскурочивать свёрток. В руках у неё оказалась завёрнутая в двойной слой транспортировочной плёнки с дутыми пупырышками, симпатичная толстая видеокассета, совершенно новенькая и немаркированная. Сюжет дешевой детективной истории – анонимная угроза? Да нет – какая уж там анонимность, если Йорк самолично вручил ей пакет, да ещё порадовать, якобы, обещал...

Девушка на всякий случай огляделась, но сверхъестественных явлений не произошло – видеомэгнитофона в доме как не было так и не предвиделось. При наличии современного компьютера, подключаемого к сети, он вряд ли нужен вообще.

- Каменный век, – сообщила она, обращаясь к чёрному панцирю любимого компа, – ну что ему стоило записать диск?

Дружелюбный лаптоп мигнул зеленой лампочкой, дескать, вот и я не знаю, но тут уж – извини – помочь ничем не могу!

Впрочем, Мышь и без того поняла, что придётся идти в гости. И улыбнулась: хорошо всё-таки, когда есть повод заглянуть к хорошим людям, которые всегда тебе рады!

Прихватив кассету и сигареты, она, как была, в тапочках и домашних шортах, спустилась на три этажа вниз и принялась тиранить дверной звонок.

- Слышу, иду, – безнадёжно откликнулся гостеприимный хозяин, услышав требовательный перезвон: так ломились только друзья, и не открыть дверь было бы совсем не вежливо. А ведь он только примерился поработать, – привет, заходи.

- Герман, у тебя видеомаягнитофон есть? – азартно спросила девушка, хотя прекрасно знала, что видеодвойка у приятеля стоит, и она на ходу. Всего неделю назад они все вместе хохотали над старым-престарым фильмом, – мне тут на работе кассетку подкинули.

- Конечно, – улыбнулся Герман, – проходи. Подключить тебе?

- Подключай, вместе посмотрим!

- Не, Мышка, мне работать надо, – со вполне искренним сожалением отозвался хозяин. Он и в самом деле был очень рад её видеть, однако работы навалилось столько, что приходилось подбирать хвосты уже сидя дома, а сидеть случалось временами и до глубокой полуночи.

- Зануда, – Мышь показала ему кончик розового язычка.

- Ладно! Ты давай, садись, смотри своё порево, а я хоть до конца квартала дочитаю, и приду, – сдался Герман. В конце концов, ему тоже надо хоть изредка отдыхать.

- Вот и славно, – она взяла с полки тяжелую пепельницу, – и вообще, прекращай эту ерунду с работой по вечерам. Сколько можно вкалывать?

Герман фыркнул что-то маловнятное, подключил видео и удалился. Мышка смахнула воображаемую пыль с огромного экрана. На журнальном столике обнаружилась недопитая чашка кофе – очень кстати. Тут все свои, а в таких обстоятельствах она не брезглива.

Впрочем, отпить удалось от силы два глотка: кофе был не только остывший, но и феноменально крепкий, без пряностей, молока и сахара. Такой Герман варил только сам, лично. Гадость преизрядная, аж скулы свело, зато бодрит!

Запустив в таинственное нутро проигрывателя кассету, Мышь закурила и приготовилась удовлетворять своё любопытство. На экране пошел стандартный отсчёт: три, два, один, а потом...

62

Это было безумно красиво. Лаконично. Она стояла, отвернувшись к окну, он подошел и обнял её за талию – нежно и настойчиво. Видно, как его горячие ладони ползут вверх, задевая край белой блузки, тонкой и беззащитной.

- Это всё усложнит, – произносит мелодичный голос Главной Героини.

- Ради тебя я готов рискнуть, – лицо крупным планом – тонкие уверенные губы очерчивают слова, на щеке залегла обаятельная ямочка от улыбки, и глаза – пронзительно-синие, и страстные – другого слова не подберёшь. В них глубина и мощь океана, в них обещание нежности, защиты, и избавления от всех забот. В этих глазах сила, древнейшая сила на этой огромной, непостижимой земле – в этих глазах любовь. И жажда. Ненасытная, откровенная, оголённая.

Она поворачивается в его объятьях, пристально смотрит, и дыхание уже становится глубже, порывистей; тогда Йорк наклоняется и целует её. Медленно, сначала осторожно касаясь губами губ, ещё раз, и ещё, исследуя, запоминая, обещая, уговаривая.

И вот, поцелуй уже становится глубже, решительнее, ускоряется темп, но тягучая вязкая патока затягивающей страсти не исчезает, только сгущается.

Кровать была огромной и мягкой, прохладные простыни перекатили матовый блик. И, словно стремясь поймать этот свет, поверх опустилась она – прекрасная, вдохновенная... его длинные пальцы пробегают по её обнаженному животу.

С запозданием на фоне появляется музыка – кассету явно слепили второпях, что называется, для узкого круга – пусть друзья полюбуются.

Невесомые женские пальцы на уверенных плечах. Горячие губы на изящной ключице. Она щекой прижимается к его груди – благоговейно, доверчиво, ласково.

Снова губы – на сей раз его губы, чуть ниже её шеи – многозначительно касаются трогательной ямочки между ключиц.

Мышь смахнула столбик пепла с сигареты – и не попала в пепельницу. Да уж, с ограничением или без, а повстаёт действительно даже у мёртвых.

Фиг бы с ним с противным сиреневым постельным бельём – оператор, умничка, всё поправил, свет выставил так, что любо-дорого. Общий дешёво смотрящийся гламур декорации успешно скрыли загадочные, весьма уместные тени.

Но ведь как трудно было поверить, что так можно обнимать женщину, которую не любишь. Не то, что не любишь – даже не хочешь! Помимо воли Мышь вспомнила другую случайно подсмотренную в темноте телестудии сцену: рваные торопливые движения, жадные глубокие поцелуи... неужели это и есть настоящее? А красота плотской любви существует только в сказках – на плоском экране телевизора?

63

Это вышло случайно. Глупо вышло, если посудить.

В комнату больной Идан больше не забегал, но каждый день передавал приветы через общих знакомых, даже кулёчек дорогуших конфет из фирменной кондитерской: неоправданно дорого, но непозволительно вкусно! Пропажа сердечного друга объяснялась просто: на носу была очередная сессия, и ответственный физик, лишенный, в силу обстоятельств, её внимания, утопил своё одиночество в учёбе.

Даже придя в более-менее вертикальное, прямо- (и ровно-) ходящее состояние, Мышь стыдилась показывать нос. Измотанная хворью, она смотрелась в зеркало и прекрасно понимала, что выглядит, мягко говоря, не ахти.

И она решила сделать Идану сюрприз. Неделю после выздоровления она ходила на занятия чуть ли не украдкой, узкими тёмными коридорами, перемещаясь между аудиториями короткими

боязливými перебежками – не дай бог, наткнётся случайно! По-прежнему принимала далёкие, почти ежедневные “приветы”... а когда, наконец-то, лицо её (при адекватном количестве макияжа) снова обрело здоровый, жизнерадостный вид, Мышь выбрала время и без предупреждения, не позвонив, отправилась к нему домой.

Дверь не была заперта. За Иданом водилась такая дурная привычка – рассеянность будущего современного гения – хлопнула дверь, да и ладно – сквозняк не будет сбивать спиритические концентрации и силовые поля. Неаккуратность в наше время непозволительная, впрочем, он жил в достаточно благонадёжном районе.

Мышь шагнула в знакомую прихожую, перевела дух, сняла красивые, парадно-выходные сапожки.

- Кто здесь? – донёсся из глубин необъятной квартиры настороженный, даже испуганный голос. Разумеется, её возня у двери не могла пройти незамеченной.

- А ты угадай, – весело и игриво предложила Мышь, стягивая лёгкий шарфик и расстёгивая курточку.

Послышалось торопливое бормотание, какая-то бытовая суеда. Что-то, кажется упало на пол. И Мышь испугалась, по-настоящему испугалась: вдруг что-то случилось?! Мало ли, откуда человек мог сверзиться от неожиданности. Может, она припёрлась в тот момент, когда он полез на лестницу, чтобы сменить перегоревшую лампочку. Мало ли, что!

Надо было скорее лететь на помощь, но ей не пришлось этого делать.

В почти видимом облаке дурманного марева, в расхристанном халате на голое тело, в коридор ворвался абсолютно обалдевший Идан.

Его нагота Мышьку не смутила. Скорее – взгляд. Затравленный, мечущийся, осоловелый...

- А я думал, ты... – и он замолчал. Беспомощно, бесперспективно.

От него пахло травкой. Разгоряченным, готовым к жизни телом. И приторными женскими духами.

- Ты... – она не нашла, что сказать.

- Понимаешь, ты... – патетически начал Идан, – ты... такая, хорошая, ну... хорошая! В общем, я...

Впечатляющую своей новизной и убедительностью тираду прервал женский голос, низкий и резкий, донесшийся из спальни:

- Идан! У тебя там всё в порядке?!

Перед глазами у Мышки резко стемнело. Уже не глядя на Идана, не слушая его нелепой исповеди, не желая слышать вообще ничего, Мышь сорвалась с места и побежала.

Она панически, до дрожи, до тошноты, подкатившей к горлу с такой силой, словно изгнанная болезнь только что вернулась, не желала встречаться с обладательницей низкого резкого голоса.

Что он ей скажет? Что вообще теперь можно сказать? Слова не нужны, всё и так как день ясно. Сколько их было? Нет-нет, сколько их бывает регулярно – томных красавиц на экзотическом круглом ложе внутри мистической божественной пирамиды?

Мышь опомнилась, обнаружив себя на автобусной остановке. Опомнилась от того, что её тряс за плечо средних лет полицейский в занятой форменной фуражке. Очевидно, равнодушные люди успели посчитать, что девушке плохо.

Она сидела на уголке жесткой, холодной скамейки остановочной будки. Босая. С парой заметных ссадин – на левом колене и на правой икре. Куртка расхлябана, взгляд едва сфокусирован.

- Девушка, – вкрадчиво поинтересовался полицейский. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

Отрешенно, ещё не до конца придя в себя, Мышь отметила, что служитель закона напряжен, он – ищейка в стойке! Мужчина будто бы даже к ней... принюхивался!

Это стало последней каплей. Мышь решительно встала. Наплеватель, что босиком. И наплеватель, что не соображает, в какой она части города. И на то, что в голове какая-то тухлая каша наплеватель тоже. Не надо ей в жизни принюхивающихся полицейских.

- Спасибо, нет, – решительно и совершенно здраво ответила она. Осияла полицейского жесткой, совершенно незнакомой её привычной мимике улыбкой, и двинулась прочь.

Полицейский не стал её удерживать.

Тьфу, пропасть. Зря отвлеклась на такую гадость, – мысленно поморщилась Мышь.

Она нащарила пульт, перемотала на начало, снова нажала «Play».

- Это всё усложнит...

Какая она красивая! Гармоничная, изящная, так деликатно переливаются в движении линии её тела. Такой должна быть настоящая женщина!

- Ради тебя я готов рискнуть.

И снова – как танец фламенко – мастерская импровизация, слаженная, естественная. Снова музыка – не вовремя, но какая подходящая – не навязчивая, однако невероятно точно попадающая в удары сердца, в унисон.

Перемотать ещё раз.

Где-то далеко-далеко, за гранью сознания, в замке повернулся ключ, и в коридоре началась неторопливая возня.

- Кто курит? – удивленно и приветливо.

- Ну а кто у нас может курить, – отозвался Герман, которому явно хотелось – ну просто о-очень хотелось – ещё поработать. Между тем, пришедший заглянул в гостиную:

- О! Ада! – радостно воскликнул он.

- Привет, Крис.

- Привет-привет... а что это у тебя? – он внимательно всмотрелся в скользящие по экрану картинки, сначала непонимающе, потом...

Мышь оглянулась и успела поймать выражение лица: товарищ не настолько поднаторел в искусстве быстрой смены настроений, как звезда местного (пока что чересчур местного, можно даже сказать, камерного) экрана. Поэтому и был застукан за смесью восторга и ехидства. Это мгновенно вернуло её на грешную землю, а Крис между тем, совладал с лицевыми мускулами, и нарочито-небрежно позвал:

- Герман, ты только посмотри, что тут у нашей красавицы!

Ада зашипела, как возмущенная кошка и запустила в шутника пультом, который тот поймал, и, без зазрений совести, снова

перемотал плёнку на начало.

Из недр неприкосновенного рабочего кабинета появился Герман, мельком глянул на всю картинку:

- Ну – что? Порнуха и порнуха... – потом перевел взгляд на лицо девушки, и, растеряв раздражение, с сомнением протянул, – или ты...

- Ты в глаза, в глаза посмотри, – подначивал Крис, – дрогнуло сердечко, оттаяла наша замороженная красавица.

- Красавица спящая была, – буркнула смущенная Мышка, – и что вы так уставились? Всё у меня нормально с лицом.

- Тебе зеркало дать? – заботливо поинтересовался Герман, подставив пепельницу под очередной столбик пепла с позабытой сигареты, – у тебя вид такой, будто тебе срочно нужен парень!

- Хочешь, я позвоню, – влез с конструктивным предложением Крис, – сейчас мальчик приедет, а мы пока с Германом... да вот хоть в кино сходим!..

- Ну да, – хмыкнул потенциальный кинолюбитель, – ты ещё сам по старой памяти предложи поработать по специальности...

- Идите вы... оба! – чувствуя, как полыхают щеки, огрызнулась девушка. – В... туда! – закончила она в бессильной ярости от того, что Крис был прав – особенно судя по тому, что Герман его правоту полностью подтверждал.

- Ладно-ладно, – беззлобно капитулировал зачинщик, – тогда пойдёмте выпьем. Хочешь коньяка?

В зале всё спокойно – спектакль-то премьера – никто не знает, что героине, вообще говоря, уже минуту как положено лежать, а герою – исполнять над её телом арию возмездия... и только актёрский состав за кулисами тихо, но верно умирает. Потому что режиссер, которому сорвали результат полугода трудов, стоит у самого-самого краешка кулисы, смотрит на сцену, как на кулачный бой, и тихо так шипит: «Ну! Поймай её, суку, и убей! Поймай, и убей!» Смеешься? А между прочим, хористочку эту весь состав на руках носил потом. Да не потому что премьеру спасла – не спасла она ни фига, по сути – а потому что режиссер голос сорвал, пока за её гибель ратовал. На месяц выволочки для всего состава отменились.

Глава 8.

Есть такая традиция: в театре, когда приходишь на работу, чтобы сцена тебя признала – надо в неё вбить гвоздь. Очень логично, согласен. И, как понимаешь, завхозы, и всякие подсобные работники – не в восторге от порчи государственного имущества. Ну, и вот я – первый раз в театре по работе, восторгу, понятно, до ушей и больше, раздобыл гвоздь и пошел за сцену. И мне с этим гвоздём – ну фатально не везло: то молоток не найду, то за сценой уборщица... в общем, к концу месяца я его потерял. И тут однажды – благоволение небес – прихожу раньше всех на репетицию, а на сцене новую декорацию собирали – и там лежит гвоздь. Маленький такой гвоздик. Ну, я его, понятно, схватил, и за сцену! Молотка нет, ничего нет, но гвоздь тонкий, а доски всё-таки не дубовые. Ну, я, как мог, его вручную в пол вкрутил. В общем, очень старался – на треть таки загнал. Каблуком постучал для верности – вроде держится. И тут – вахтёр заходит. С утра злой и трезвый – хоть плачь. «А чего это, юноша, вы делаете?» и очень выразительно на меня смотрит. Я, не будь дурак: «Фламенко репетирую» и станцевал ему фламенко. А он мне так подозрительно: «Ты только гвоздей тут не вбивай, а то знаю я ваше фламинго»...

Героическое сражение Ханса с простудой закончилось сокрушительной победой, правда Мышь никак не могла определиться с мнением – кто победил. Шеф чувствовал себя прекрасно: температура спала и он с удвоенной яростью накинулся на работу. Однако голос возвращаться не спешил и тем самым сводил трудовые усилия доблестного стахановца к упорной молчаливой каторге. Горло Ханса украшал полосатый шерстяной шарф, который изумительно сочетался с летними шортами и лёгкими туфлями из тонкой кожи.

С госпожой Штольман Ханс изъяснялся жестами, для деловых партнеров Мышь служила переводчиком. За такими переговорами их и застал однажды утром Йорк.

- Мы могли бы предложить вам специальную десятипроцентную скидку, если вы увеличите заказ всего на пять коробок в неделю, – с вежливой, блестящей, как маслина, улыбкой, вещал поставщик, перебирая тонкими длинными пальцами, как будто мечтал кого-то поскрести когтями.

Ханс нахмурился, качнул головой, развёл руками, потом и сам пошевелил пальцами, отчасти разминая ноющие от такого зрелища костяшки, а заодно показывая число “два”.

- Спасибо, но нам не нужна специальная скидка, и мы не собираемся увеличивать объём заказа, потому что через две недели труппа выезжает на съёмки в Грецию, и мы будем работать с местными поставщиками.

Йорк, два раза тихонько стукнув пальцем по прозрачному стеклу (может быть и позывной, может – и случайная незначительная помеха) прислонился к окошку на двери и довольно беспорядочно изобразил сурдоперевод. Мышь заметила, и грозно сдвинула брови, пытаясь не рассмеяться, и не отвлечься от хода переговоров. Пародировал актёр, как всегда, смешно – профессиональный навык, стоит полагать. Никакое комедийное шоу рядом не стояло – особенно, если ты участница событий!

- Но как нашему постоянному клиенту, и надеясь на дальнейшее успешное сотрудничество, мы хотели бы сделать подарок от компании вам лично, – витийствовал, скержеща пальцами по столешнице, поставщик, – примите, и используйте с удовольствием незаменимый в такую погоду универсальный охладитель напитков!

Он жестом ловкого фокусника, извлекающего из цилиндра слона, достал из небытия (под столом, что ли прятал? А где тогда он ноги держал – свернул, как йог?!) здоровенную, обмотанную защитной плёнкой картонную коробку.

У Ханса, который холодного пива на ближайшее лето напился с лихвой, глаза налились кровью, а костяшки непроизвольно сжавшихся в кулак пальцев побелели – мысленно он явно уже кого-то задушил. Осталось только проконтролировать, чтобы мысленный порыв не претворился в реальный. За стеной Йорк изобразил разухабистый шутовской поклон.

- Мы очень признательны, и в свою очередь будем всегда рады продолжить сотрудничество – перевела Мышь, искренне надеясь, что получилась любезная улыбка, а не циничный ядовитый оскал, и тем более не гримаса загоняемого обратно в разрывающиеся лёгкие смеха.

Собеседники раскланялись и наконец-то пожали руки, попутно чуть не переломав друг другу пальцы. Дальше Мышкино посредничество

не требовалось, а потому она тоже встала и попрощалась, намереваясь вернуться к собственным, ещё даже не начатым делам. Но внезапно Ханс поймал её за рукав.

66

«Пойдём курить?» – зажигалка в руках и вопросительный взгляд в сторону двери.

- Я тебе покурю! – зло процедила девушка, отобрала зажигалку, и опустила к себе в карман. Затем из рюкзака достала серебристо-зеленый пакет, – а вот лекарство всё-таки выпей, как раз пора, – и, отвечая на вопросительный взгляд в сторону коробки с универсальным охладителем (мол, а с этой-то фигнёй что прикажешь делать?!”),- не знаю! Подари Штольман, может, поостынет.

Ханс болезненно скривился – не то хотел рассмеяться, но стало больно, не то вспомнил о ежедневной каторге общения с начальницей. Потом безнадёжно махнул рукой, одновременно сгребая у Мышки пакет, ссутулился, и поплёлся куда-то в сторону ближайшего санузла.

- Bravo, – неторопливо, с оттяжкой хлопая в ладоши, сообщил Йорк, когда шеф скорбно отправился выполнять медицинские процедуры.

- Ты не мог бы в другой раз сцезживать юмористический талант не на кого-нибудь, кому и так паршиво?! – возмутилась она, – хочешь, я попрошу Ханса организовать тебе выступление в комеди-шоу?

- Думаешь, с этого можно заработать? – фыркнул тот, однако в глазах блеснул огонёк заинтересованности.

- Все доходы на благотворительность, – злорадно закончила Мышь. Йорк поморщился, но тут же снова ожил, в предвкушении очередной остроты.

- Кстати, о благотворительности. Надеюсь, они не забывают доплачивать тебе полставки за работу переводчика? – Ему доставляло неизмеримое удовольствие вот так пикироваться с ней; перешучиваться о пустяках можно было бесконечно, хоть всю жизнь.

- Кончай издеваться! – вспылила девушка. – Думаешь, легко в подобных условиях общаться с людьми, да ещё так, чтобы шеф не выглядел идиотом?!

- Какая трогательная забота. – Йорк восхищённо и озабоченно цокнул

языком, и тут же внёс конструктивное предложение. – Давай уволим шефа!

- Иди ты... потому что тогда идиоткой буду выглядеть я.

- О! – обрадовался Йорк, – вот это здоровый прагматизм! Одобряю.

- Спасибо, – фыркнула Мышь, давая понять, сколь высоко она ценит августейшее одобрение суперзвезды.

- «Спасибо» я ожидал за давешний подарок, – нагло объявил Йорк.

Мышка невольно вздрогнула. Даже одно воспоминание о вчерашнем видео заставило её поёжиться от пробежавших по хребту мурашек.

67

Изящные движения, звук близкого дыхания (как будто сама слышишь, ласковые сильные руки, гладкая, нежная кожа... она смотрела. И ещё раз, и ещё пятьдесят, не обращая внимания на едкие комментарии приятелей, это было не важно, слишком сильным оказалось очарование момента. И вот теперь достаточно сделать вдох, руку протянуть, и коснёшься героя её вчерашнего вечера... Она с трудом совладала с мимикой. Мысленно отвесив себе любимой пару пощёчин, Мышка вспомнила, что перед ней, вообще-то, не романтический герой, а изрядная головная боль для всего личного состава, избалованный сверх меры мальчишка. Надо было ответить так, чтобы сбить с него спесь, и она сказала:

- За эту дивную порнуху? Спасибо. Мои мальчики оценили, – проникновенно сообщала девушка.

- Твои мальчики? А у тебя их много? – брови актёра многозначительно приподнялись.

Мышь чуть не прыснула, настолько точно Йорк изобразил изумление какого-нибудь мультяшного героя! Например бурундучка из спасательной службы, иди как их там?..

- Двое, – с трудом сохраняя серьёзность, покивала она.

Йорк замешкался с ответом. Очевидно, версия о том, что у Мышки есть друг – ему дикой не казалась. Но вот что их может быть больше, чем один... Это он, Йорк, суперзвезда, и ему всё можно. Ему по имиджу, по должности, вроде как положено. Но Мышка... Что-то тут не сходилось, два любовника – допустим, один побогаче, другой – поинтереснее, это ну уж совсем не в её стиле. Значит, что-то здесь не

чисто.

Актёр уселся на угол стола, и наклонился, пристально заглядывая девушке в глаза. Синий, колкий, пронзительный взгляд. На секунду Мышь вспомнила этот же взгляд в кино, только на экране он таил страсть, жажду и обещание, а сейчас... Между лопатками снова неощутимой дрожью прыснули едва заметные электрические искры. Мышь захотела передернуть плечами, чтобы прогнать наваждение, и внезапно осознала, что стоит перед Йорком уже минуту, и не шевелится, загипнотизированная, замороженная этим взглядом, запахом кожи и дорогого, снобского парфюма... но тут низкий, слегка ироничный голос вывел её из ступора:

- Значит, говоришь, тебе не понравилось?

- Ну что ты, – она поспешно вскинула голову и принялась рассматривать офисную люстру,. Люстра слегка покачивалась в такт неровному дыханию девушки. – Было очень мило.

- Жаль, – совершенно без сожаления протянул он, – ну, тогда позволь удивить тебя чем-нибудь ещё.

И он медленно, медленно наклонился, легко, как будто бабочка коснулась крылом, придержал её подбородок; Мышь совершенно растерялась, ноздри затрепетали от тонкого запаха его одеколона. Было так странно наблюдать лицо с картинки на расстоянии нескольких сантиметров – опыт, не доступный большинству из тех, кого он интересуется, а потом...

68

- Ап! – внезапный щелчок пальцами в непосредственной близости от носа вывел её из ступора, Мышь ошалело сморгнула и, отступив назад, сфокусировала взгляд на Йорке, пытаясь поймать за хвост одну из вертевшихся ужами версий на тему «что это было».

Последние слова она произнесла, оказывается, вслух, потому что Йорк расплылся в довольной усмешке, и жестом профессионального фокусника извлёк у неё из-за уха ранее конфискованную девушкой у шефа зажигалку.

- Это не ваше?

Мышь нервно хихикнула:

- Прежде чем стать звездой экрана, ты подвизался по кабакам,

демонстрируя дешевые фокусы? Или просто был скромным рыночным карманником?

- Ничего себе, – обиделся Йорк, – да ты хоть знаешь, как это трудно без постоянных тренировок?

- Ну, хоть что-то тебе не удаётся с первого раза, – буркнула она под нос, но фокусник расслышал.

- Между прочим, всё получилось!

Мышь покивала. В своё время, ещё в колледже, но уже после “увлечения пирамидами”, ей случилось за компанию с не самой умной подружкой забрести на ярмарку. Официально она носила гордое звание воскресной, на самом же деле была попросту цыганской. Подруге срочно потребовалось погадать у очаровавшей её точностью прогнозов гадалки. Мышь пошла просто так, чтобы развеяться и поглазеть на мир.

В разбитую палатку (едва ли не шатёр) прославленной гадалки она постеснялась даже заглядывать, осталась ждать подругу на выходе. За что и поплатилась. За отпущенные подруге полчаса времени, Мышь дважды пытались снять, и раз пять подходили с вопросом, не она ли принесла свежий хлеб. Она каждый раз кивала в сторону кондитерской, находившейся за углом – даже сюда долетал аппетитный сдобный запах. Что любопытных интересуют не багеты и булки, а другие... вещества, до Мышки дошло несколько позже. Что и говорить, рекламу кондитерской она сделала – лучше не придумаешь!

А напротив шатра и чуть в стороне от всех стоял прилавок “напёрсточника”. Даже в самом раннем детстве родители предупреждали её строго-настрого – шагу близко не ступать к этим жуликам. Теперь Мышь могла позволить себе запретное. Нет, не поиграть, игра её не интересовала – а просто подойти и вволю поглазеть.

Смуглый, явно с примесью испанской или итальянской крови, седой на висках напёрсточник заметил её, и как-то сразу решил не записывать в клиенты. По-приятельски кивнул, и вернулся к своим невзрачным стаканчикам.

- Кручу-верчу, запутать хочу! – Руки его двигались плавно и как будто небрежно влево-вправо, чуть выше и опять у самой столешницы. – За хорошее зрение, золотой – премия! – Вдруг танец прервался, тонкие руки – кисти пианиста или хирурга – одобительно

и выжидающе обратились к игравшему с ним пожилому интеллигенту. Мышь наобум загадала левый, ближний к себе стаканчик. Засмотревшись на руки, за стаканчиками она не следила, и даже не видела, под какой изначально клали мячик. Игравший мужчина указал на крайний справа.

Напёрсточник сначала мнимо-недоверчиво поднял правый стаканчик, потом разочарованно развёл руками, и опрокинул два остальных. Мышь не угадала тоже. Тяжёленький красный шарик обнаружился прямо посередине между пустыми жестянками. Всё тем же лаконичным жестом мошенник сгрёб со столика поставленные растяпой-игроком деньги, тот чертыхнулся, и заторопился прочь, очевидно воображая, какой нагоняй устроит ему дома жена.

Мышь удивлённо сморгнула: шарика на столе как не бывало. Может, он смахнул его вместе с монетами и измятыми купюрами? Да нет, монетки он убрал, а шарик так и лежал себе меж опрокинутых стаканчиков – крупный, заметный, видный – ещё секунду назад.

И тут – пожилой напёрсточник поманил её пальцем. Прищуренные глаза у него были хитрющие. Настолько, что Мышь испугалась и отпрянула, размышляя, не дать ли дёру. Однако бросать подругу, которую поглотили недра гадалкиного шатра, тоже не хотелось. Может, рвануть туда, внутрь? К гадалке ей почему-то тоже тошнотворно не хотелось.

69

Между тем напёрсточник повторил приглашение, на этот раз довольно приветливо кивнув. Мышь пожалала плечами: ну не съест же он её, в самом деле? И, понимая, что делает глупость, шагнула навстречу низкому столику и сидящему за ним мужчине. Она не будет играть. Скажет, что у неё с собой ни копейки денег, вот и всё.

Однако, мужчина и не думал даже приглашать её за игорный стол. Увидев, как она приближается, он уставился куда-то в сторону линии горизонта, будто обознался, и ошибка эта оказалась ему неприятна. Мышь обиделась, и собралась было пройти мимо, сделать круг по площади и вернуться к месту встречи у шатра, но тут ладони её коснулось что-то сухое и очень горячее. Это напёрсточник легонько тронул её за руку.

Мышь хотела возмутиться. Вскрикнуть, поднять шум... Но не успела – ловкач оказался проворнее.

- Девушка, – вкрадчиво поинтересовался он, – а вот, в нагрудном кармане, это у вас – что?

Повинуясь почти искреннему изумлению в голосе мужчины, девушка воззрилась на карман собственной курточки, и правда как-то подозрительно оттопыренный. Дрожащими пальцами расстегнула тугую пуговицу – та подалась не сразу, пальцы были неловкие.

- Откуда?.. – начала она, когда в ладонь скатился густо-красный шарик, который минуту назад порхал из стаканчика в стаканчик. Шарик оказался довольно тяжелым и матовым на ощупь. – Вот это да! Как же он там... как же вы его...

Фокусник рассмеялся, кажется, польщённый её неподдельным изумлением.

Когда подруга вышла из шатра гадалки, осенённая мудростью и окрылённая открывшимися перспективами грядущего, то обомлела и даже как-то слегка обиделась. Мышка, скромная и, прямо сказать, не самая общительная среди их приятелей, томно подперев плечом фонарный столб, запросто болтала с каким-то уличным факиром...

- Ну, ладно, – великодушно согласилась Мышь, – однако, у каждого фокуса должен быть апофеоз, иначе трюк не закончен. Неким таинственным образом монетка должна оказаться в кармане отдавшего, ты не находишь?

Йорк задумчиво покрутил в пальцах зажигалку.

- Так уж и быть, – царственным тоном сообщил он, – будет тебе апофеоз. А ты мне за это будешь должна... совместный ужин.

70

- Ещё чего! – откровенно возмутилась Мышь, от души пораженная нелепостью подобного предположения.

- Так не честно. Я тут из кожи вон лезу, чтобы тебя развлечь, а ты вертишь носом, как ребенок, которого пытаются накормить рыбьим жиром! – Это было до того похоже на одну из её собственных отповедей, что девушке пришлось сморгнуть, прогоняя странное ощущение будто её отчитало отражение в зеркале.

- Да ладно тебе, – Мышь рассмеялась, чтобы отвлечься, в очередной раз представив себе Йорка лет четырёх в слюнявчике, – Ханса ты всё равно не надуришь, – а про себя добавила, что вряд ли шеф, как

романтичная девушка, поведётся на гипнотическую силу его взгляда.

- Ха! Спорим, – нахально заявил Йорк.

- На что? – загорелась Мышь.

- Если я впарю твоему ненаглядному зажигалку за две минуты, и так, что он не заметит – ты идёшь со мной в ресторан. А если нет – с меня причитается пропуск в самый модный, элитарный и закрытый клуб. Ну как?

- Ерунда получается: вне зависимости от исхода спора я с тобой куда-нибудь иду. Ты не считаешь, что это не честно?

- Ладно, тогда давай на желание, – легко капитулировал тот, – одно твоё слово, и я ещё раз умою Ингу в фонтане. Годится?

Мышь помедлила. Желание у неё имелось. Правда вредная Штольман вряд ли пошла бы на встречу, разрешив ей внеплановый выходной во время выездных съёмок – разве что её попросит Йорк. С другой стороны, ещё вопрос, что может загадать в случае выигрыша бесподобный герр актёр... но времени на размышления уже не было.

- Давай, – она хлопнула по раскрытой узкой ладони, мстительно постаравшись посильнее припечатать пальцы, – две минуты, время пошло.

Йорк просиял. Зажав зажигалку в кулаке, он пулей вылетел из кабинета. Мышь посмотрела на часы.

Подождав для верности минуты три, она отправилась на поиски начальника. Он обнаружился в просторной корпоративной кухне, и был занят исключительно важным делом: преодолевая отвращение, он тцился проглотить оставшееся на дне кружки лекарство.

- Что, такая гадость? – сочувственно спросила она.

- Да не то чтобы. Мятное. Но вот осадок, – еле слышно пожаловался тот, и направился к раковине, очевидно, чтобы вылить последнюю порцию пользы.

- Э, нет, – запротестовала Мышь, – допей до дна. А потом, можешь смело покурить, ты это честно заслужил.

Ханс хмыкнул, залпом допил белесый тёплый кисель, гадливо скривился и, подхватив Мышь под локоть, рванул к ближайшей лестнице, где стояла пепельница.

Еще на ходу Мышь распотрошила пачку и достала тонкую сигарету, демонстративно пошарила в карманах... ничего не подозревающий Ханс автоматически сунул руку в собственный карман, и извлёк зажигалку – тот самый предмет спора, монетку, вернувшуюся к обладателю. Мышка недоверчиво воззрилась на огонёк, удостоверилась в подлинности, и закурила. Высунувшийся на лестничную клетку Йорк ничего не сказал: победоносно подвигал бровями и исчез прежде, чем менеджер придумала достаточно ядовитую реплику. Вечер обещал быть долгим.

Дорогие читатели! События приближаются к своему апогею! Пожалуйста, не забывайте оставить комментарий, если судьба героев вам небезразлична! Это очень поддержит автора в трудную минуту! Всем добра =)))

71

Ровно без четверти шесть, когда она уже всерьёз начала надеяться, что легкомысленный актёр забыл об утреннем пари, и нудный ужин, где придётся вспоминать, какая по счёту вилка – для салата – откладывается на неопределенное время, в кабинет поскреблась безукоризненная секретарша и сообщила, что машина ждёт внизу. Мстительно просидев над бумагами ещё минут десять, но даже не пытаясь вникнуть в суть написанного, Мышь застегнула спортивную куртку неподражаемого болотного цвета, и отправилась вниз. Как по заказу, карманы у курточки были слегка оттянуты, а правый манжет изрядно затёрся. Ну что же, герр Энберг, вы хотели экзотического общества простых смертных? Будет вам экзотика!

Возле парадного входа блестел лаковыми боками лимузин. Смутно знакомый водитель (кажется, Мышь сама его нанимала перед началом съёмок) безукоризненно невозмутимо открыл перед ней дверцу.

- Вы соответствуете своим квалификациям, – пробормотала менеджер.

- Благодарю,- вежливо улыбнулся тот. Мышь села в машину.

Салон был отделан в духе “кошмар прагматика”. Тонкая светлая кожа обшивки изумительно сочеталась с розовой древесиной панелей и густо-бордовым материалом, затянувшим потолок. На полу – естественно – ковёр (ладно, коврик, но шагать по нему не первой

свежести кроссовками всё равно было чудовищным кощунством).

- Нравится? – заботливо спросил развалившийся на белом сидении Йорк. На нём был тёмно-серый костюм, галстук-бабочка и розовая (ну что за кошмарная мода!) рубашка.

- Вообще-то не очень, – как только машина тронулась с места, Мышь потеряла равновесие и рухнула на такое же сидение, – всё время боюсь что-нибудь испачкать.

Йорк извлёк из какого-то шкафчика запотевшую тёмную бутылку, и девушка испугалась, что сейчас этот выпендрёжник прольёт вино на обивку нарочно.

- Будешь шампанское? – как ни в чём не бывало, предложил тот.

- Терпеть не могу шампанское, – с чувством ответила она.

- Ну, как хочешь, – он убрал бутылку обратно, – я просто хотел сделать всё, как полагается, по правилам: лимузин, шампанское...

- Оставь это девушкам – они оценят, – совершенно искренне посоветовала Мышь.

- Да ну их, – махнул рукой актёр, – давай лучше поболтаем.

Как и ожидалось, ресторан оправдывал самые худшие страхи девушки, ибо число бокалов, тарелок, блюдец и столовых приборов выходило за все мыслимые рамки.

Справа, на небольшом возвышении, в окружении белых орхидей стоял золотистый рояль; клавиши цвета слоновой кости послушно кланялись под пальцами молодого пианиста, который выводил сложную мелодию, ощущая и продумывая каждый звук. Кисти его то замирали, будто в задумчивости, словно музыкант забыл партитуру, то вдруг срывались в лихорадочный вихрь, танец без начала и конца – и всё это негромко, прочувствованно, без нажима, чтоб не дай боже, не отвлечь гостей от приятных минут драгоценного отдыха.

- Сейчас меня отсюда выставят за неподобающий внешний вид, – не потрудившись понизить голос, мстительно сообщила Мышь.

- И через неделю этот кабак закроют за неуважение к мировой знаменитости, – так же, в голос, объявил Йорк, – ни одна бульварная газетёнка не промолчит.

- Это ты, что ли, мировая знаменитость? – фыркнула Мышь.

- А что? – расправил плечи её спутник, уже готовясь аргументировать.

Их увлекательную перепалку прервал подоспевший пожилой официант, старательно заглядывающий в глаза, только чтоб не пялиться на несуразную пару, а точнее на несуразную девушку. Кажется, дедушка с большим трудом подавил нервный тик. Их проводили к столику, Мышь недоверчиво посчитала бокалы – их было семь.

- Что будешь пить? Если не шампанское – то что?

- Выбери сам, – устало махнула она рукой, предвкушая войну со столовым серебром.

Ужин проходил в атмосфере светской непринужденности: герр Энберг умудрился нахамить всем, кто попадал в область его пагубного внимания – официанту и сомелье (в результате им принесли по тяжелой кружке пива, чему Мышь обрадовалась несказанно), местному менеджеру, который подошел поприветствовать почётногo гостя и осведомиться, всем ли довольны клиенты (нет, не всем! Уберите отсюда этот мерзкий веник... ах, это икебана, составленная приглашенным дизайнером? Всё равно уберите!), а так же молодой, фантастически красивой паре.

Последний эпизод стал для Мышки решающим: мимо их столика, в сопровождении почтительного официанта прошествовал высокий мужчина (в казавшейся вполне приличной голубой рубашке) с ещё более высокой девушкой с огненно-рыжими волосами, которые ниспадали на плечи столь нарочито-небрежно, что наводили на мысль о личном стилисте. Молодая дама держалась с отстраненным высокомерием афганской борзой на выставке облезлых болонок – пока не увидела Йорка и его спутницу.

Обаятельная улыбка, в которой девица расплылась при виде старого знакомого, перестала выглядеть натурально. Жестом отпустив своего спутника с официантом, она наклонилась, приветливо чмокнув Йорка в щёку, при этом каскад волос создал великолепное прикрытие для короткой беседы.

- Энберг, это что такое?

Под «этим», сомнений быть не могло, понималась Мышка.

- А это? – невозмутимо парировал Йорк, кивая на мужчину в голубой рубашке.

- Мой коллега, – с плохо скрываемым превосходством сообщила рыжуля, – демонстрирует одежду для ЖК. Тебя могу тоже им рекомендовать... по старой дружбе. Если, конечно, ты потянешь серьёзную работу.

- Ты лучше каблук сними, – озабоченно поцокал языком актёр, – не позорь мальчика – ему, между прочим, в этих балетках неудобно!

“Балетками” Йорк обозвал танцевальные туфли, которые и вправду увеличивали рост обладателя сантиметров на пять. Девушка тряхнула волосами и отправилась к своему кавалеру, а Мышь, вдумчиво потреблявшая уже вторую кружку пива, наконец-то дала себе волю и захихикала, от чего пивная пена полетела в стороны.

- Ты можешь объяснить мне, зачем ты это делаешь?

- Могу, – он пальцем смахнул облачко пены, прикорнувшее у неё на кончике носа, – я развлекаюсь.

- Зачем ты притащил меня сюда? – в компании с пивом и богатой культурной программой строгий тон давался с большим трудом.

- Как это зачем? Ведь должен я когда-то отдыхать? А все знают, что отдыхать надо с друзьями.

- Хорошо. А зачем ты бедную девушку так умыл? – Мышь всё ещё подхихикивала.

- Исполняю твоё желание, – с убийственной серьёзностью откликнулся Йорк.

- Я тебя об этом не просила! – вот теперь уж ей стало не до смеха. Неужели он думает, что ей приятно может быть чужое унижение? Или неприкрытое хамство? Нет, эта рыжая, конечно, тот ещё фрукт, но можно ведь было как-то по деликатнее.

- А я сам догадался, – ухмыльнулся Йорк. – Они высокомерны и тщеславны? Плюнь им на головы – ты королева!

Мышь, которую давно не задевали бредни знаменитостей, к коим она по роду работы относилась, как к ребяческой блажи, даже слегка протрезвела:

- Знаешь, что? В другой раз зови на отдых Ингу. Мне не нравится

унижать людей. И вообще, я ухожу.

73

Она отложила салфетку, в край которой успела судорожно вцепиться, оперлась пальцами о столешницу, и вознамерилась уже подняться из-за стола, неизбежно привлекая всеобщее внимание и лишив собеседника возможности любого резкого манёвра...

Йорк молниеносно подхватился со стула, успев удержать её плечи прежде, чем она встанет. Замерев над ней, он заглянул ей в глаза, и поразился: девушка чуть не плакала, хоть впору было либо возликовать от справедливости возмездия, либо залепить ему пощёчину, раз уж так не нравится находиться в обществе развязного хама. По крайней мере, все знакомые ему женщины выбрали бы один из этих вариантов. Но эта девушка – молчала, отводя взгляд, чтобы он не заметил, как кипят подступившие злые бессильные слёзы.

- Мышь, ну прости меня, пожалуйста, если что не так, – по наитию, взмолился он как ребенок, нашкодивший и привыкший к всепрощению. – Ну останься! Я буду хорошим, правда!

Что-то случилось – минутное помутнение рассудка, или вдохновение, навеянное алкоголем – она не успела ничего сказать: Йорк наклонился и поцеловал её. Трепетно, даже благоговейно – поцелуй для детской сказки – первый, и он же единственный, в котором надо сказать всё самое важное, от души.

Час назад Мышь отвесила бы ему пощёчину, да такую, что можно было бы привлечь к суду за дебош. Но сейчас всё казалось правильным, волшебным, гармоничным: она – королева всех этих безмозглых крутильщиц задницами на трёхдюймовых каблуках и их холёных почитателей в танцевальных туфлях. В растянутой кофте, в потёртых джинсах, в дешевых кроссовках – она королева, и у неё есть Прекрасный Принц, который её целует. А как же иначе? Целует, закрыв глаза, опущенные длинными тёмными ресницами; ласково согревает губами её губы, лёгкими ладонями скользит по плечам, задевает пальцами туго заплетенные косички...

- Пойдём отсюда, – прошептал Йорк, нашарил в кармане и бросил на стол пару крупных купюр, – пойдём.

Они удалились в обнимку, под ошалелое молчание публики и даже музыкант за золотистым роялем играл, кажется, тише, забывая кланяться клавишам в ответ на звук. Пиво в кружках осталось

недопитым. Официант чуть не споткнулся, неся на покрытом белоснежной скатертью подносе горячее...

74

Они были на набережной, где молодежь катается на скейтах, и какая-то веселая компания в чёрных куртках и звенящих цепях запускала петарды, и болтали о всякой ерунде. А потом целовались у кованого парапета. Потом пили пиво в дешевом баре на углу, у входа в который лимузин казался неудачной шуткой, и Мышке пришлось расплачиваться, потому что там не принимали кредитки.

Потом Йорк снял пиджак и сорвал с шеи бабочку, скомкал, бросил в машину и послал шофёра в задницу. И куда-то ещё – Мышь не слышала, ей было весело.

Они целовались в такси и, кажется, в самом центре города, бросив в подсвеченный фонтан монетку и одну из Мышкиных серёжек – на память, и в холле шикарного отеля возле лаковой стойки ресепшена.

В номере они сразу погасили свет. Кровать была огромная, с атласными простынями, на которых так приятно по-кошачьи растянуться во весь рост.

В первую секунду Мышь растерялась. Видимо, надо было говорить, как-то... описать своё странное ощущение от всего происходящего. Сказать хоть что-то. И Мышь – сказала:

- Терпеть не могу мужчин, которые в состоянии напаялить на себя розовую рубашку.

Йорк не обиделся и не удивился.

- Да? – отстранённо, почти равнодушно переспросил он, двумя пальцами правой руки поддёргивая вверх левый рукав. – Так сейчас модно. Я думал, тебе понравится.

- Не нравится.

- Это прекрасно. Ты даже представить себе не можешь, как это здорово. Иди сюда.

Она подошла. Несколько томительно долгих секунд стояла рядом, не поднимая глаз. А потом доверчиво прижалась, спрятав лицо. Йорк заключил её в объятия. Сильные руки обхватили её и замерли, сохраняя это мгновение, запоминая его навечно. Но вот эти руки пришли в движение, проводя по её спине и плечам, сменяя байковую

курточку.

Мышь сама не успела заметить, как подчинилась завораживающему ритму – она неуверенно гладила плечи, предплечья, снова плечи и грудь, ощущая сквозь гладкую, прохладную на ощупь ткань рубашки, как бьётся его сердце.

75

- Сними, – неразборчивый шепот; он не торопясь расплетал её взъерошенные косички, – да сними же её, наконец! – он сам положил её ладонь на ворот, и пока она искала пальцами пуговицы, рванул ткань в сторону.

Верхние пуговицы уцелели, выскочив из петель, остальные поскакали куда-то в темноту и бархатную мягкость ковра. Её кофта с оттянутыми карманами полетела следом. Там, в бархатной темноте, мир просто не существовал. Они двое – вот и всё, что осталось сейчас на свете.

Сквозь хлопок рубашки Йорк ощущал тепло её тела. Она была удивительно домашней: ни толики наигранной страсти, но доверие и неуверенность, а вместе с ней – тонкая веселость, запас хорошего настроения, благословение...

- Иди ко мне, – позвал Йорк, и голос сбился. – Что ты любишь? Я терпеть не могу импровизировать.

- А придётся, – она ласково потёрлась щекой об его руку, ласковый котёнок. И кто только додумался назвать её «мышкой»?!

- Почему? Ну, скажи мне, – губы его щекотали её шею там, где волосы переходят в беззащитный мягкий пушок.

- Считаю, что я не помню, – Мышь и правда затруднилась бы объяснить, что она слишком не искушена в любовных играх, чтобы любить или не любить что-то конкретное. Ведь всё зависит от того, кто с тобой рядом? Но сейчас она не испытала даже тени смущения.

У него вырвался стон – между нетерпением и смехом. Но он почему-то знал, что она не обидится, если он будет смеяться.

- Тогда – экспериментальным путём, – он нашел губами бьющуюся на шее жилку, осторожно провёл языком, нежно задел зубами... Теперь смеялась она – мелодично, как серебристый колокольчик:

- Граф Дракула?

- Да! Тебе не убежать от меня, – и он впился в её тонкую шею медлительным, жадным поцелуем.

Она запустила руки под расстегнутую рубашку. Казалось, он весь состоит из гладко перекачивающихся мышц – необычно, но не неприятно. И было интересно исследовать его тело, смотреть как полуулыбками или секундным сжатием губ он откликается на каждое прикосновение; слышать, как сбивается дыхание, чувствовать, как учащается сердечный ритм.

Он стянул с неё футболку, намеренно не до конца, и пока она беспомощно выпутывала руки, поцеловал ямочку между ключиц и, согревая кожу дыханием, двинулся ниже.

Это вам не фотомодел ь с накачанной силиконом во все места фигурой. Настоящее, чуть худоватое, но абсолютно живое существо в объят ьях. Бесподобное, почти забытое, изумительно острое удовольствие от искренности всего происходящего.

Она так чутко отвечала на его прикосновения! Выпутавшись наконец из футболки, она немедленно запустила руку в его волосы, и жест вдруг показался властным, особенно если учесть что вторя рука недвусмысленно дёрнула ремень его брюк.

76

Он провёл ладонями по её затянутым в плотные джинсы бёдрам и выше – в этом была какая-то щемящая, подростковая романтика. А потом он стянул с неё эти джинсы, с трудом поборов желание вырвать молнию с потрохами, и окончательно потерял голову.

Откинувшись на спину, он усадил её сверху, любясь силуэтом, умиляясь неловкости, восторгаясь искренностью. Жаль, нет зеркала на потолке; а впрочем, вовсе не жаль. Оно было бы фальшиво, слишком пошло для этой минуты. Неужели она всё ещё смущается? Очаровательная глупость – ведь они только что друг друга раздели...

Но теперь настал момент, когда просто близости оказалось мало. Йорк уронил её обратно на кровать, обнимая, прижимаясь всем телом. Так было правильно, так было нужно.

Поцелуи его стали требовательнее, он почти не выпускал её, разве что для коротких рваных вдохов. Поцелуи в шею заставляли её выгибаться вверх, вызываяще, безумно эротично.

Йорк коснулся губами нежной кожи за ухом... девушка не

сдержалась, выдохнула со стоном. Тогда он прижал губами мочку, украшенную крохотной колючей серёжкой, долго, сильно, почти болезненно... и потом отпустил. И прижал снова. Эта игра могла длиться бесконечно.

Он пробежал пальцами по её груди, задел мгновенно напрягшийся сосок. И вдруг пальцы его показались ему слишком грубыми, слишком шершавыми, чтобы касаться такой тонкой, нежной кожи. Может быть, он забыл, что на свете бывают такие девушки? Нежные, трепетные, настоящие? А может, он никогда этого и не знал?

В эту секунду пальцы Мышки нежно скользнули по его руке – от плеча вниз, и вверх, по напрягшимся мышцам. Он понял намёк, и перестал беспокоиться о пустяках. Нежными движениями он ласкал её грудь, потом отстранялся, шутливо дул на разгоряченную плоть, и кожа девушки мгновенно покрывалась мурашками. Он целовывал их по одной, губами отогревая, обещая, умоляя...

Она подчинялась легко, раскрепощенно, без вычурной наигранной страсти... впрочем, подчинялась ли? Трепещущая под его касаниями девушка скорее угадывала его малейшие побуждения. Она сама прижималась теснее, когда этого хотелось. Сама чуть отстранялась, давая ему простор для действий. Сама игриво провела ладонью по его мгновенно подтянувшемуся, как у хищника перед броском, животу, и вниз, вниз, туда где было уже нестерпимо, мучительно горячо.

77

Отведённое в сторону колено, тонкие пальцы, вцепившиеся в мускулистые предплечья – почти отчаянно. Напряжение в первую секунду, блаженная расслабленность, и сразу за ней – завораживающий, всё нарастающий ритм. Сильно и глубоко. Затем быстрее, судорожнее. И снова мучительно долгая пауза, в которой только рваное дыхание, без слов, без недомолвок. И снова...

Где-то на другом конце обитаемой Вселенной, за зашторенными бархатом окнами, рассвет холодил восточный горизонт.

Она забывала перехватывать дыхание между поцелуями. На улице ветер самозабвенно гонял по проезжей части обрывки вчерашних газет, но Йорк не помнил, что на свете бывает ветер.

Девушка в его объятиях была проще и сложнее всего мира. Её пальцы с оттяжкой провели по его спине, и он выгнулся навстречу, пропуская

по телу мучительно сладкую судорогу. Он закрыл глаза, и в душе звучал детский восторженно-радостный смех. Он хотел об этом сказать, но не знал слов. А потом её ответный тёплый, едва слышимый стон с головой накрыл его мягким одеялом. Больше он ничего не соображал, не помнил и не понимал. И не хотел понимать и помнить.

В разреженной предутренней темноте она лежала, приподнявшись на локте и смотрела на спящего Йорка. Было легко и спокойно: ни сомнений, ни лишних мыслей, только счастливая опустошенность. Всё правильно, всё здорово, просто и свободно.

Лежавший рядом парень казался безмятежным и беззащитным. Сейчас, без масок, без постоянной смены образов, он выглядел моложе, чем обычно. Двадцать два года – уже не подросток, ещё не мужчина...

Когда она проснулась, Йорка рядом не было.

...а вечером того дня у меня было свидание. Трогательная девочка, бесталанная совершенно, и романтическая соответственно. Обнялись мы с ней в закуточке, болтаем какую-то ерунду; там кулиса сложенная лежала, ну, я помог девушке сесть... а там темно было – она промахнулась. И своей прекрасной попой... что ты смеешься?! Между прочим, там не до смеха было! – своей прекрасной попой прямо на мой давешний гвоздь. Все в панике, джинсы порвали, кровь течёт, она плачет, я не знаю, куда бежать – за врачом, или за психиатрами – выдрать из пола этот злосчастный гвоздь, чтобы ни дай бог никто не догадался. И тут идёт мимо вахтёр. Уже пьяный, а потому добрый до чрезмерности. «Вот, – говорит, – предупреждал же я тебя, – не вбивай гвоздей, не вбивай...» И ушел. Моя красавица даже плакать перестала. Смотрю – на лице осознание нарисовалось... в общем, накрылся мой роман... чем такие вещи накрываются? Ну, медным тазом скажем, для приличия. Ещё и фонарь под глазом мне поставила. Откуда только силы взялись?

78

Глава 9.

А я тоже, между прочим, не ангел. Ставили мы Гоцци «Король Олень», а я – нет, не угадала, не главный герой, а напротив – гнусный злодей. А с главным героем у нас накладка небольшая вышла – в

общем, не любили друг друга страшно. За что не любили? Ну, тебе какая разница – его много кто не любил – за то, что фаворит у местного режиссера, и зазнавшийся бездарь – да, да, прямо, как я. Но он, в отличие от меня, бессовестно своим положением пользовался, и житья от этого не было никакого. Однажды мы всем составом репетицию прогуливали – влюбленная парочка из наших год вместе прожила – отмечали; хотели сказать, что в расписании накладка, и мы не в курсе дел. А зараза эта, ну, главный герой, взял и заложил нас. В общем, на орехи получили – аж театр зашатался. И до того мне стало обидно, и ребят жалко, что им праздник испортили... в общем, собрались с парнями которые в спектакле играли, и решили супостату роль запороть – чтоб неповадно было. А конкретно – на генпрогоне ему что-нибудь тяжелое из бутафории на ногу уронить. От души – чтобы играть пришлось, хромая.

Прозрачная лёгкость мыслей и чёткое осознание всего, что произошло, были, кажется, хуже любого, самого тяжелого похмелья. Мышь села на кровати. Прикосновение атласа к обнаженному телу подбодрило и без того внятные воспоминания.

Молодец. Браво, Мышка! Ну и наприключалась на свою голову! Налицо была сказка про Золушку в самом своём натуральном и неприглядном виде. Пробили часы, карета, как и должна, превратилась в тыкву, лошади – в мышей, кучер – в крысу.

А Прекрасный Принц – не то чтобы обернулся пупырчатой лягушкой, или улетел нетопырём – всё много прозаичнее: он сбежал, не соизволив даже дожидаться её пробуждения и попрощаться. Не говоря уж об объяснениях, которых как таковых и не требовалось.

Обида подкатила к горлу тошнотворным комом, и Мышь с трудом, огромным усилием воли справилась с дурнотой.

Нашарив футболку, она стала спешно одеваться. Душ принять можно и потом – дома. Домой! Скорее из этого борделя добраться до своего угла, а там подумать, что делать дальше. Хотя, что тут думать? Вчерашняя куртка за ночь успела, оказывается, помяться, и приобрела на левом локте пятно дешевой побелки. Об какую стену в городе она могла её обтереть – Мышь не помнила.

Заплетенные косички не сделали её вид более опрятным. Мышь по привычке потянулась застелить кровать, и расплылась в самой

циничной улыбке: атласные простыни были отвратительного сиреневого цвета, брата-близнеца того, что стал фоном постельной сцены злополучного фильма.

79

Это её неожиданным образом встряхнуло. Произошедшее перестало иметь вес – это лишь отражение кино. Просто блажь увлекающейся натуры, не больше. Мстительно оставив одеяло валяться комком, она бросила поверх визитку на случай, если Йорк, по забывчивости, не расплатился, и вышла из номера.

Стоя на красной ковровой дорожке коридора, она ощутила непривычное, гадостное осознание собственного несоответствия. Зачем она здесь? Что заставило её окунуться в мир золотых часов и розовых букетов в ванной? Зачем он ей? Зачем она – этому миру? Они друг другу не подходят, не вписываются друг в друга, они друг другу чужды.

Напускная роскошь была излишней, отчасти – даже неприятной; тягостно и муторно было стоять в шикарном коридоре и чувствовать себя нищенкой, бессовестно лезущей на глаза хозяевам – просто мерзко.

Пусть катятся к чёрту! Она передёрнула плечами. Фальшивые улыбки и фальшивая любовь. Припудренные носики и замятые скандалы. Мышь припомнила дежурное рабочее выражение лица и решительно прошла в дверь «только для персонала». Здесь есть запасной выход, как и в любом отеле. Пройти через парадный холл её не заставят даже все сокровища мира.

Она села в полупустой автобус и, наконец, догадалась посмотреть на мобильник, ибо количество народа явно свидетельствовало, что час пик уже миновал.

Рабочий день начался, как оказалось, полтора часа назад. Кроме того, её ждали двенадцать неотвеченных вызовов. И все – от Ханса.

Чертыхнувшись, Мышь выскочила на следующей остановке. До телестудии всего три квартала; легче явиться к шефу – пускай на неё посмотрит и возымеет сострадание. Однако, сегодня судьба не была благосклонна: сердобольный начальник не попался ей ни у двери, ни в холле. Зато на пустой широкой лестнице, прямо при входе на нужный этаж, сидел Йорк.

Он не смотрел на неё, но с вдумчивым интересом изучал собственные ноги.

Мышь рефлекторно отшатнулась. По спине волной прокатил озноб – холодный и липкий. Не отголоски вчерашней страсти, а настороженность и брезгливость к самой себе. Однако Мышь не была бы самой собой, не сумей она собраться, создавая хотя бы видимость спокойствия.

- Доброе утро, – она хотела, чтобы голос прозвучал, как обычно – сдержано и вполне благожелательно; к несчастью, попытка не удалась, и получилось на удивление жалко.

- Мышь, прости, – бесцветно, отрывисто произнёс Прекрасный Принц, – жаль, что так вышло. Я... я не хотел.

После этой пламенной речи, он встал и утопал куда-то вглубь по коридору. Ни ссутуленные плечи, ни что иное не давало намёка на раскаянье.

Менеджер сглотнула горький ком в горле. И ощутила, как хребет между лопаток неприятно щекочет капелька холодного пота. Добраться к шефу. Должно быть, там что-то серьёзное, если он двенадцать раз звонил. Хорошая рабочая проблема – это именно то, что ей нужно!

В кабинете было на удивление тихо. Мышь даже усомнилась, на месте ли Ханс. Но он был там – сидел, на редкость серьёзный, над какими-то бумагами, и курил прямо в комнате, что было строго запрещено правилами пожарной безопасности и госпожой режиссером лично.

Заметив её, Ханс поднял взгляд и уставился на Мышку, будто не веря, что это она, живая и невредимая стоит перед ним. Молчание затягивалось.

- Что? – Мышь прокрутила пяток вариантов, способных так выбить шефа из колеи. Все были какие-то маловероятные.

Срыв предстоящей командировки? Чушь, снимать-то всё равно придётся. Может, не дай бог, что-то дома, с сыном беда? Тогда уж Ханс не стал бы тут расслаиваться и смотреть на неё совиными глазами. Опять какой-то скандал? Папарацци? Воры? Поклонницы взяли штурмом мужской туалет? Уж не из-за её же опоздания он изображает тут этот молчаливый драматический этюд?

- Эй, да что случилось-то? – она уже успела испугаться за шефа настолько, что собственные беды почти вылетели у девушки из головы, и голос вышел вполне по-человечески сочувственным.

- Вот, – прохрипел Ханс, помахивая в воздухе тонким листочком. Мышь подошла и, отобрав документ, прочитала.

Это был приказ на её увольнение.

80

Некоторое время она стояла, тупо открывая и закрывая рот, как рыба, вытащенная из воды, и совершенно не знала, что сказать. Со стороны зрелище было забавней некуда: охрипший шеф в полосатом шарфе, и напротив него – фрау менеджер, столь же безмолвная, с совершенно неосмысленным выражением лица. Случись где-нибудь поблизости циничный юморист Йорк Энберг, ему понадобился бы помощник, чтобы пародировать эту сцену.

Усилием воли Мышь заставила стены не шататься, а пол – не пытаться ускользнуть из-под ставших ватными ног. Бумага в руках снабжена была двумя печатями и несколькими подписями; увольняли по форме сокращения штата.

- Ясно, – деревянным голосом выдала она. Потому что больше сказать было нечего. Слова, липкие и вялые, как недоваренные макароны, упорно не шли на язык.

А ведь надо, наверное, было спорить. Закатить истерику, скандал, потребовать объяснений, пообещать подать в суд... Интересно, что ей могли бы инкриминировать на суде? Аморальное поведение в процессе исполнения должностных обязанностей? Конечно, сами-то они все святые...

- А мне ничего не ясно, – изо всех сил прохрипел Ханс, и даже прихлопнул ладонью по полированной столешнице, – что ты натворила?! А, Мышь? Ну, скажи что-нибудь...

- Ничего, – невпопад отозвалась девушка, – ничего.

Паспорт – с собой, пропуск на проходной отнимут; осталось только зайти в бухгалтерию, получить причитающиеся оклады. Она беспомощно пожала плечами, потом улыбнулась – ободряюще – шефу. В этой улыбке и в открытом взгляде было много больше, чем можно было высказать словами: " Спасибо, Ханс. Благодарю тебя за то, что работать с тобой было невероятно сложно, и чертовски

интересно. За помощь и поддержку, когда я в этом остро нуждалась; за твои косяки, которые так смешно было исправлять. За дружеское плечо, всегда вовремя подставленное, если я споткнусь на тернистой дороге студийной карьеры. Но теперь, всё. И прости меня за доставленные неудобства”. Она уже почти открыла рот, чтобы сказать хоть часть из этого, но дыхание вдруг перехватило, непролитые слёзы мешали сделать вдох.

- Удачи тебе, – с трудом выговорила она, сверкнув увлажнившимися глазами. Поскорей отвернулась, и вышла, по привычке тихонько притворив за собой створку.

Дверь бухгалтерии была наглухо закрыта.

«Ну и шут с ними. Всё равно на отпуск бы не хватило!» Мышь безразлично хлопнула пропуском по столу знакомого охранника. Тот от удивления чуть не потерял форменную фуражку с потного лысого лба:

- Эй, ты чего?!

- До свиданья, – улыбнулась девушка. Она уже вполне справилась с собой. Охранник ничего ей не сделал, он простой и хороший – так почему бы ему не улыбнуться?

Ноги сами понесли её через сквер. Казалось, вот-вот, и на бортике фонтана она разглядит знакомый точёный силуэт, и будет повод присесть на тёплый гранит, подставляя спину прохладным брызгам... а потом он запустит руку в фонтан, и плюнет холодной струёй брызг, поливая её и себя, и всех обидчиков, и весь окрестный мир заодно...

Когда это было? Месяц назад? Неделю? А кажется, будто прошло с тех пор много лет, почти целая жизнь.

На бортике вдохновенно целовалась какая-то парочка, не отвлекаясь на такие мелочи, как её, Мышки, присутствие.

Для приличия отойдя метра на три по периметру, Мышь подставила ладони под ледяную струю и умылась, снимая оцепенение и выступивший двадцать минут назад холодный пот. Вода пахла хлоркой и тиной. Всё было в порядке. Очередной неудачный роман – конечно не конец света.

Работа? А что работа. С этой стервой-режиссером – да она лучше в офис пойдёт секретарём-референтом, её возьмут.

Она расстегнула мятую куртку, сквозь тонкую футболку всей кожей почувствовав свежесть от фонтана. Всё в порядке. Ничего не случилось, и пора идти домой.

Это решает многие проблемы. Стоит только вспомнить, как летела она, не глядя ни под ноги, ни на проносящиеся мимо, отчаянно сигналившие машины, после окончания истории с Иданом. Окончания закономерного, если посудить, однако от этого было не легче...

81

Почему-то именно сейчас, остро и ярко, как вспышка фотокамеры, вспомнилось, как в тот раз прямо на неё, с диким гудением и свистом-скрипом бессильных при таком разгоне тормозов, выскочил прямо из-за угла огромный, лаково блестящий красной мордой, грузовик.

И как она мгновенно ощутила жизнь – всей кожей, каждой клеточкой, каждым невидимым волоском, и как эта жизнь обрушилась на неё – оглушительная, полноводная, прекрасная, исполненная запахов, звуков... и почти оборвалась – когда Мышь судорожным, невозможным движением, отшатнулась, терзая мышцы, отбрасывая собственное тело назад, на жесткий и не слишком-то чистый тротуар. Грузовик пронёсся мимо, а Мышь стремглав бросилась “домой”, в куцую комнатку общежития, уже поглядывая, впрочем, по сторонам.

Дома она первым делом скинула футболку и зашвырнула в угол. В ванной обнаружился ровно один шампунь – ментоловый, спёртый на прошлой неделе у ребят. Это навело её на очень верную мысль, и быстро приведя себя в относительный порядок, она оделась в чистую футболку и белые, драные на коленях джинсы, накинула на плечи сухое полотенце, и отправилась в гости к соседям.

Был примерно час дня. В это время Герман, конечно, на работе. Но ей не нужен был Герман, который – к гадалке не ходи – разнервничается и, как пить дать, полетит выяснять отношения. Зато дома Крис – он уже проснулся, но ещё не ушел на репетицию в свой кабак, который открывается в четыре.

Её звонок, видимо, был узнаваем, потому что ещё не закончилась требовательная трель, а из квартиры уже донеслось жизнерадостное:

- Заходи, не заперто!

Мышь вошла, шаркая стёртыми тапочками

- Крис, ты дома? Ты где?

- Здесь, – донеслось приглушенно. – Проходи в гостиную, я сейчас.

У друзей было, как всегда хорошо. В меру прибрано – это ведь квартира, а не музей, люди здесь живут. Пахло остывшим кофе, мужским парфюмом и чем-то ещё, знакомым, привычным, но неопределимым.

Она уселась на мягкий кожаный диван и попыталась принять максимально независимый вид, когда откуда-то из недр квартиры (видимо из ванной) вылез Крис – во всём своём долговязом великолепии, в распахнутом халате, в полотенце на бёдрах, и мокрый, как цыплёнок после дождя.

- Великолепно, – увидев подругу в таком же затрапезном виде, расхохотался он, – а я давно говорил, что нам пора бы жить вместе.

- И прослыть развеселой шведской семьёй? – хихикнула Мышка. – Я пас. Увольте.

Крис с сомнением осмотрел её с головы до ног, кажется, даже принюхался, потом пристально взгляделся в лицо:

- Так. Что случилось?

Девушка посмотрела на него долгим страдальческим взглядом: мол, ну что ты хочешь, зачем заставляешь каяться, мне и так уже плохо! С другой стороны, именно чтобы покаяться, излить душу, она и пришла, оба это прекрасно понимали. А начинать, как всегда, совершенно не хотелось. Это как визит к зубному – сначала откладываешь, сколько можешь, а потом терпишь – быстрее бы закончилось.

- Э-э. У тебя пиво есть? – раз уж предстоит выкорчёвывать больной зуб, то хоть анестезию-то применить можно?

Крис молча поднялся, прошлёпал босыми ногами на кухню и принёс две банки холодного светлого пива, галантно открыл одну, и обе подвинул ей.

- Я не буду, – пожал он плечами, поймав вопросительный взгляд, – у меня же ещё совсем утро.

Мышь не возражала, и надолго уткнулась носом прямо в банку, не

спрашивая о глупостях вроде бокала – неторопливо, маленькими глоточками, отпивая горьковатое пиво.

Крис терпеливо ждал, перекатывая в пальцах маленький плоский камушек-гальку. Насколько Мышь успела его изучить, сей немудрёный предмет служил музыканту чем-то вроде чётки и пилочки для ногтей одновременно.

- В общем, так, – решительно сказала она, – я тебе сейчас всё расскажу. А потом мы вместе подумаем и решим, что скажем Герману.

82

Крис вдумчиво кивнул, и молча приготовился слушать, галька перестала мельтешить в пальцах, намертво зажатая в кулаке.

Через час пиво кончилось, и был составлен вполне приемлемый план действий. А точнее, примерный план пересказа последних событий для вспыльчивого друга, в соответствии с которым выходило, что участники в полном составе – разумные, уравновешенные люди, а всё произошедшее – как и Мышкино увольнение – результат неприятного стечения обстоятельств и некорректного поведения начальства, что является, безусловно, ощутимой неприятностью, но немедленных действий, шума и убиения виновных вроде бы не требует.

Крис проводил подругу наверх, потом вернулся в свою гостиную и задумчиво покрутил в руках пустую пивную банку. Сел, взъерошив подсыхающие волосы пятернёй, потом потянулся к телефону и сообщил, что задержится на репетицию. Извлёк из позабытой пачки тонкую ментоловую сигарету и закурил.

Очаровательная личность этот Энберг. Привлёк, заманил, в друзья набился, а потом – уже поздно, попалась мышка. Только что-то не давало покоя: какая-то деталь мешала законченности образа мерзавца.

Крису случалось общаться с актёрами; в массе своей они зануды и снобы, высокомерно проявляющие равнодушие к потребностям других людей (да и к существованию оных в целом). Зачем такому красавцу увиваться за девушкой, ничем не примечательной, макать в фонтан покровительницу, да ещё и делать такую постную мину поутру после страстной ночи? Не стыдно же ему стало, в самом деле?

Тут, как ни крути, не хватало данных, чтобы понять, чего он хочет, и

почему повёл себя, как полная скотина. Разумнее всего было, конечно же, оставить всё как есть. Устроить Аду на работу, ну и найти ей, наконец уже, достойного спутника. Не всем везёт с любовью. Очень много людей по всему свету встречаются, целуются и живут просто с теми, кто им комфортен. Подходит, как зубная щётка, как мебель в кухне. И это – нормально, и люди так – вполне счастливы, по крайней мере, довольны жизнью. С другой стороны – а как поступала она сама, только мельком узнав, что с друзьями что-то приключилось?

Когда пришел Герман, удивленный, и немало обрадованный тем, что Крис дождался его перед уходом на работу, мыслитель помялся, сопоставляя дружеский долг с безнравственностью... и рассказал ему всё.

Ярость Германа была убийственной и тихой.

- И это всё? – спросил он, и Крис зябко передёрнул плечами: в таком состоянии видеть любимого ему ещё не приходилось. Исподволь напоздало ощущение, что он хватил лишку, и надо было подать материал последних событий как-нибудь – э-э, помягче, точнее, где-нибудь капитально наврать, чтобы избежать нервного срыва. Он перевёл дыхание. Вранья совсем не хотелось, и потом, Герман не дурак, чтобы поверить в сказочку о том что “так случайно получилось”. Крис вздохнул:

- Ну, в общем, да, – он сделал выразительную, многозначительную паузу, заставив-таки взбешенного собеседника обратить на него хоть ещё хоть каплю внимания. – Если не считать того, что девушка против радикальных мер, и настоятельно просила тебя... не кипятиться.

- Хорошо, – с убийственной покладистостью вскинув брови, отвечал Герман, – не буду кипятиться, и ранний инфаркт не лишит вас моего назойливого общества.

На скулах его зло ходили желваки.

Не ранний инфаркт, но кое-чьи поломанные рёбра явно маячили в ближайшем будущем, даже хрустального шара не надо, чтобы разглядеть. Впрочем, Крис никогда не ходил по гадалкам.

- Давай подумаем вместе, – сделал он новый захват, стараясь разговаривать приятеля, и снять тем самым остроту напряжения.

- А я, представь, уже подумал, – всё тем же чужим, холодным

голосом сообщил собеседник. И без перехода поинтересовался, – Ты будешь обедать?

- Нет, – растерянный парень серьёзно задумался, а не зря ли он затеял эту канитель, – убегаю на работу. Или хочешь – позвоню Шульцу, и он меня заменит? Сходим куда-нибудь.

- Нет-нет, – усилием воли Герман расправил залегшую между бровей складку, понимая, что если не сыграть сейчас в доброго дяденьку, то друг от него не отцепится, – я лучше посижу... один. Мне надо остыть.

- Это точно! – пробормотал Кристиан. С одной стороны, всё сложилось удачно, вроде бы, Герман не летит никуда сводить счёты. Что, вообще-то удивительно, если он хоть сколько-то знает Германа. С другой стороны, у него было чёткое ощущение, что от собеседника искрило.

Дождавшись, пока за доносчиком закроется дверь, Герман налил на два пальца коньяка и опустошил бокал одним глотком. Потом сгрёб в горсть ключи от любимого “Volvo” и вприпрыжку понёсся по ступеням вниз.

83

В это время обидчик честных девушек проводил время самым, что ни на есть, очаровательным образом: а именно, имел пренеприятный разговор с фрау Штольман.

- С тобой носились как с избалованным ребенком! Тебя учили, тебе всё подносили на блюдечке. – Фрау режиссер курсировала по просторной гримёрной, как тигрица в тесной клетке. – И конечно, тебе и в голову не приходит подумать обо всех, кто в тебя вкладывает силы, когда ты затеваешь очередную пакость, Йорк. – Она скривилась. Очень выразительно, натурально. – А это – пакость! Ведь ты специально это сделал, чтобы меня позлить.

Йорк сделал вялый жест рукой, означавший одновременно “Как скажешь, пусть будет именно так” и “Отвяжись, без тебя тошно!”

- А разве нет?! Ты не подумал, во что выльется твоё головотяпство? А эта дрянь, – гримаса омерзения исказила правильные, холёные черты, – ещё осмелилась «случайно» потерять свою визитку там, где вы вместе развлекались. – Судя по сердитому сопению, это было наивысшей провинностью из всех перечисленных выше. – И что

теперь?

Актёр равнодушно пожал плечами. Ему было всё равно. Фиолетово – как говаривали они с приятелями где-то в средне-школьном возрасте. Да хоть “сиренево”, ничего уже не исправишь. И что там теперь кричит, надсаживаясь, эта женщина, значения, в сущности, не имело.

- Репортёры уже, конечно, раскрутили весь персонал, и располагают не только именем, – даже идеально уложенные локоны встали дыбом, – а описанием того позорного вида, в котором ты там шлялся! Не делай такое скорбное лицо.

Имя... именем располагают репортёры. А как, её, собственно, зовут? Вот, чёрт! Сколько их было – безымянных, безликий, бестрепетных, лежащих, да не же – утаскивающих его в постель? А вот имени этой девушки он не то что не запомнил – не знал. Не удосужился, видите ли, поинтересоваться! От приступа мгновенного, острого отвращения к себе его передёрнуло.

- Она не дрянь, – тихо, как-то через силу процедил Йорк, по остальным аспектам, видимо, возражений не имея, – Инга, послушай меня...

- Нет, это ты послушай, – прошипела она; тонкие пальцы впились в густой вихор волос на затылке актёра, запрокидывая голову, как для поцелуя. Ногти царапнули нежную кожу, – твой героический имидж – не больше чем пшик. Ты растворишься, как карамелька за щекой. Дешевая карамелька из жжёного сахара. Причём палёным уже воняет! – Штольман выдохнула, отпустила его волосы и села напротив, широко, по-мужски разведя колени, и глядя на парня в упор, продолжила совсем другим голосом – ласковым, и немного обиженным. – Ты хотел красивую карьеру, Йорк? Известности, денег, фанаток, которые только и мечтают под тебя лечь? – Йорк неопределённо скривился, повёл головой, силясь избавиться от режиссёрской пятерни на загривке, но фрау Штольман лишь сильнее сжала пальцы. – Тогда. Слушай. Умных. Людей.

В синих глазах застыло странное выражение – задумчивость смешалась с отвращением. Инга медленно наклонилась к нему, мятным дыханием скользнув по щеке.

Когда он разомкнул губы, звук был настолько тихим, что режиссер даже отстранилась недоуменно, не расслышав:

- Что?

- Сука, – чуть слышно повторил он.

Ни единой чёрточки не дрогнуло на её породистом лице:

- Никогда раньше тебя это не останавливало, – и расстегнула первую из перламутровых пуговиц шелковой блузки.

84

- У вас назначена встреча? – подозрительно спросила немолодая, опытная секретарша, обозревая всклокоченного Германа с головы до ног.

- Да, – не моргнув глазом, соврал тот, – неужели он забыл? – продолжил он с напускным удивлением.

- Простите, я ничего не могу вам сказать.

- Тогда передайте господину менеджеру, что к нему пришел Краус, Герман Краус.

Подозрение на лице секретарши сменилось сомнением: «всё может быть, мало ли что, уточню на всякий случай», аккуратный пальчик пробежал по кнопкам телефона.

«Ну, держись, паразит, если ты мужчина!..» Через минуту он получил гостевой пропуск, и, зажав в кулаке, почти бегом понёсся по лестнице.

Дверь кабинета была приглашающе распахнута. Герман не поленился прикрыть за собой тяжелую створку: разговор предстоял серьёзный, хотя Герман искренне сомневался, что он будет долгим.

- Вы – Герман, – утвердительно, тихим хрипом, сообщил Ханс, – Мышь... то есть, я имел в виду, Ада о вас много рассказывала.

Грозившую вырваться немедленно вспышку гнева пришлось подавить. Попадись ему непосредственно тот плейбой, и никакая сила не заставила бы Германа удержаться от безобразного скандала с образцово-показательным битьём морд. Одной морды. Конкретной такой, смазливой.

Но перед ним сидел вовсе не молодой нахал, герой метровых плакатов и глянцевого обложки, а его ровесник, обличенный не меньшей ответственностью. И он вовсе не производил впечатления клинического идиота. Герман мгновенно, усилием воли, остыл – он тоже никогда не был дураком.

Через десять минут конструктивного диалога он понял, что пришел не по адресу: Ханс о похождениях юного говнюка ничего не знал, и приписал внезапное увольнение любимой помощницы непосредственно ссоре с режиссером. Слушая историю, в пересказе Германа представлявшую свод сухих фактов в пяти отрывистых фразах, перемежавшихся гневными взглядами и едва сдерживаемыми плотоядными рыками, Ханс постепенно бледнел и, не замечая, комкал в кулаке какой-то ни в чём не повинный документ.

- Что ж ты, – закончив рассказ и помолчав немного, спросил Герман. Он сам толком не знал, что именно хочет спросить. Или сказать. Всё и так было сказано, всё и так было ясно, яснее дня. И в общем-то не было ничего особенного в этой истории: молодой, обуреваемый гормонами и не отягощенный мозгами смазливый хлыщ задурил светлую голову разумной и чуткой девочке. Бывает, сплошь и рядом, на каждом углу, куда ни глянь. Вот только на сей раз пострадала через простую кобелячью дурость не какая-то абстрактная девушка, будь она хоть сто раз разумной и светлой, а вот эта, конкретная, живая и настоящая. В чём-то небезразличная каждому из них.

Собеседник, не глядя, выкинул скомканный документ в угол, даже не попытавшись прицелиться в мусорную корзину:

- Пошли.

85

В дверях гримёрки они нос к носу столкнулись с молоденькой ассистенткой, как раз собиравшейся постучать в дверь.

- Брысь, – бескомпромиссно и глухо бросил Ханс. Из глаз блеснули колющие искры; девушка, тихо пискнув, испарилась. Менеджер без стука распахнул дверь; они шагнули в душноватую комнатку, словно два демона ада, чуть не столкнувшись плечами в проёме – суровые, насупленные, прямо-таки истекающие праведным гневом, алчущие возмездия и настроенные более чем решительно. Герман в последний момент догадался приотстать на полшага, пропуская Ханса вперёд, дабы не закупорить проход, и тут же изнутри задвинул в пазы хлипкую щеколду.

Йорк сидел у зеркала – в распахнутой рубашке, растрёпанный и апатичный. Поза его выражала крайнюю степень равнодушия и презрения к происходящему сейчас, и ко всему окружающему миру в целом: длинные ноги в помятых брюках вальяжно разъехались,

занимая чуть ли не полкомнаты, одна рука патетически вскинута, холёные пальцы упрутся в висок, другая – небрежно брошена на подлокотник кресла.

Германа передёрнуло: в комнате едва уловимой тёплой струйкой вился запах порока. Ему показалось, что выключили свет. Не думая, не рассуждая, он рванулся вперёд – убивать. Размазать к такой-то матери эту снобскую физиономию вот прямо по зеркалу, по полочке с бесчисленными баночками, чтоб разлетелись, звеня, и на пол, на пол... но Ханс успел первым.

Он ухватил актёра за воротник и вздёрнул на ноги.

- Ах ты, мелкая паскуда! – у него даже голос прорезался; и сразу сорвался на октаву выше.

- Ханс, ты что?! – обалдел актёр, пытаясь прикинуть, звать ли охрану, или всё же рискнуть самому попытаться унять взбесившегося менеджера.

- Это я что? – Ханс тряхнул его с такой силой, будто тот был щенком, наделавшим постыдную лужу – аж зубы клацнули. – Это я что?! Это я тебя спрошу...

Йорк попытался судорожно сообразить, что происходит, и какие у него шансы на благополучный исход всего предприятия. Идей было мало, расклады что-то не блестели. А когда тебя сильно и больно мотыляют за шиворот – вообще особо мозгами не пораскинешь.

– Вот ты вытер об девочку ноги – и что? – Ханса совершенно не заботило, что голос его звучит как ария не распевшейся оперной дивы. – Тебе мало красивых баб?! – Он резко замахнулся, и Йорк мысленно приготовился к расквашенному носу...

86

Йорк мысленно приготовился к расквашенному носу, но помощь пришла, как это изредка, но всё-таки бывает, откуда не ждёшь.

Второй, пришедший с Хансом, высокий, широкоплечий мужчина с проклёвывающейся на висках сединой ухватил драчуна за шкурку, и тот вместо хрупкого актёрского носа припечатал кулаком предплечье.

Пока менеджер произносил свою сиплую пламенную речь, Герман успел хоть малость придти в себя, и решил, что раз уж не он превратит эту ряху в доброкачественное месиво из соплей и крови, то

и вынужденному напарнику, стало быть, мараться незачем.

Йорк отскочил назад, загородившись стулом. Мысли вертелись как ежи на сковородке. Нет, как ужи! Актёр мысленно залепил себе тяжеленную затрещину, пока она не прилетела откуда-нибудь извне, и сгенерировал хоть один осмысленный вопрос:

- Это ещё кто?

Седоватый незнакомец, кажется, даже усмехнулся уголком рта. Жестко, неприятно.

- Я друг Ады.

- Кто такая Ада?! – он действительно не понял; поэтому смысл последовавшего угрожающего тихого монолога, в котором самыми приличными эпитетами, применяемыми к нему, Йорку, были «вшивый щенок» и «половая тряпка» дошел до него только через минуту. А когда дошел...

Изменившись в лице, Йорк попытался что-то сказать, но был предупредительно схвачен за ворот проповедовавшим незнакомцем. Всё так же негромко, хриловатым, но не от простуды, а по природе своей, голосом он заканчивал очередную мысль:

- И если я тебя на расстоянии пушечного выстрела от неё увижу – тебе на голову свалится кирпич. – Свободная от злополучного воротника рука помахала у Йорка перед носом, потом мизинец согнулся. – Или у твоей дорогой тачки случайно откажут тормоза. – Безымянный палец. – Или на очередных съёмках софит сорвётся с укрепления. – Ещё один. – Меня потом поймают и посадят. – Указательный палец незнакомца крайне невежливо уткнулся несчастному Йорку прямо в грудь. – Но тебе будет, мать твою, уже всё равно, это ясно? – Перед носом актёра завис хороший, качественный пудовый кулак.

Герман отпустил помятый воротник, и Йорк заметил странный жест – словно грозный дядя поборол желание вытереть руку о штаны.

- Это всё, чего ты заслуживаешь, – проскрипев абсолютно сорванными связками, сплюнул в сторону культурный Ханс.

Герман хлопнул его по плечу, едва не свалив с ног, выплескивая неистраченное напряжение; и так рванул на себя входную дверь, что отлетела задвинутая щеколда.

Они шли по коридору, по-прежнему молчаливые и хмурые как два демона преисподней, пока на очередном повороте коридора со стены на них не уставился улыбчивый постер с изображением ненавистой суперзвезды. Герман дал себе волю – и от души вмазал по глянцевой загадочно улыбающейся физиономии.

Дождавшись своей очереди, Ханс последовал хорошему примеру, ненароком пропоров в постере дыру. Там кулак встретился с какой-то жесткой частью крепежа и нещадно засаднил.

- Полегчало? – сочувственно спросил Герман, наблюдая, как тот растирает выступившую на костяшках сукровицу.

- Нет,- честно отозвался Ханс.

- Поехали, выпьем. Так сказать, за знакомство.

87

- Мышка – это нечто, – просторный бар, помещавшийся в подвальном этаже, утопал в сигаретном дыму. Несмотря на это – атмосфера была уютная, комфортная и сдержанная. Особенно радовало Ханса отсутствие извечных на рабочих посиделках полуголых развеселых девиц; напротив – даже шмыгавшие мимо официантки казались скромными, приятными в общении и вполне интеллигентными барышнями.

- Знаешь, – Герман сделал очередной глоток коньяка, – ей всегда не везло с мужиками. Вот ты сам – почему её не приглубил?!

Ханс серьёзно задумался. Качнул из стороны в сторону почти полный стаканчик, тупо глядя, как маслянистая жидкость неспешно, преисполненная самоуважения к годам заветной выдержки, скатывается по стенкам обратно вниз. Это сложно было описать: то безграничное тепло, что он чувствовал каждый раз, как рядом с ним появлялась эта внешне ничем непримечательная девушка. Тепло, но не влечение. Странные отношения – то ли взрослая дочь, то ли старшая сестра. Он опрокинул стаканчик с текилой, помедлил, выдерживая подобающую паузу, тихо выдохнул и вынес вердикт:

- Не сложилось. Мы не пара.

Крис, не так давно слезший со сцены, отрешенно барабанил пальцами по столешнице, прикидывая, что лучше: быстренько ехать домой и попроситься к предмету обсуждения в гости – чтоб не сидела одна; или просто ей позвонить, а самому остаться здесь, пока эти два

«сильных мира сего» не упились в усмерть и не решили выдать бедолагу замуж, например, за премьер-министра Зимбабве.

- Она мечтатель, – печально вздохнул Герман.

- Да-а, – горячо поддержал Ханс, – а знаешь, она ведь так хотела поехать в эту долбанную командировку, с этими долбанными съёмками...

Герман знал. Он знал о Мышке много. Они познакомились давно, когда он, свободный от всяческих личных обязательств средней руки бизнесмен, облюбовал симпатичный бар неподалёку от работы, и как раз по пути домой – удобно и приятно было заехать после тяжелого рабочего дня, пропустить пару рюмочек, немного расслабиться. Выдохнуть. Вскоре бармен стал его узнавать и приветливо здороваться. Это было приятно: не столько льстило, сколько повышало градус уюта и расслабленности состояния “как дома”. Впрочем, дома-то как раз его никто не ждал.

88

А ещё через пару визитов, к нему приставили постоянную официантку. Девушка была расторопна, в меру смешлива и на редкость понятлива. Как-то раз он, усталый вдрызг, приглашающе указал на вечно пустующий стул напротив.

- Задолбало пить в одиночестве, может, сядешь?

Она бросила вопросительный взгляд на бармена, тот величественно кивнул, разрешая передышку, раз уж постоянному клиенту так угодно.

Он не пытался с ней заигрывать. То есть, вообще-то, изначально план был именно такой, но слова не шли на язык; не подворачивались к месту ни пошлости, ни скабрёзности. Девушка, ничем не примечательная с виду, была словно выше всего этого.

Ада сидела, подперев кулачком щёку, и слушала рассказы о его нелёгких трудовых буднях, изредка подталкивая разговор уточняющими вопросами. Ещё реже – хихикала на описаниях ляпсусов бестолковых Германовых подчиненных. Зато она – улыбалась. Не загадочно, а... понимающе, что ли? И не стеснялась смотреть в глаза собеседнику. В этой улыбке не было хищного обаяния заправской светской львицы, но определённо было что-то...

Герман почти решился разгадывать эту загадку с помощью постели –

чего проще, угостить коктейлем-другим, заболтать, пригласить, покатать на машине... машина была его персональной гордостью, новенький, с иголки, только с завода “Volvo”. А там, глядишь, и станет гораздо яснее, что это за серенькая обаятельная Ада, и чего она так улыбается.

Но непоправимой, возможно, самой страшной ошибке в его жизни не суждено было случиться. Собственно, теперь Герман вообще сомневался, что план “коктейли-машина-мотель” мог в данном случае сработать; скорее – нет.

Как-то раз он умотался настолько, что перебрал лишнего. Откровенно говоря, глаза у него закрывались, и спать хотелось прямо здесь и сейчас. И всё же он, блюдя собственный, тщательно выверенный регламент, шатаясь поплёлся к машине.

Холодная, продуваемая ветром ночная парковка его немного отрезвила. За руль садиться в таком состоянии не следовало, теперь он это прекрасно понимал. Явным доказательством служил тот немудрёный факт, что он нигде не мог найти ключей от авто.

Ещё минуту промаявшись борьбой с опьянением, он сообразил, что оставил кожаный органайзер “большого босса”, с которым не расставался ни при каких обстоятельствах, прямо на столике в баре. Мысленно “похвалив и одобрив” себя распоследними словами, Герман поплёлся обратно, дав себе зарок в назидание (а также во избежание встречи с дорожной полицией) взять такси – а завтра долго и нудно с похмелья добираться до парковки при баре, чтобы воссоединиться с верной машинкой.

Дверь бара ещё не успели запереть, штатного охранника видно не было, вероятно заболтался с уборщицей в каком-нибудь укромном уголке.

...Представшая Герману картина была такой омерзительной, что до сих пор заставляла взрослого, повидавшего виды человека передёргиваться от омерзения.

89

Пухлый, грузный хозяин заведения, никогда не удосуживавшийся хотя бы помаячить для приличия за стойкой, не то чтобы самолично обслужить клиентов и посплетничать о здоровье и делах – этот вот самый прыщ зажал хрупкую официанточку Аду прямо в зале, бесстыдно, не стесняясь, что может войти уборщица или охранник,

или вот – забывчивый клиент.

Ада вырывалась. Зло и истово, до синяков пытаясь выдернуть тонкие руки из захвативших запястья массивных жадных пальцев.

Раскрасневшаяся морда хозяина маячила возле лица девушки словно в ожидании внезапного приступа взаимности. На висках выступал пот. Девушка выглядела скорее решительно, нежели испуганно. Попытки её были тщетны, но сдаваться без боя она не собиралась. Собиралась царапать ногтями, рвать волосы и брыкаться всеми частями тела.

Герман не был ни святым ни пуританином. Он много чего в жизни видел, пробовал и даже знал и любил. Но изнасилование входило в чёрный список чуть ли ни первым номером.

Может быть, алкоголь тому виной, хотя вряд ли – он мгновенно протрезвел – но обуяла его такая ярость, которой он не испытывал давно, если ему вообще случалось пережить столь яркое переживание прежде.

Он озверел. Из уважаемого, в целом весьма сдержанного человека, по большей части проповедовавшего пацифизм, он мгновенно превратился в одухотворённого мстителя в стиле боёв без правил.

Обычно Герман отворачивался даже когда на экране телевизора кого бы то ни было били ногами по лицу. Сама идея ему вовсе не нравилась. Воплощение этой идеи в жизнь ему не понравилось – тоже. Но он подумает об этом после.

А в тот момент он просто пнул-отшвырнул под стойку обмякшую бесформенную, булькающую красными пузырями тушу.

- Это хорошо, что Вы вернулись, – серьёзно, и без грамма истерики, сказала Ада.

Герман не думал, не сопоставлял свои действия с дальнейшими перспективами. Просто обнял девушку, и ободряюще похлопал по плечу. Жест скорее свойственный соратнику, поспевшему на выручку вовремя, нежели взрослому человеку, успокаивающему обиженного ребёнка.

Этот жест стал у них чем-то вроде ритуала.

С тех пор они часто и много разговаривали.

- Знаю, – печально улыбнулся, выходя из минутной задумчивости,

Герман. – Просто она никогда не была на море.

90

В это время Мышь деловито сновала по комнате. Утрированно жизнерадостная музыка на фоне стала идеальным аккомпанементом для большой уборки и радикальной стирки.

Завтра она составит резюме и сообразит, в какой сфере теперь будет искать работу. А пока – новая работа, новая жизнь – новый порядок. И, в конце концов, если раз в полгода под настроение разгрести завалы – может это и не поднимет настроения, но, по крайней мере, поможет ни о чём не думать. Она безжалостно смотала в валик и бросила в распахнутое жерло пятидесятилитрового мусорного пакета старую потёртую толстовку изысканно-болотного цвета с оттянутыми карманами и потёртым рукавом. Свёрток с безымянной видеокассетой она упокоила там ещё раньше, на самом дне – для затравки. Она не будет вспоминать. Она не станет ни о чём жалеть. Она прищёлкивала пальцами в такт группе Битлз.

От дорогого шампанского у госпожи Штольман заломило виски. Она не обращала внимания, продолжая лениво потягивать благословенную жидкость из очередного запотевшего бокала. Расслабленная, всевластная и довольная, как сытая кошка.

Йорк сидел, прислонясь спиной к прохладному мрамору, облицовывавшему стену в ванной, и вертел в пальцах тоненькую серебряную серёжку. Можно было зарыдать, закатить истерику, или скандал. Или шабаш, с вином и девочками: творческие люди эмоциональны. Он чувствовал себя абсолютно пустым. Помнится в детстве, когда ему влетало за какую-нибудь крупную шалость, он убегал вот так же, в тёмную ванную. И как тогда, ему теперь хотелось просидеть в этом холодном, но таком безопасном панцире всю оставшуюся жизнь.

Только вот в чём проблема: ведь Гоцци – это же махровая классика. Сплошные переодевания и маски. А по сюжету мы с обожаемым главным героем примерно в середине спектакля должны местами поменяться – ничего сложного: мы парики переодевали, и камзолами обменивались, а грим там у всех примерно одинаковый – это же сказка – то есть все как бы думают, что он – это я, а я – это он! Но

подразумевалось, что все – это только зрители. Мне в голову придти не могло, что парни, которые за «несчастный случай на производстве» отвечали, настолько плохо знают пьесу. А так бывает – когда из зала смотришь – тебе всё понятно. А за кулисами – за сюжетом следить не успеваешь – твоё дело вовремя выйти и так как надо встать. Ребятам в усердии не откажешь – они додумались (там по сюжету статуя иногда фигурирует)... они бутафорский постамент хорошим таким ящиком с гвоздями заменили. Представляешь себе, сколько он весит? Стою я на сцене, ничего не подозреваю, а эти обормоты у меня из-за спины выносят статую. Двое – статую, а двое – постамент. И тут один из них картинно спотыкается, и аккуратно приземляет этот ящик мне на ногу. Ну, посмейся, посмейся – справедливо, конечно. Но очень больно. Только костюмный сапог спас – а то бы ногу сломали к чёрту. В общем, хромать по сцене пришлось твоему покорному слуге, а с главным героем нас различить стало можно по размеру обуви. У меня ступня вдвое распухла – пришлось «сапоги-скороходы» от детской сказки быстренько под костюм подгонять.

91

Глава 10

Ребёнок в театре – это стихийное бедствие. По-другому и не назовёшь. А если уж в детском театре, то это просто туши свет, бросай гранату. Работу в детском театре расценивают как призвание... нет, что ты, не полные неудачники. Просто это, я бы сказал, люди особого сорта. Я бы так не смог. Собственно, я в своё время и не смог! Но не об этом речь. Самая тяжелая публика – самые мелкие. В сказки они верят, причём хорошо, лучше и проще чем самый подготовленный взрослый зритель. Но им же совсем, ну совершенно не сидится на попе ровно. Я это на своём личном опыте знаю. Тебя в детстве водили в театр? Вот и меня – водили. Лет мне было... как бы не четыре, может и пять, но что-то маловероятно. Хотелось бы верить, что в этом возрасте мужчины уже куда лучше владеют и собой и ситуацией в целом. Короче, привели меня за ручку в странный большой дом, называется “театр”.

А внутри... ох ты ж, господи, куда ни глянь, везде блесит, везде свистит и гудит, Красная Шапочка с Серым Волком с балкончика руками машут, прямо мне, представляешь? О чём спектакль был, я не помню. Ну не помню, хоть убей. Наверное “Теремок” какой-нибудь,

или “Колобок” – в том ли дело. Посмотреть интересно было – страсть. А места наверху, и не видно ничего за плечами, за головами. Извертелся я весь, меня и на колени брали – не удобно, а вставать нельзя – другим деткам помешаешь, и вообще потише, ты в театре, тут надо хорошо себя вести. Потому, наверное, и не запомнил спектакля. А в конце, когда самый шум-гам поднялся, вручают мне мятый какой-то букет, подводят прямо к самой сцене, и говорят, что я могу пойти и подарить цветы тому, кто мне больше понравился.

Откуда я знаю, кто мне понравился, если я из всего спектакля только половину видел, которую из-за спин рассмотреть сумел – в основном правую верхнюю – ничего так и не понял, а от настоящей музыки вообще наполовину оглох?! Выбегаю я на сцену – впервые, между прочим, в жизни – в толпе таких же рослых и осознанных в жизни людей. А на сцене ярко! Куда бежать? Вправо? Влево? Везде дети кучами осаждают с букетами высоких людей – тётеньку в белом платье, дяденьку в красном смешном комбинезоне...

Огляделся, а сзади этих дяденьки-тётеньки стоит Медведь, косматый такой, одичалый. Понурый стоит, и никто ему цветов не дарит! А я же за справедливость – вот и подошёл к Медведю, степенно, как полагается солидному джентльмену, вручил ему в мохнатую лапу свой мятый букет. Те, тётка с дядькой – дарителей обнимали-целовали. А Мишка мне руку протянул и пожал. Здоровенная лапища, тёплая, горячая почти. И я ему руку пожал – как и положено – той рукой, которая ближе была, в конкретном случае – левой.

И как-то не заметил, что остальные дети уже со сцены к родителям обратно убежали. А меня за массивным платьем нынешней тётки-героини, скажем прямо, не очень видно. Занавес пошёл закрываться.

Стою я, сжимаю лапу своего Медведя, а все кругом расходиться начинают, кто куда, по каким-то коридорам, вроде из занавесок...

Всыпали мне, конечно, по первое число, когда нашли. Да и самому неудобно было, вроде как потерялся. Дядя Медведь, правда, за меня очень просил, уговаривал, чтоб не сердились. Мать извинялась, вроде, со слезами... или это она с перепугу плакала, или от стыда за меня, не знаю. В общем, так или иначе, передали меня в родительские чуткие руки, я уже намерился пореветь как следует в предвкушении грандиозной выволочки.

А Дядя Медведь вдруг меня поймал за плечо, и говорит – голова у

него уже человеческая была, только лапы медвежьи, мохнатые; я так и не понял, когда он превратиться успел – говорит, мол, не реви, малой! Понравилось тебе тут, значит – вернётся! Вот росточку с моё поднабирайся, и сразу приходи.

Дорогие друзья! Эта история медленно, но неминуемо начинает подходить к концу. Но – хорошая новость – на пороге есть новинки: “Лилия Казино” – для тех кто любит относительно небольшой, быстро читаемый и лёгкий формат. И особенно рекомендую “Рождественскую Карамель” (Christmas Candy), для тех, кто оценит роман с постепенным развитием сюжета! Спасибо всем, что читаете! Ф.Фомина

92

Мальчишка был худенький и хиловатый, даже для своих одиннадцати лет. Бледные, блеклые, по-девчачьи мягкие от регулярного мытья дешевым шампунем волосы невнятно-коричневатого оттенка висели отрастающими патлами, лезли в глаза. Впрочем, короткая стрижка “как у настоящих пацанов” была в его случае ещё хуже, превращая паренька из незаметной тени в мишень язвительных насмешек и плевков (фигуральных, и не только).

Одевался он опрятно, но небогато. Как-то раз пришёл в школу в джинсах с аккуратной заплаткой на колене, был тут же искусан и задражен за нищество; на следующий день он явился в джинсах с аккуратно отпоротой заплаткой, всем своим видом пытаясь выдать рваные штаны за стильные, современные, на которых прорехи делаются специально. На сей раз насмешки перешли ту грань, где кулаки держатся в карманах.

Когда он уходил домой, джинсов у него не было – было живописное рубище, наструганное из штанин отменно острым канцелярским ножом. В прорехах постыдно проглядывали самые обычные белые трусы.

Отца, который мог бы явиться на следующее утро в школу и закатить скандал, или (что ещё лучше) поймать за ухо зачинщика издевательства с ритуальным линчеванием штанов, и как следует за это ухо помотать... отца у мальчика не было. Усугубляло ситуацию то, что он как две капли воды похож был на мать. Она и пришла на будущий день – тоже бледная, узкоплечая женщина, удивительно синеглазая, но от этого выглядывшая не менее измождённой и

усталой. Оставив сына маяться возле подоконника в коридоре, зашла в кабинет завуча, и проторчала там сорок минут – полный урок, от звонка до звонка. Целая вечность. А мальчишкам в одиннадцать лет много ли времени надо, чтоб поквитаться с обидчиком? Чтобы добить побеждённого?

Они пришли впятером. Трое держали мальчика, двое разговаривали, на этот раз не посягая на новенькие, очень даже неплохие джинсы. Мальчик, к которому обычно не обращались даже за ластиком на уроке, которого дичились, сторонились, и обзывали вонючкой, хотя сами, честно говоря, пахли после физкультуры ничуть не лучше; мальчик, который не привык даже, чтобы ему смотрели в лицо – узнал о себе много нового. Что он “маменькин сынок”, ему случалось слышать и раньше. Впрочем, что обидного в том, что он – сын своей мамы? Дальше пошла терминология в которой он не разбирался. Слова кончались на “-ок”, “-ец” и “-аль”, были ещё слова на “-ать”, но это кажется говорили о ком-то другом, возможно, о маме; тихо говорили, чтобы не слышно было из-за дверей учительской, где мама засела прочно и надолго, и не запищать, не позвать на помощь, потому что за волосы держат крепко и больно, а в живот упирается жесткое костлявое колено. Однако ясно было, что всё сказанное унижительно, грязно и противно, как кошачьи какашки на заднем крыльце школы, куда старшеклассники выбегали украдкой курить, а малышня – играть в салочки и завидовать старшим. Мальчик как-то наступил в такой “подарок природы” новой, иссиня белой кроссовкой, долго пытался оттереть пучком травы, и думал, что этим дело и уладится, но по приходу домой обнаружил, что был не прав...

93

Мама вышла от завуча ещё более бледная, но совсем спокойная.

- Ну что, дружок, пойдём-ка домой, – с улыбкой сказала она, и мальчик поднялся, стараясь не обращать внимания на боль в солнечном сплетении, и угрюмо потопал следом, силясь не разреветься от обиды и облегчения.

И грянул гром. Сначала на семейном совете, то есть в ходе мягкой непринуждённой беседы за чаем с солёным печеньем, решено было (мамой, естественно, решено), записать пострадавшего на лёгкую атлетику, благо бесплатных кружков при школе было – хоть ложкой ешь.

Лёгкая атлетика себя не оправдала – вероятно, потому, что во время “входного тестирования” у него всё ещё побаливал живот, да и отшибленная острым носом ботинка левая полупопина дёргала при резких движениях, хотя синяка и не было видно – затерялся где-то в глубинах.

Дальше накатила секция бокса и рисование. С рисованием парень разделался быстро, “случайно” своротив палитру на импозантную, годящуюся ему в прабабушки, училку, и заявив, что он не знал, что гуашь не отстирывается.

С боксом получилось получше. Он проходил на занятия целых полгода, а в преддверии летних каникул тренер собрал всех, и родителей и учащихся, отметил отличившихся, называл оценки и баллы... впрочем, всё равно вышло паршиво. Маме тренер, успевший стать для мальчика почти любимым наставником, откровенно, прямо при нём, прямо при всех, сообщил: “парень старается, но вы же понимаете, что при таких физических данных, спортсмена я из него не сделаю даже при всём желании”... Опять неприятно и унижительно. Однако, секция бокса имела свои преимущества и подарила ему ряд просто неоценимых бонусов: к нему перестали лезть.

К нему не подходили ни вчетвером, ни впятером, а больше задир в одну кучу не собиралось. Каждому было завидно (их-то родители водили к нудным частным наставникам по математике и языку! А этому поганцу, вишь ты, повезло как, кулаками махать специально учат!), а ещё им было страшно: четверо или пятеро в своре, а вдруг профессиональный боксёрский удар достанется именно мне? Так рассуждали они, обходя одиночку-изгнанника по другой стороне коридора, однако не позволяли себе даже за спиной похихикать над его потёртым рюкзаком, с которым он ходил в школу (представить трудно) второй год подряд.

94

Лето пролетело оглушительным, душным вихрем; на ферме у бабушки с дедом можно было валяться в кровати хоть до полудня, копаться в сарае и пачкаться землёй, травой и маслом для огромного рыжего трактора – сколько душе угодно.

Подкравшийся незаметно учебный год навалился тяжестью секции карате и плавания. Ни бассейна, ни озера на ферме у родичей не было, была только квадратная яма с водой технического назначения,

куда мальчишка один раз сдуру соскользнул с травянистого края. Ошибки он не повторял – пахла водичка немногим лучше, чем давешний кошачий привет на кроссовке.

Карате тоже себя не оправдало.

- Ну что же нам с тобой делать? – устало всплескивала руками мама, кажется, исчерпавшая все силы в попытках найти ненаглядному и единственному чаду добровольно-принудительное хобби, а вместе с ним – новых друзей.

Мальчик угрюмо пожимал плечами и торопился скрыться куда-нибудь подальше. Своей комнаты у него не было – только угол, отгороженный завешенной одежной ширмой. Хорошее укрытие, но недостаточно надёжное.

- Я сдаюсь, – на сей раз, мама, кажется, действительно сердилась. Капризному ребёнку не угодили одновременно и танцы и папье-маше. – Тебе ничего не нужно, тебе ничто не интересно. Ну как, скажи пожалуйста, мне вырастить из тебя человека?!

Это было обидно. Обидно на самом деле, глубоко, не так, как оставшиеся в прошлом издёвки малолетних сволочей.

Мама ушла. Она подрабатывала вечерами, убирая подъезд. В том числе, чтобы платить за те самые кружки, которые упорно не желал посещать её сын.

А он закрылся в тесной ванной комнатухе. Присесть там было негде, и он сел прямо на пол, прислонился щекой к холодному боку ванны, обхватил колени руками. Ни о чём не думать. Пройдёт, всё пройдёт. А он так и будет сидеть здесь, ощущая себя в коробочке, в панцире, в броне – попробуй-ка его отсюда вынь!..

Ситуация медленно но верно заходила в тупик. В школе с ним никто не разговаривал. Учителя вызывали его к доске редко, хвалили ещё реже. Оценки перебивались с “четвёрки” на “тройку”. Пока в один прекрасный день он не забрёл – случайно – на репетицию школьного драмкружка.

Кажется, он искал кого-то из учителей. И ему сказали, что тот в актовом зале. Парень знал “секретный ход” – из спортивного крыла, через мужскую раздевалку прямиком в подсобку в закулисы, а оттуда выход всегда открыт.

Его встретила темнота. Видимо актовый был заперт. Что ж, у него хватит ума найти обратную дорогу. Хорошо бы рукой касаться стены, но было уже поздно, он шагнул вперёд, раз, другой, силясь разглядеть, кто в зале, и есть ли хоть кто-нибудь. Да и что делать в запертом зале при выключенном свете нормальным людям?

И тут по глазам полоснул свет. Больно и ярко, нестерпимо. Но вместо того, чтоб зажмуриться, он вскинул в защитном жесте руку, прикрывая тенью мгновенно заслезившиеся глаза.

- Мистер Кауфорн?.. – неуверенно позвал в темноту мальчик.

- Нарисуй мне барашка, – ответил совершенно незнакомый, хриплый и ломающийся голос.

- Что?..

- Пожалуйста, – в хриплом голосе скользнуло надрывное подвывание, – нарисуй мне барашка!

Мальчик вглядывался в темноту, не понимая, ослеп он, или у него галлюцинации? Вряд ли чья-то дурная шутка могла зайти настолько далеко...

- Свет, – внезапно скомандовал бескомпромиссный тихий и взрослый голос.

95

Зал не вспыхнул – он медленно осветился постепенно разогревающимися лампами. И мальчик наконец осознал, что стоит у подножья сцены, и что на сцене что-то репетировали. Наверное, будущие выпускники этого года. И что слепящий, колющий свет – это всего лишь прожектор из рубки, которая на задах зала впаяна в стену, и что...

- Стой-стой, Люк. Молодой человека, вы кто?

На сцене шумно выдохнули, переступили с ноги на ногу. Мальчик стоял ещё несколько секунд прежде чем понял, что последний вопрос адресован к нему.

- Я?.. Я ищу мистера Кауф...

- Некуда не убежит твой Кауфрон. Ну-ка, ты, Люк, иди сюда. А вы, молодой человек, изобразите нам, пожалуйста, ещё раз свой звёздный выход.

Парень стоял ни жив ни мёртв. На этот-то раз он что натворил?

Скрипнули доски лесенки в три ступеньки, долговязый белобрысый старшеклассник, по-видимому, Люк, спустился в зал, плюхнулся на откидное сидение, вытянув в проход ноги в модных светлых джинсах.

Голос говорившего смягчился, снова обращаясь к мальчику:

- Пожалуйста, вернись обратно за дверь, а когда погаснет в зале свет, ещё раз войди.

Он не сообразил даже кивнуть. Развернулся молча и потопал в подсобку. Одолеl мелочное трусоватое желание броситься обратно в спортивное крыло – и только его и видели... впрочем, его-то как раз видели, в том-то и дело. Это сам он ослеп от яркого встречного света, взамен представ перед тем, кто сидел в зале, как на ладони. Полоска света, пробивавшаяся от осветительного луча под дверь, погасла.

Выждав для верности с минуту, мальчик тише мышки снова протиснулся в зал и побрёл, побрёл в темноте. В этот раз свет не был неожиданностью, но ослепил всё равно, и снова он вскинул перед собой руку, уже сознательно зашарил взглядом по рядам кресел, но увидел лишь длинноногого Люка.

- Смотри, Люк! – торжествующе рявкнул взрослый голос. – Вот как ты должен выглядеть. Вот так, вот именно...

- Так я... пойду? – робко спросил мальчишка, которому совсем не понравилось, что высоченному старшекласснику его в чём-то ставят в пример. Знаем мы учительскую похвалу – проблем потом не оберёшься.

- Куда?! Пожалуйста к нам, молодой человек. Как вас позволите величать?

- Энберг, Йорк Энберг, – подсказал с усмешкой голос профессора Кауфрона. И дайте, пожалуйста, свет в зал.

96

Ему не нравилась эта идея. О, она совсем ему не нравилась.

- Нет уж, дорогой мой, – решительно и даже как-то весело сказала мама, – ты будешь ходить в драмкружок, и точка. Профессор Кауфрон и профессор Айель убеждены, что у тебя несомненный талант.

Это был удар ниже пояса. Никогда в жизни у Йорка Энберга не было никаких талантов, одни недостатки, охотно подмечаемые сверстниками.

Профессор Айель, руководитель этого самого проклятущего драмкружка, оказался стар, как мамонт. Был он сухонький, маленький, даже меньше стремительно тянущегося в силу возраста вверх Йорка. Только голос у него был могучий, прямо-таки труба, а не голос.

Сначала он, подлым образом надавив на классную руководительницу, заставил Йорка ходить на каждую, без исключения, репетицию. В игру вступила учительница литературы, стервозная и властная, которая без разговоров отправила Йорка в библиотеку за томиком Экзюпери, и не стеснялась после уроков задержать его и проверить, прочитана очередная глава, или нет.

Впрочем, книга показалась интересной. Йорк увлёкся, и на третий день дочитал её всю. Он был поражен! Это была отменная история, прекрасная фантастическая сказка... как она могла закончиться – так?

- Что с тобой, ты заболел? – спросила мама, глядя как он, бледный, с опухшими, красными после бессонной ночи глазами, угрюмо подтаскивает к двери свой школьный рюкзак.

- Не выспался, – буркнул Йорк. – Зачитался.

- А, ну это бывает, – со знанием дела согласилась мама. – Дело хорошее, только не увлекайся так в другой раз.

Всю дорогу до школы Йорк старательно клялся себе, что больше читать не будет вообще и никогда.

Ещё через неделю Люка сняли с роли Маленького Принца, и категоричным решением профессора Айеля утвердили на эту роль Йорка Энберга. Люк вроде бы и не очень расстроился, пожал плечами, фыркнул и ушёл из зала, отказавшись постоять в массовке даже «просто за компанию». Ситуация была аховая – ссоры с Люком Йорку не хотелось, но, как это ни удивительно, ему понравилось играть!

Он не думал о людях, которые в зале, не думал, кто смотрит, и как он выглядит. Он просто перебирал по очереди запомнившиеся, запавшие в душу фразы – и произносил их, выплёскивая ощущение боли и несправедливости, которое оставила в его душе концовка книги. Он

так и не понял, что в какой-то момент стал добавлять к эмоциям героя – свои собственные. Теперь он ждал репетиций. Ему легко дышалось в зале. С ребятами из кружка не то чтобы наладилась дружба, скорее приятельство, вполне рабочие взаимоотношения.

Когда пришло наконец время премьеры, весь состав кружка трясло как в чумной лихорадке. Только не Йорка. Он тихо сидел на жестком стуле, думая только о том, как бы не запачкать где-нибудь специально приобретенные к торжественному случаю светлые штаны, да ещё о том, что в полосатом шарфе становится жарковато...

97

Его не испугала публика. Напротив. В живой, дышащей темноте зала было что-то очаровывающее.

- Пожалуйста... – он глянул в зал, и очень естественно смутился, совсем слегка, – нарисуй мне барашка[1].

Было немного жаль, что выступление идёт всерьёз. Ведь для школьного кружка, премьеры – не только первый, но чаще всего и единственный показ. Сверстники уже давно побывали на репетициях, учителя давно всё знают наизусть, а родители – вот они, сидят, смотрят... Значит, сегодня в последний раз.

- На твоей планете люди выращивают в одном саду пять тысяч роз и... не находят того, что ищут...

А вот он, Йорк, нашёл. Как было здорово – репетиции, прогоны, работа, работа... общение, в котором его принимают как равного. Он даже о Люке, смещенном с роли, давно забыл и думать, он даже не заметил, как пролетел почти весь учебный год...

- Когда даёшь себя приручить, потом случается и плакать.

Но плакать он не стал. Плакала мама, обнимая его, липкого от пота, с потёками девчачьей туши на щеках (он отбивался как мог, но ему покрасили ресницы, и подвели какой-то гадостью глаза – якобы, чтобы лучше видны были зрителям, а на самом деле, наверняка просто чтобы поиздеваться) когда молодые актёры сползли наконец со сцены.

Это был конец. Шаткое равновесие последних месяцев, когда Йорк был столь поглощён театральной жизнью, что не замечал ничего вокруг, было нарушено. Премьера обернулась триумфом, учителя и родители чуть ли не на руках носить готовы были актёрский состав и

старика Айеля... Спектакль повторили через две недели. И ещё через две – у участников находились всё новые и новые родственники, которые мечтали воочию увидеть любимого крестника, троюродную младшую сестрёнку, внучатого племянника и иже с ними, в ярком свете школьной сцены.

Жизнь Йорка Энберга превратилась в кромешный ад. На сей раз бить его не стали. И оскорблять не стали тоже. Теперь его снова дразнили. На сей раз не сверстники, вся школа.

- Маленький принц!
- Эй, принц, а что у тебя ещё маленькое?
- Как твой барашек? Покормил с утра?
- Бабобабы прополоть не забыл?

[1] Здесь и далее цитаты книги А.де Сент Экзюпери «Маленький Принц»

98

Сверстники и старшеклассники, спортивные и толстые, сбивались в ловчие стаи, и издевались, издевались...

- А тебе понравилось с Рафаэлем обниматься? Знаешь, что он – того... голубой?

Рафаэль играл пилота. Был он голубым или нет, Йорк не знал, и знать не хотел. Но Рафаэль обладал таким солидным даже для старшеклассника ростом, и таким размахом плеч, что рядом с ним, Йорком вполне сходил за взрослого, что шло спектаклю только на пользу.

- Я не в курсе. Сам у него спросишь, – устало ответил в тысяча пятьсот первый раз Йорк. И многозначительно добавил, – при встрече.

Первая актёрская практика дала о себе знать, он внимательно всмотрелся в невидимую точку у обидчика за левым плечом. Тот немедленно нервно обернулся – сопляка можно дразнить бесконечно, а вот Рафаэль может, если что, и в зубы дать.

Йорк улизнул. Поднявшись почти под крышу школы, он присел на ступеньку возле железной пожарной лестницы, обхватил колени

руками. Как они старались, как усердно топтали ногами те фразы и образы, которые он успел полюбить всей душой. Это было так больно и страшно, что в какой-то момент Йорк пожалел о том, что спектакль вообще родился на свет. Временами ему казалось, что он живёт теперь только в актовом зале, нет, только на сцене – все чes десять минут спектакля, и ещё короткий период оваций и расползания зрителей из зала – после. Всё остальное время он не жил, а выживал, стараясь спрятаться, потупив взгляд.

Состоялся четвертый, на этот раз действительно последний показ. Снова подступала пора летних каникул. И на этот раз зал был полупустой – бесчисленный поток родственников, очевидно, наконец исчерпал себя.

«Вот и всё», – подумал Йорк, слезая со сцены. Правильно в книжке написано – когда-нибудь потом будет приятно об этом вспоминать...

- Ну-с, молодой человек, пожалуйста сюда, – неожиданно вынырнул из жиденького потока учеников и взрослых профессор Айель. – А где же ваша уважаемая матушка? Ах вот вы где, фрау Энберг, прошу вас, прошу... позвольте, молодые люди... я хочу вас кое с кем познакомить...

Напрасно ты ухмыляешься, в детский театр меня работать взяли, как и обещались, хотя ростом я того «мишку» так и не догнал, каюсь, каюсь. Впрочем, опыт незабываемый, соглашусь на все сто. Я туда пришёл не совсем уже, конечно, сопливым, в камин со сцены убегать уже не порывался, но всё равно ко многим превратностям театральной жизни был ещё не готов. Например? Да например к тому, что в какой-то момент я прям как Медведь обнаружил себя за закрывшимся занавесом с чужим ребёнком на руках. Совсем карапуз ещё. Ребёнок в слёзы, я в панику – меня, понимаешь, как холодом по спине продрало: а вдруг за ним никто не явится, так я и останусь отцом-одиночкой... В общем, выскочил обратно на сцену и давай орать что-то вроде «где родители?», «кто потерял?!»... В принципе, естественно. Только я не учёл что на мне костюм льва, и голова ребёнкина как раз попадает мне в костюмную пасть. В зале визг и брань, на сцене добрый лев из сказки отжёвывает голову невинному младенцу. Я потом очень извинялся перед помрежем, и от режиссера влетело, но перед помрежем стыдно было особенно. С ним меня ещё в школе знакомили. Он и маму уговорил отдать меня на серьёзные

подготовительные курсы, ну и меня как-то уболтал попробовать играть по-настоящему. И как у них это получается, ума не приложу. Наверное, профессиональный дар.

99

Глава 11

Года два назад мне приятель рассказывал, как замечательно они съездили в турне по миру. Нет, я тогда уже в кино снимался – ну, ты наверно, знаешь. Вообще-то, это всегда здорово – гастроли, смена места, много народу, национальные пьянки в каждой стране, а страны ты меняешь по два раза в неделю... восторг! А в репертуаре у них «Отелло». Я бы ни за что не согласился – ты же знаешь, я не ревнив, ну а приятель играл, и играл честно. В общем, отправились они по миру демонстрировать высокоморальную классику в строгой постановке, и забрались довольно далеко – аж в Сингапур. А жара неопиcуемая – лето, море, климат для нашего брата совершенно не подходящий. На репетициях актёры задыхаются, и с ужасом думают о показе, до которого один день. Но было всё хуже. На солнышке перегрелась Дездемона. А может чего-то местного съела – и потом перегрелась; ты знаешь, какая у них кухня?! И хорошо, что не знаешь! И она видимо не знала, за что и поплатилась. Лежит, страдает, ни о каком выступлении и речи быть не может. И тут является спаситель. Режиссер местного театра прибегает, и говорит, что у него есть местная актриса, молодая, но опытная, всю жизнь вложившая в театр, которая знает эту партию, а тракторку режиссера всегда ловит на лету. А наш, который труппу туда возил – махнул рукой, а что делать?! Какая бы ни была – всё лучше, чем никакой...

Здесь было жарко. Плотный, насыщенный воздух пах йодом и водорослями, мокрым, просоленным деревом, сладким печеньем и хинным тоником; почти неощутимый бриз доносил с холмов аромат свежего лавра.

Широкоплечие скуластые местные жители кивали ей как старой знакомой: перекидывались выразительными, хотя и не слишком навязчивыми взглядами мужчины, открыто улыбались, на правах гостеприимных хозяек, женщины. Пестрели длинные юбки и распахнутые жилеты; бусы, серьги, кольца и даже золотые зубы у публики за семьдесят поблескивали жизнерадостно, перекликаясь с

бликами медного закатного солнца на воде. Море было бирюзовым – как на открытке, даже ещё ярче, окаймленное розовато-белым песком с частыми россыпями отполированных прибоем ракушек.

Мышь умиротворено вздохнула и отпила из тяжелого стеклянного стакана ледяного мохито. Её седовласый спутник, засевший у барной стойки, отхлебнул крепчайший чёрный кофе из крохотной чашечки, с хрустом перевернул лист газеты и продолжил что-то тихо обсуждать с хозяином.

Девушка улыбнулась: для удобства всех вовлеченных сторон, она согласилась с фантастичной легендой о некоем «старом сослуживце» Германа, который «перебрался на историческую родину», и, якобы, «держал здесь несколько летних бунгало».

Идея сама по себе была здравая, но Марио (так звали её провожатого) не утруждался поддержанием образа, отпрашиваясь по несуществующим делам или чтобы разобраться с несуществующими проблемами фантомных клиентов. Он просто жил в соседнем домике, усердно, но не слишком пристально, составляя компанию, и являл собой некую квинтэссенцию доброго дедушки (слишком молодого, чтобы сидеть дома перед телевизором или играть в шахматы в парке) и пожилого ловеласа (слишком пожилого, чтобы приставать к молоденьким барышням с конкретными предложениями, но ещё достаточно бодрого чтобы любоваться ими не отрывая взгляда). Очень пристального, кстати, взгляда. Мышь бы даже сказала: профессионального. Где они взяли такого колоритного деда с навыками закаленного телохранителя или шпиона, оставалось для неё загадкой. С другой стороны, Марио в общении проявил себя компанейским и добродушным донельзя. А если ребятам спокойнее, чтоб рядом с ней неотрывно находился кто-то здравомыслящий – что ж, это их право (Мышь улыбнулась) в конце концов, они правы: «тридцать три несчастья» – маломощный и невыразительный эпитет, применительно к ней.

100

Девушка поправила тоненькую, как ниточка, лямку топики. Загорелая до черноты, она завязывала выгоревшие до пшеничного оттенка волосы в высокий хвост и, не стесняясь, подставляла, жаркому греческому солнцу ещё недостаточно загоревшие части. Вот и сейчас на ней был комплект из белого топики из жатой ткани (весьма удобного, но открытого ровно настолько насколько это позволяла

себе здешняя молодежь – а позволяла она изрядно, прикрывая жалкими треугольничками только то, что уж совсем необходимо, причём треугольнички иногда сползали), и летящей белой юбки (длинной, в пол, но с разрезом до “выше середины” правого бедра). Никогда раньше она не носила ничего похожего. С другой стороны, раньше она никогда не была в пляжном отпуске.

Пораженная местной экзотикой, первые два дня Мышь как сумасшедшая комета носилась по достопримечательностям Крита, делала фотографии, и горела желанием общаться с аборигенами. Это общение, да ещё чётко выверенные комментарии Марио (которые он делал, когда они случайно проходили мимо магазинчиков с местным трикотажем) к концу третьего дня заставили её признать, что золотистый цвет, который приобрела кожа на торчащих из-под футболки участках, прекрасно гармонирует с цветом её глаз. Футболку сменил открытый топ, потом джинсы уступили коротким шортам. Потом шорты уступили место – виданное ли дело? – просторной юбке.

А потом ей надоело бегать. Вместе со стилем одежды сменился привычный истерический уклад жизни, когда всё время надо куда-то спешить и что-то успеть. Мышь осела на пляже. Под одобрительным взглядом Марио, сдружившегося с местными, знающими жизнь старичками, вроде того же хозяина бара, Мышь чуть ли не впервые в жизни предалась восхитительной лени.

Купалась с утра, листала книжки в полуденную жару, обедала в ресторанчике, и загорала на пляже. Было так приятно принимать тепло, насквозь пронизывающее беззащитное тело; бродить по песку, собирая ракушки и обломки кораллов, иногда – шутки ради – заправлять за ухо какой-нибудь экзотический цветок, без зазрений совести позаимствованный с одной из многочисленных местных клумб. Один раз она попалась: хозяин клумбы как раз спешил, чтобы полить эту красоту в вечерних сумерках. Девушка внутренне сжалась и приготовилась извиняться, но категорически ошиблась: хозяин ни слова не понимал на знакомых Мышке языках, однако так выразительно окол, акал и повторял исковерканное английское “бьютифуль”, что Мышь догадалась: красивой девушке – красивый цветок, и всё прекрасно! Кажется, он был польщён, что “воровка” польстилась именно на его клумбу. Уходя, Мышь послала хозяину воздушный поцелуй.

Раз в два дня она брала у Марио телефон (потому что свой где-то посеяла уже давно) и звонила домой – проводить друзей и отчитаться о собственных отпускных успехах. Судя по всему, Герман был ею крайне доволен. Предлагал задержаться ещё на неделю, а то и на две: отпуск спонсировал именно он, категорически объявив, что не будет слушать никакой ерунды про собственные накопления, которых на такой длительный курортный сезон у Мышки и правда не хватило бы, даже если вытрясти всё до последней монетки – что в условиях отсутствия постоянной работы было бы крайне неразумно. Мышь категорически заявляла, что двадцать дней – это её лимит, и если она не вернётся по истечении этого срока, то изменения в организме станут необратимы, и она превратится в сомнамбулу окончательно.

Расплатившись, она поднялась из-за столика и помахала рукой бармену и Марио. Вечерняя прогулка по ближайшему пляжу присмотра «доброго дядюшки» не требовала, предоставляя ей упоительную возможность насладиться тишиной и одиночеством вечера.

101

Он гнал машину по узкой, непрерывно петляющей дороге. Справа отвесной стеной серели скалы, кое-где проклёвываясь белёсой зеленью камнеломки и бурыми разводами руды. Слева, за тонким, совершенно ненадёжным ограждением, напоминавшим кавалетти для верховой езды, ещё на полметра тянулся чахлый газон, а потом уступ, по которому и проходила дорога, обрывался вниз. Вряд ли двадцать метров можно назвать головокружительной высотой. Но навернётся – не соберут. А он не слишком часто, и не так чтобы хорошо водил машину и дома – не говоря уж о богом забытой асфальтированной тропинке между стеной и пропастью.

Магнитола, не сумев поймать ни одного сигнала от далёкого ретранслятора, заполняла тишину шипением и потрескиванием; Йорк протянул руку и нащупал на руле кнопку, предпочитая шелест колёс и негромкое рокотание двигателя пресловутому “белому шуму”. Говорят, кого-то он успокаивает, даже убаюкивает. Йорка – ужасно раздражал, по крайней мере, в данный момент.

Его захлёстывало пьянящее чувство свободы и совершения: он принял решение – может быть, оно было не верным – но это было его решение, принятое не «для него» и не «за него».

Всё было просто. Прошёл один день, потом второй, третий, и непривычно хмурый Ханс, видимо, по рассеянности, всё-таки поздоровался с ним в коридоре. Бойкот закончился. Всё возвращалось на круги своя.

Впрочем, до менеджера ему не было никакого дела, он слушался Ингу, он играл.

Сняли сложную сцену гибели друга главного героя, но всё было тускло. Эмоции, культивированию которых подчинена была вся жизнь актёра, отселе проходили стороной, не задевая сознания даже шершавыми краями.

Ему не хватало Мышки. Промаявшись неделю, он вывел эти четыре слова на уровень сознательной формулировки. Это пришлось признать, с этим пришлось смириться. Почему? Чего он, в конце-то концов, лишился? Помощницы менеджера в обширном штате рабочей группы? Или любовницы, разделившей с ним ночь и постель? О чём жалеть: других, что ли мало? Сколько их вообще было, и как их звали?

Нет. Дело было совсем не в этом. Ему не хватало соратницы, друга, человека, её открытости и дурацких смешков, и глупых страхов, и неловкости, несуразности и решительности. Решительности даже в самых глупых, самых пустяковых вещах – эх, ему бы у неё этому учиться, пока было время... и он – решился.

Он спёр у Ханса телефон – просто и нагло: вынул трубку из кармана висящего на кресле пиджака. А потом долго перелистывал бесконечный список имён и номеров, пока не сообразил, наконец, что “Ада Ноэль Работа” – это и есть она.

“Свинтус, – мягко и вкрадчиво продекламировал Энберг, растягивая слово, как сливочную тянучку. – Сволота-а... Кобе-ель. Дранный, подзаборный. Ты же даже не знал, тварина, как её зовут. Не интересно было, да?! Вот теперь крутись, как знаешь” – прошипел он сквозь стиснутые зубы. Зеркало в ванной ответило ему перекошенной харей.

Для важного, возможно самого важного в жизни, разговора, он заперся в своей комнате, чтоб даже охранник у двери не мог ему случайно или намеренно помешать, и стал вслушиваться в длинные, монотонные гудки. Пять, шесть, потом щелчок установившегося соединения...

- Мышь! Мышка, это я! Не клади трубку, пожалуйста...

- Да? – удивленно отозвался приятный, достаточно высокий, но однозначно мужской голос.

102

Йорк выронил бесполезную трубку. Однако через минуту позабытый на полу мобильник разразился жизнерадостной трелью.

- Алло, – сказал он равнодушно.

- Герр Энберг, – почти уверенно спросил тот же, очень узнаваемый – с первого раза запомнился – голос, – что вы хотели ей сказать?

Йорк лихорадочно сглотнул. Это не Герман – её грозный приятель – его бы он с первого слова узнал. Тогда кто? Наверно тот, второй – она как-то рассказывала... чёрт! Почему он никогда её внимательно не слушал? Она как-то обмолвилась, что друзей у неё двое... Сам того не желая, Йорк выдал глубокую театральную паузу.

Потом были сбивчивые объяснения, попытки обосновать свой бред (некто герр Кристиан оказался неплохим психологом) и, быть может, впервые в жизни – раскаянье.

Оно наползало постепенно, волна за волной, каждая – глубже предыдущей – и достигло того апогея, когда единственным спасением станет заслуженное прощение.

И вот теперь он гнал машину, отстраненно думая, как бушует Штольман, потому что отосланный к беспощадному режиссеру личный охранник уже сообщил ей, что “главный герой” не выйдет завтра на съёмки, и послезавтра не выйдет тоже, а когда выйдет – станет известно, когда будет надо. Йорк улыбался – неизвестно чему.

Пляж был красивый. Широкая, вылизанная морем, полоса мягкого песка, бежевые валуны, сейчас наполовину скрытые водой, и на отшибе – остов старинного трёхмачтового корабля. Днём там резвились дети, по выходным устраивались карнавалы, где костюмированные пираты «свободного стиля» развлекали, доводя до счастливой истерики, женщин от четырёх до восьмидесяти четырёх. Вечером окрестности судна оприходовала местная молодёжь – с факелами, музыкальным центром и непременно в этой части земной тверди танцами. Поэтому Мышь, с рожденья избавленная от

чувства ритма, игнорировала историческую достопримечательность, обходя корабль стороной, и любуясь красками праздника на расстоянии.

Неторопливо, загребая сандалиями мелкий тёплый песок, она брела вдоль линии воды, изредка наклоняясь, чтобы подобрать вынесенную прибоем ракушку. Почти все, повертев в руках, выбрасывала обратно, и только самые интересные ополаскивала в воде и складывала в карман. Дома их набралась уже целая ваза – вместе с обломками кораллов и розовой морской галькой. Даже добросовестно отмытые до перламутрового блеска, они всё равно источали ни с чем не сравнимый аромат засохших водорослей идохлых моллюсков.

Солнце всё глубже тонуло в зеркальной воде за горизонтом, оставив только несколько лучей в плотных сумерках подсветивших бледным золотом редкие высокие облака. Мышь оглянулась: пора было возвращаться, темнеет здесь поздно – ближе к полуночи, зато потом, в темноте, хоть кричи “караул” – собственных рук не видно, и блуждай потом на ощупь до ближайшей пальмы...

В уже ставшую привычной закатную тишь вкрался некий чужеродный, необычный, нехарактерный звук: не плеск волн, мучающих забытую неряхой-туристом пластиковую бутылку из-под колы, не шорох крупной птицы, устраивающейся в ветвях на ночлег. Едва заметное движение, еле слышное дыхание. Она обернулась, скорее даже не на звук, а осененная невнятным предчувствием.

По песку – прямо по оставленным ею следам – топал золотистый ретривер.

103

По песку – прямо по оставленным ею следам – топал золотистый ретривер. Вернее – щенок, обаятельный и толстолапый, месяцев пяти. Увидев, что его заметили, щен ускорился, от восторга раззявив розовую пасть. Мышь присела, подпуская его поближе, и протянула руку, чтобы потрепать лопоухую лобастую голову. Поэтому не сразу заметила владельца, вальяжно рассеявшегося на одном из прогретых за день камней и с умилением наблюдавшего эту картину. Мышь выпустила пудового малыша, которого, незаметно для себя, уже успела взять на ручки. Тот с не меньшим энтузиазмом рванул обратно, спеша сообщить хозяину о новой подруге.

Мышь поднялась, отряхивая с юбки песок:

- Здравствуй, Йорк, – ничего умнее ей в голову не пришло, однако и промолчать вроде бы было не уместно. Умнее всего было бы холодно развернуться и уйти поскорее, но такой вариант ей почему-то даже в голову не пришёл.

- Привет, – он откровенно веселился, – ты прекрасно выглядишь!

Что-то с ним было не так. Обычная развязность теперь совершенно не раздражала – то ли от части стершись, то ли смягченная проникновенной и искренней радостью встречи.

- Что ты здесь делаешь? – улыбка получилась сама собой, и Мышь с удивлением подавила прилив восторга, уже готовый подняться в душе от встречи с этим разгильдяем.

- Приехал за тобой, – без обиняков заявил он, и Мышь схватилась за голову.

- О, нет!

Её как будто мгновенно окатило с головой волной, полной полудохлых и очень даже живых медуз. Ядовитых тут не водилось, но всё равно вмазаться, купаясь, в живой килограмм (литр?) соплей – удовольствие маленькое. Мышь представила себе коридоры телестудии, визг и ор режиссера, вечную суету операторов, собственные крики “живо!”, “быстрее!”, “прямо вчера!”, пыльную темноту остывающих аппаратных, минеральную воду и бутылированный зелёный чай с жасмином, который должен вовремя поспеть к столу будущих и действующих кинозвёзд, когда самой уже полтора часа мечтается о чёрством бутере из автомата... Она потрясла головой, изгоняя тошнотворные воспоминания. Щенок, вдохновленный её жестом, подбежал снова и очень похоже потряс ушами, явно обретая в лице девушки родственную душу.

- Возвращайся, – Йорк поднялся с облюбованного камня и подошел, заглядывая в глаза, преданно, не хуже лабрадора, – мне без тебя очень плохо, Мышка.

Она отступила и села на один из услужливо замерших валунов. Белая юбка расплескалась по прибою. Он опустил на корточки рядом и заговорил, подняв лицо снизу вверх:

- Я знаю, что обидел тебя, маленькая. Знаю. И прошу прощения, хотя тебе, наверно, вовсе не легче от этого, да? И я не ведаю, что сказать. Что надо сказать, какая фраза подойдёт. Потому что пьесы с таким

идиотом, как я, в главной роли – нет ни в классическом репертуаре, ни в модерне, а своими словами не очень-то получается. Но, подожди, я всё-таки попробую: дело вот в чём, – он взъерошил волосы, и очень виновато закусил губу, – прости меня. Я повёл себя как последняя скотина, да я и есть такой... был, пока не встретил тебя. Ты необыкновенный человек, и это всё, что я могу сказать, большего я о тебе не знаю. Но я хочу узнать! Ты... дай мне шанс. И возвращайся. Я изменился, Мышь, точнее – это ты меня изменила. И мне теперь без тебя очень плохо; знаешь, как будто всё не в радость, всё впустую. Возвращайся. Лучше тебя нет никого: для твоей работы, и для меня. Понимаешь?

Она отрицательно покачала головой:

- Нет.

Йорк улыбнулся:

- Я тоже. Всё это совсем не так просто понять, поэтому и объяснить толком не получится. Зато почувствовать – можно. Что скажешь?

104

- А Штольман хоть знает, что ты здесь?

- Нет, – он беззаботно махнул рукой, разрушая хрупкий щит, который воздвигла последняя фраза, – да забудь. До неё нам нет дела – ни мне, ни тебе. Возвращайся, и к чёрту всех!

Мышь сморгнула. Кажется, в глаза ветром намело песка? И вообще, становится прохладно, солнце почти совсем село.

- Йорк. Ты с ума сошёл. У меня здесь, между прочим, отпуск. А когда он кончится – я пойду искать новую работу. Видишь ли, с прежней меня, благодаря тебе, уволили! Так что изволь – возвращайся сам! А меня – будь так добр, оставь в покое!

Она встала и побрела прочь, в ногах путались мокрая юбка и жизнерадостный щенок. Через пять шагов её догнал и Йорк. Схватил за плечо, развернул, но увидев плеснувшие из глаз обиду и горечь, убрал руку, помедлил, рассматривая её... и вдруг бесшабашно и беззаботно улыбнулся.

«Не вздумай, – мысленно взмолилась Мышь, – слышишь, не вздумай меня целовать. А то Герман меня приберёт, да и вообще, нельзя, не надо...»

Он не удерживал её. Просто снова заглянул в глаза, и взгляд был особенный. Тот самый взгляд, с постеров в журналах и плакатов на полстены. Мышь знала: актёров это учат. Это отдельно отработанное мастерство, это навык, просто одна из тех фишек, которые он продаёт на камеру.

Йорк медленно склонился к замершей девушке. Щенок присел на толстый зад, одновременно усталый, и озадаченный вопросом: что люди делают?

Его губы легко коснулись её виска. На языке остался едва ощутимый привкус соли и йода – они примешивались здесь ко всему, но вот ей, именно ей, этот вкус исключительно шёл. Его губы быстро скользнули по загорелой щеке, и нашли её губы. Трепетно, ласково уговаривая. Мягкое тепло в сгущающихся сумерках длилось, разливаясь по телу приятной расслабленностью, обещая большее... Наконец, она уступила, и поцелуй стал глубже, откровеннее, интимнее. Он проводил языком по её губам, потом легко и мягко скользнул вглубь. В этом поцелуе не было ни игры, ни недомолвок, ни недосказанности, ни откровенного вранья. Он предлагал себя – всего. Она – отвечала.

Отвечала? Мышь с усилием подалась назад, подняла руку, чтобы оттолкнуть мужчину, но этого не потребовалось. Он сам замер, лишь слегка покусывая нижнюю губу. Помедлил с минуту, а потом его улыбка стала ещё шире:

- «Оставь в покое»? Да никогда, – словно делясь секретом, сообщил он, доверительно склоняясь к её уху, как будто собирался поведать страшную тайну о том, что он убил сволочь Штольман и закопал под вишней в парке при студии. – Если ты думаешь избавиться от моего общества – советую в спешном порядке устраиваться в Союзный Космический проект и обзавестись билетом на Луну. Туда я, пожалуй, в ближайшие годы не вырвусь, а в остальном... Кот д'Ивуар, Чад или Огненная Земля. Хотя Южный Полюс – тебе будет тесно со мной на одной планете! Потому что я тебя найду, и буду снова и снова просить прощения.

Щенку надоело сидеть, и он с умильным тьявом потерял девушку лапкой – мол, чего стоим, пойдём играть и кушать!

- Я не сержусь, – через силу выдавила Мышь. – Это правда. Но ты – уходи. Этого не будет. Я так – не могу.

И снова пошла по песку. На этот раз Йорк её не преследовал, да и пёс через двадцать шагов отстал. Она сглотнула стоящие комом в горле слёзы, а вслед ей понёсся радостный искренний крик:

- И всё равно... Мышка, слышишь, я всё равно тебя... найду!

Девушка ускорила шаги.

По щеке её скатилась, блеснув в последнем закатном луче, одна-единственная слеза. Или это брызги прибоя оставили солёно-горький след?

Она поступила правильно. Всё сделала верно. Может быть, впервые в жизни.

105

В разреженной темноте, подпиривший одну из раскидистых сосен Марио вдумчиво пощипывал седеющую бороду. Слово клиента, конечно, закон, но с другой стороны...

Молодость на то и молодость, чтобы делать ошибки. Сгоряча, сдуру, по глупости, в порыве. Нестись, высунув язык, захлёбываясь счастливой слюной; зубоскалить и драться, негодовать, брызжа слюной ядовитой... совершать. Это слово было вкусным, исключительно уместным сейчас, точным, острым. Совершать ошибки – а потом исправлять то, что успел наделать. Иногда это удаётся, иногда – нет, тут уж кому как повезёт. А бывает, что требуется потом целая жизнь, чтобы добиться... точнее, чтобы позволить себе прощение. Отпустить.

Он, Марио, успел пожить на свете. Успел и многое повидать, в том числе такого, что и хотел бы забыть, да не получится. И всё же, это не мешало ему дышать сейчас полной грудью, и всей кожей ощущать тёплый летний ветерок с моря.

Охранник улыбнулся. Беззвучно оторвался от полюбившегося прогретого солнцем ствола (кора успела намять плечо), и опустил руку, автоматически, рефлекторно успевшую нашарить в кармане маленький мобильный телефон.

Парень, уныло бредущий по песку, был похож на сопровождавшего его щенка: уставший настолько, что заплетаются ноги, такой же лопоухий, и такой же глупый. И не ему, Марио, впрягаться в оглобли, если тот, наконец, нащупал единственно верный для себя путь.

Он проклял свою нерешительность уже к следующему вечеру. Когда коленные суставы скромно намекнули ему в пятнадцатый раз, что можно было бы помягче с ними обращаться на шестьдесят первом году службы. Как воин старой закалки, Марио держался, но только благодаря тому, что непрестанно клялся себе, Мадонне, и всем местным святым, что бросит к такой-то матери эту работу. В конце концов, пасти адекватных, сдержанных «клиентов» – куда проще, чем молодую, чрезмерно активную девицу. А Мышь обуяла жажда деятельности.

Посмотреть, послушать, попробовать... всё кругом необходимо было подержать в руках, понюхать и пощупать, пусть даже это временами не очень согласовалось с местными нормами приличий. Каменные лабиринты на полях, плоскостные младшие братишки замка царя Миноса (хорошо хоть в путеводителе для каждого был обозначен красной линией на фото кратчайший маршрут к центру); где-то на третьем маршруте Марио понял, что отстал от спутницы, воровато оглянулся вокруг, и бодро «не по правилам» переступил через каменную линию в соседний проход.

Череда пляжей с разноцветным песком – от серебристо-белого до почти чёрного (а ещё розовый, лимонно-желтый, серый с осязаемой просинью, и ещё галечный), с каждого из которых девушке требовался короткий, но ударный заплыв, для охранника окончилась встречей с морским ежом. Напороться не напоролся, но высказался в сторону местной фауны весьма определенно и в дальнейшем в воду лазить отказался. В своё время он прекрасно плавал, но сейчас пришёл к мысли, что на данном жизненном этапе предпочитает бассейн.

Следующим испытанием не столько сил физических, сколько духовных стали местные кафешки с десятками, нет, сотнями... да помилует его святое небо – тысячами сортов разнообразнейшего мороженого в пузатых запотевших контейнерах. Ловкие продавцы подцепляли массу тяжелой ложкой, формируя шарик и вкладывая в хрусткие вафельные кульки. В полуденный зной шарик мгновенно начинал истекать блестящими тягучими каплями. Мороженое было клубничное, шоколадное и ванильное, фруктовое, с кусочками манго, персиков и абрикосов; зелёное фисташковое, красное – со вкусом жевательной резинки и ромом; огуречное (тут уже даже фантазия бывалого бойца спасовала и отказалась работать), и ещё чернильно-чёрное, как будто изготовленное из чернил каракатицы (он не стал

даже спрашивать, с каким вкусом оно теоретически должно было быть). Мышь вознамерилась попробовать их все! На третьем шарике подряд Марио аккуратно кашлянул, напомнив про горло, переохлаждение и вездесущие сквозняки. На пятом – ехидно поинтересовался на тему здорового питания и умеренности. На восьмом сдался. Он пил кофе. Пока его не начало мутить от белоснежных чашечек с густым ароматным напитком. А потом впал в благословенную апатию.

Может быть, именно поэтому достаточно легко перенёс катание на верблюде, от которого подопечная пришла в неопиcуемый словами (судя по пискам и сдавленным визгам) восторг. Ему, как и верблюду, было всё равно.

106

Однако, апофеозом стала часовня четырнадцатого века, где эта прожженная атеистка заботливо попыталась поправить свисающий край плащаницы, после чего произошла незабываемая встреча с местным священнослужителем. Вышла из часовни девушка ещё более убежденной атеисткой. У Марио горели от стыда уши.

А также начался сезон покупок. Если раньше Мышка предпочитала бродить по пустынному краю пляжа и довольствовалась подобранными из приboя ракушками, то теперь настал черёд охоты за сувенирами. Огромный, тяжеленный талмуд в кожаном переплётe с окантованными углами и фактурным тиснением – «Легенды и Мифы Древней Греции» для Германа. Только в последний момент девушка спохватилась, и уточнила, есть ли книга на немецком, или банальном английском, потому что толстые матовые страницы испещрены были аккуратной, затейливой, но совершенно непонятной вязью. Продавец пообещал достать перевод в таком же оформлении.

Какая-то местная бижутерия морской тематики – для обожающего такие вещи Криса.

Две бутылки особо понравившегося вина – для Ханса, и в придачу – обаятельная круглая миска, произведение гончара – Мышь посчитала, что эта вещь внесёт в его мир лишнюю каплю домашнего уюта.

И ещё немного одежды, узорчатые платки (не понятно для кого – сама она не носила, и друзьям такое не подаришь), три пары полюбившейся ей модели кожаных босоножек (ничуть не менее практичных, чем кроссовки – особенно по такой жаре), ваза с

обкатанными волной ракушками, которые она по штучке таскала с пляжа (всё так же благоухающая морской тухлятиной), подставки под книги и под лаптоп из оливкового дерева, безвкусный кулон (якобы талисман на удачу) с мелкими, неправильной формы, обломками полудрагоценных камней... перевес багажа составил всего килограммов восемь. Хотя в отпуск она отправлялась с одним неплотно набитым рюкзаком.

Марио с удовольствием откинулся на спинку серого кресла в самолёте, уступив даме право восхищенно пялиться в окно, пока белокрылый небесный корабль нарочито-медлительно разворачивался, выходя на взлётную полосу. Скорость сначала не чувствовалась вовсе, а потом земля за окном внезапно скакнула вниз, и Мышь восторженно – неизвестно кому – помахала рукой, прощаясь и обещая когда-нибудь непременно вернуться.

Отпуск определенно удался!

Он только одного не учёл. В Сингапуре коренного населения, по-моему, как такового нет. Пиратский форт – что с него возьмёшь. Поэтому «местными» там с равным успехом могут считаться китайцы, филиппинцы и норвежцы... а Дездемона была наследницей чего-то жестоко африканского. При этом по документам – урожденная гражданка Сингапура – не придерёшься. Друг мой схватился за голову, а делать нечего. Ну, ладно. Режиссер даёт отмашку, страна многонациональная, грех дискриминацию устраивать – сыграли с чёрной Дездемоной... да её, как ни гримируй, видно было бы! Только вот в чём проблема: Дездемону (нашу) в больницу увезли. Очень уж ей плохо стало – капельницы нужны, и уход постоянный. А у них ещё три страны оставалось, при чём все – поближе к дому, Сингапур крайней точкой был. Страны какие? Да ничего особенного: Бельгия, Франция и Германия. Мы соседей напоследок приберегли, чтоб с триумфом и слоганом «им аплодировал весь мир..!» Я тебе честно скажу – такого наши соседи ещё не видели! Ни русский балет, ни китайский цирк нашу Дездемону затмить не могли. А приятель – ну что приятель. Вернулся домой, послал всех к чёрту и пошёл в детский театр, сказав, что в роли Негретёнка из сказки «Негретёнок и Обезьянка» он себя надёжно будет чувствовать.

Глава 12

Однажды молодой самоуверенный актёр встретил прекрасную девушку – вроде тебя. А он был такой зануда – ну просто наследный принц, а она – красавица, умница, добрая и замечательная. Я же сказал – как ты! Не спорь. И жили бы они долго и счастливо, если б ему не попадала всё время жожа под хвост – то в одном месте выпендриваться начнёт, то в другом... Плохо он себя вёл – вот что я тебе скажу. И как это бывает, огрёб за свои пируэты по полной. Однажды ему на голову упал кирпич...

Возвращаясь с работы, Мышь беззаботно помахивала тонким дипломатом, атрибутом своей новой должности секретаря заместителя директора (в компании Германа, разумеется), и ни о чём не думала. Беззаботные белые джинсы и лёгкая льняная кофта, открывающая безупречно загорелые плечи, призваны были убедить всех, и её саму в первую очередь, в том, что жизнь прекрасна и удивительна, тем более летом. В самом деле, что такого уж плохого в этом светлом мире?

Ей нравится работа, начальник нахвалиться не может на шуструю исполнительную девицу, видимо, в сравнении с предыдущим опытом – длинноногой, голубоглазой девицей, обладающей обаятельной улыбкой и интеллектом грецкого ореха – вроде и похоже, ан всё же не мозги! А что она не фотомоделёк, так ему в любом случае даже за намёк на посягательства шеф закатит так, что мало не покажется, о чём тот честно предупрежден, и не ропщет.

А ещё у неё самые замечательные друзья. Кстати, надо бы в магазин зайти – может купить чего-нибудь вкусного, да к ребятам в гости напроситься? И ещё в аптеку заглянуть – а то шампунёк, кажется, заканчивается. Но лучше в ту – на дальнем углу, а то в этой, которая по дороге, как всегда не будет с любимой отдушкой...

По мере приближения к дому, её настроение медленно и неотвратимо скорчивалось до состояния отвращения ко всему происходящему – как и всегда в последнее время. Любовь к шопингу – тоже приобретение последних двух недель – аналогичным образом призвана была оттянуть момент неизбежного явления домой. Будь Мышь прирожденной модницей – ей бы не составило усилий проводить по часу-полтора за изучением кофточек и брючек, или

выбором из двадцати пяти сортов помады – самого розового. Но раз попробовав, она отступилась, предпочитая блуждать с вдумчивым видом по хозяйственному отделу супермаркета, и с тайной яростью прицениваться к топорам и прочим тяжелым и острым предметам.

Дело было в том, что дома её с вопиющей регулярностью ждали всевозможные сюрпризы.

108

Цветы, которые она со злостью вышвыривала с порога, а сердобольная соседка с четвертого этажа подбирала и расставляла на лестнице в обрезанных пятилитровых бутылках, и заботливо доливала воду, чтобы не вяли. Шоколад из самой роскошной кондитерской в городе, который она и не подумала выкинуть, а, напротив, с гаденькой улыбочкой распаковала коробку, и употребила конфеты под прикупленную ради такого случая бутылку белого вина. Это было ошибкой – от обилия конфет не слишком падкая на сладости девушка к утру пошла цветистыми пятнами и побежала в аптеку за таблетками, чтобы снять аллергию.

Зато плюшевых мышей в доме набралась целая коллекция. Всех сортов и размеров, от “карманных”, до тех, что были ростом со среднестатистического медведя. Одни умели пищать, другие бегать, третьи держали сердечки и при нажатии говорили механическим голосом “I love you!”. К сожалению, магазин игрушек вычислить не удалось, и мыши сидели тесной кучкой в расчищенной под это дело полке – и окрест.

Курьер из ювелирного – к счастью – застал её дома. Мысленно придя в ужас от гипотетической стоимости тонких золотых часов с россыпью прозрачных серых камушков, она, не стесняясь в выражениях, объяснила юноше, что доставку он понесёт по обратному адресу. А узнав, что покупатель пожелал остаться неизвестным, но строго-настрого велел оставить это у её двери, даже если она не пожелает открывать, и даже если будет пинать несчастного, ни в чём неповинного курьера ногами, отправилась в магазин, подписывать отказную, а потом на почту – чтобы факсом отправить копию Хансу (с пометкой сунуть «этой сволочи» при встрече).

В воскресенье ей принесли коробку, заставившую ужаснуться. Судя по габаритам, там был полноразмерный компьютер – вместе с

космического расширения монитором, и кучей бонусов в виде новомодной “анатомически” изогнутой клавиатуры, джойстика, выносных колонок, и чёрт знает, чего ещё). Не слушая возражений, (видимо были загодя упреждены), курьеры вскрыли ящик прямо немедленно, при ней.

Карими глазами, полными незаслуженной обиды, на Мышь уставился лобастый щенок ретривера – тот самый, что бегал за ней по пляжу в далёкой нынче Греции. Кажется, даже узнал, завилял умильно хвостом, и напустил от счастья лужу, замызгав пол и её тапочки. Вытирая слёзы, Мышь с трудом оторвала от себя это счастье, глядя, успокаивая, и стараясь запомнить – на прощанье. Щенок отправился в виде добровольного пожертвования в обучающий центр при доме помощи людям с ограниченными возможностями.

С тех пор ей неважно спалось. То мучили какие-то мутные липкие кошмары, то снова видилась телестудия, переплетения проводов и бесконечные пустые коридоры, где она ищет кого-то, и никак не может найти, а позвать не даёт севший, как это часто бывает во снах, голос. Но ещё чаще, ещё муторнее и мучительнее, ей снился щенок: как он бежит навстречу, хлопая развесистыми бархатными ушками, на одном из которых стоит племенное клеймо, а она протягивает руки, чтобы обнять прижать к себе, зацеловать в мохнатую глупую морду... Просыпаясь, Мышь автоматически проводила сонной ладонью по щекам, смахивая успевшие набежать дорожки горько-солёных, как морская вода, слёз.

109

Вне работы – если и не любимой, то вполне благодарной, разнообразной и активной – жизнь превратилась в ад. Мышь частенько ловила себе на мысли о паранойе. Щенка было жалко, но мерзавца-актёра было, как ни странно, жалко – тоже (старается же человек, а она молчит, как рыба, хоть бы поговорить что ли ещё раз по-человечески, объяснить и объяснить). Но себя – как подсказывал ей не угасший ещё окончательно здравый смысл – было жалко больше!

Однако, на этом беды не закончились. Фантазия «подкупателя» не остановилась на достигнутом, она, исправно поддерживаемая солидным актёрским гонораром, попросту не знала удержу. Прошло четыре относительно спокойных дня, но вечером пятницы Мышке преподнесен был ни с чем не сравнимый сюрприз.

В грязном внутреннем дворике-колодце, куда выходило окно кухни в её скромном жилище, на фоне помойного бака и чахлах деревьев, материализовалась группа из трёх человек: молодой певец, скрипач и кларнетист. С аккумулятором и колонками – чтоб ей слышно было с верхнего этажа. Без видимой спешки настроившись и проверив уровень звука, незабываемая троица в костюмах не то испанцев, не то мексиканцев (всего понемногу, зато ярко) с чувством завела живенькую итальянскую серенаду!

Скатившись вниз, как была – в рваных на заднице шортах, Мышь потребовала выдать ей зачинщика этого бардака – и немедленно. На что смуглый от толстенного слоя недорогого грима вокалист с хорошо отыгранным акцентом сообщил, что «Синьор низко просить прощения, синьор не приходит. Бояться тухлый помидор его лицо».

Мышь взвыла. Отчасти, потому что сердиться на обормота становилось всё труднее, отчасти – от отсутствия искомого помидора. Впервые краем сознания, едва задев его, как первая весенняя бабочка крылом, мелькнула мысль: а может быть, простить его, и всё, наконец-то станет проще?

Герман бесился, как чёрт, но поделать в данном случае ничего не мог – исполнять серенады для любимых женщин в их стране не запрещалось никогда, а значит – было разрешено.

- Я бы сломался на щенке, – сочувственно прокомментировал Крис, вызвав немое изумление издерганного, злого на весь свет Германа и очередной, особо острый приступ чувства вины за преданную (то есть, отданную в “добрые руки”) собачью жизнь у подруги.

110

В это время съёмки фильма быстро и решительно вышли на финальный этап.

Дорабатывались последние не отснятые сцены, в спешном порядке перегонялся уже сделанный материал. Где-то прорабатывали массовку, где-то упирали на компьютерную графику. Потом чуть не случился конец света – в прямом смысле – когда по вине какой-то технической неполадки, в телестудии на целых две минуты выключили свет, и аварийный генератор не сработал. Ещё четверть часа все ждали, не проронив ни слова, и боясь даже дышать в сторону компьютерных гениев, воскрешающих системы... однако всё

обошлось.

Штольман светилась, как ясно солнышко. Фильм обещал фурор и золотые горы. Йорка она простила, молча и капитально. Инцидент с его внезапным исчезновением со съемочной площадки в Греции был предан забвению и по негласному правилу не упоминался никем из личного состава вообще (какие кары были обещаны в случае нарушения запрета, актёр не знал, и даже задумываться об этом не хотел ни на минуту).

Его осеяли режиссёрская любовь, ласка и забота. Ощущения были такие, словно мамаша-львица вылизывает своего ненаглядного, извалявшегося где-то в мышинном помёте кутёнка.

Инга ходила королевой. Она и была королевой на пороге роскошного бала с приглашенными цыганами, факирами, куртизанками и огненным шоу, и с ещё более роскошным пиршеством в финале!

С учётом всех обстоятельств, Йорку стало неимоверно трудно её избегать. Это стало настоящей проблемой. Он не хотел, он не желал видеть её лично, с глазу на глаз. Если она вызывала его в кабинет, Йорк пропадал на два-три часа.

Он изучил здание телецентра лучше, чем архитекторы, которые когда-то, лет тридцать назад, его строили. Своему отсутствию он выдумывал самые наивные и самые нелепые оправдания. “Захотелось перекусить”, “заклинило дверь в раздевалке спортзала” (замок он сломал самолично, при помощи перочинного ножа и очень этим фактом гордился), “лифт застрял между этажами” (это было сложнее, лифтёр прибыл уже через пятнадцать минут, и Йорку стоило огромных усилий заставить остановленную кнопкой “стоп” кабину окончательно зависнуть между этажами). Впрочем, во всём были свои минусы – “отвиснуть” он потом не мог ровно три часа девятнадцать минут. И, вызволенный наконец, первым делом кинулся не в объятия фрау режиссёра, а в сортир!

В своих увиливаниях и оправданиях он был не просто наивен: он был глуп и смешон. Ему было всё равно.

Техники, работники (и особенно работницы) цехов и массовка тихо, по углам, покатывались со смеху, а Йорк стоически увиливал как от каких-либо контактов, так и от объяснений с фрау Штольман.

Готовясь к решительному шагу, Йорк думал отправить Мышке записку. Но опыт – результаты которого, конечно были предсказуемы, но от этого не менее ценны – с часами, вопреки его усилиям всё-таки вернувшись в магазин, заставил поступить иначе.

Сообщение застало Кристиана на пороге – он уже собирался на репетицию, то есть на работу, когда желтый конверт, требующий его личной подписи при вручении, был подsunут ему под нос нетерпеливым почтальоном. Оставив на память хмурому дядьке подпись, Крис вскрыл письмо. На аккуратном бланке была всего пара строк размашистым и неопрятным почерком:

«В субботу будет интервью по проекту, в котором она работала. Попробуй (перечёркнуто) обязательно (подчёркнуто дважды), придумай что хочешь, но – посади её перед телевизором в 7 часов вечера. Первый канал» Подпись: “Йорк Энберг”.

Крис усмехнулся и, конспиративно изорвав бумажку в клочья, бросил в урну на входе. Что такого важного он собирается сказать на этом интервью, что ему непременно надо быть уверенным – Ада услышит и увидит? Кажется, герр актёр, сноб и бабник, невыносимый эгоист и избалованный ребенок, начинает, наконец, перевоспитываться?

112

Съёмки пресс-конференции, назначенные на утро четверга, начались с опозданием часа на два. Сначала ждали главную героиню, которая, волнуясь перед ответственным моментом, дёргалась и усложняла задачу гримёру. Потом Эрик, оператор, работавший в проекте, помогая устанавливать камеры, перебил коллеге провод ножкой стойки – пришлось срочно искать новый провод (хоть Штольман ратовала за то, чтобы сразу найти нового оператора).

Режиссер, бесподобно элегантная в густо-сиреневом костюме, вообще усугубляла неразбериху как могла, гневными и нервными воплями о том, что пора начинать, что ей срывают план, что ждать опоздавших никто не будет, и что кругом одни идиоты.

Установили софиты и включили подсветку, под которой участникам немедленно стало жарко, а героиня даже вспотела, и грим потёк. Пришлось подновлять в срочном порядке, буквально-таки “на коленке”. В результате полная коробочка рассыпчатых теней

опрокинулась близкой к истерике героине на платье.

- Не реви! – цыкнула обычно приветливая гримёрша. – Не смей, я тебе сказала: пудра поплывёт. Сейчас я кисть побольше возьму, растушую, и всем скажем, что так и надо, платье на звезде первой величины и должно блестеть. Ясно? Соберись! Ну?!

Наконец, сопли подобрался, тени растушевались, провода срослись, увольнения (по крайней мере временно) отменились, все настроились, всё настроили, включили камеры и микрофоны...

И полилось! «Режиссерский замысел», «Композиция, идеология, перспективы», и «Каковы ваши впечатления?», «Кто является вдохновителем для вас, для вас, а для вас?», «Каковы ваши чувства? Вы ассоциируете себя со своей героиней?», «Правда ли, что ваши отношения не только на сцене перешагнули личный рубеж?».

На последнее – отрешенно-скупое “да что вы, бульварных газет читались? Мы здесь – профессионалы, как ни крути!” На всё остальное – предельно размывчатые, доброжелательные ответы с лёгким привкусом интриги, мол, картину посмотрите – сами узнаете.

В конце, как всегда, репортёры жаждали услышать личное мнение каждого. Опросят всех, в эфир же пустят только режиссера, да ещё героя с героиней. Об остальных – пара коротких эпизодических фраз, которые придутся к слову: «кстати, он сам признаёт; она, в свою очередь, заявила...»

Йорк подобрался, и украдкой перевёл дыхание. У него будет минуты две-три чистого эфирного времени. Штольман не сумеет его заткнуть. А в эфир его пустят. Пустят непременно. Включат в выпуск, даже если ради его пары слов придётся сократить прогноз погоды – всё равно фальшивый. А он, Йорк Энберг, как-никак, звезда первой величины! Эта мысль заставила актёра гадливо поморщиться, а затем иронично, с затаённой горечью, усмехнуться. То что надо – самая, что ни на есть трагически-героическая мина. Поклонницы будут в восторге.

Завтра во всех газетах, журналах, и в новостях разразится сенсация...

113

Он сладко потёр плечо, изнывая от необходимости быть здесь, хотя хотелось бежать, куда глаза глядят – туда, на свободу, к ней... прочь от этого дурацкого слепящего света, прочь от нудных вопросов.

Сейчас Йорку казалось, что он, наконец, понял, как ему следует жить...

Инга выступала соло. Сидя в высоком кресле, заложив ногу на ногу (в такой узкой, короткой и обтягивающей юбке, что иначе-то и прилично не сядешь, и вообще впору ставить рейтинг на интервью), она вещала о социальной значимости картины в целом и о глубоких чувствах своих героев в частности. Йорк желчно усмехнулся «да что ты знаешь о чувствах, прожженная стервозина?!».

Их с исполнительницей главной роли снимали вместе. Героиня заняла освобожденное режиссёром место. Подол платья элегантно распахнулся по разрезу, обнажая неподражаемые ножки. Платье поблескивало в лучах прожекторов, публика восхищенно притихла.

Йорк галантно, точно по сценарию, встал у спинки её кресла, камера отъехала назад. Девушку опросили первой. Она заметно нервничала, но вполне профессионально улыбалась, кивала, и выдавала чётко запланированные, желательные для проекта ответы. Которые, ясное дело, репортёру и камере были не так уж чтобы сильно интересны. Все замыслы и задумки, все тонкие нити и хитросплетения сюжета уже успела обнародовать и увековечить для широкой общественности фрау режиссёр. Ещё бы она отказалась отхватить такой лакомый кусок предстоящей славы. Ведь по итогам интервью: всё – её! Замысел, композиция, организация того-сего-и третьего...

Йорк отрешенно встряхнулся. Откинул со лба отросшие (надо же? и как это никто не напомнил?) волосы. Наступил его черёд.

- Что вы можете сказать об этом фильме? Через три дня премьеры, зрители в нетерпении!

Повисла пауза. Глубокая, театральная. Даже желанная. Передышка, вздох перед бурей. Его выступления ждали. Его слова хотели слышать. Сейчас, через секунду. Он давно набрался смелости, осталось лишь решиться. Он будет говорить, и он скажет. Сейчас. Самое главное.

- Я хочу сказать, – проникновенно уставившись в объективы, сообщил актёр. Кто-то из журналистов вполголоса скомандовал своему оператору «крупный план», и на экране появилось лицо, вдохновенное и прекрасное. Решительное, и немного печальное. Синие глаза заглядывали зрителям в самую душу, – хочу сказать, что это лучший фильм из всех, где мне посчастливилось сниматься, – он

выдержал приличествующую случаю паузу. – И тем успехом, в который, несомненно, выльется картина, я обязан одному человеку. Замечательной женщине...

Главная героиня удивленно захлопала глазами, явно приняв этот посыл на свой счёт.

Штольман приосанилась. Ответ не шёл по запланированному плану, но и отсебятина актёра пока ей очень даже нравилась, явно льстящая ей, именно ей... а кому же ещё, в конце-то концов?

А Йорк между тем продолжал:

114

- Которая поддерживала меня во всех трудностях. Служила вдохновительницей для самых сложных сцен. И объяснила мне те чувства, которые зрители увидят на экране...

На глаза “героини” навернулись настоящие, искренние, почти девические слёзы. Возможно, она собралась сразу после прессконференции признаться “этому недоступному Энбергу” в любви. Возможно именно сейчас ей, как никогда, захотелось бросить к такой-то матери всю эту муть с карьерой, адским графиком и постоянными командировками. Бросить, выйти замуж за симпатичного и положительного парня Йорка, родить ему детей, готовить завтрак, приносить кофе...

Штольман выглядела сытой кошкой, способной умертвить одним взмахом когтистой лапы любую мышь, но трогать подобное непотребство её не заставит даже крайняя нужда – хозяин ведь регулярно наполняет миску кормом “супер-премиум” класса.

Но Йорк ещё не закончил. Он перевёл дух, давая аудитории подготовиться к признанию, и, не глядя ни на кого конкретно, но обратив взгляд прямо в объективы, сквозь нестерпимо-яркий свет, прямо в глаза будущим зрителям, прямо им в души, произнёс:

- Это Ада Ноэль, наш замечательный менеджер, и моя любимая девушка!

- Прекратить! Да остановите же его! – внезапный визг разорвал вдохновенное растроганное молчание. Журналисты ахнули, Штольман, возмущенно орудуя локтями, пробиралась через их ряды обратно под камеры. – Ты что несёшь?! – Пробиться ей не дали, сначала пытаюсь удержать деликатно, за локоток, потом куда менее

деликатно, обхватив за талию. Журналисты затаили дыхание, уже готовые загалдеть всем скопом в поисках вождёленных подробностей.

Стреноженная фрау режиссёр наконец вырвалась, ломанулась вперёд, словно ледокол сквозь мелкое каменисто-ледяное крошево; как вездеход, пускающий под колесо слежавшиеся глыбы песчаника в жаркой, высушенной палящим солнцем освещения, пустыне – распахивая зазевавшихся операторов, ассистентов и техников направо и налево, и не переставая зычно гудеть:

- Прекратите съёмку! Я сказала – прекратить!!!

Она споткнулась.

Ханс, уже спешивший на место событий с другого конца зала, в тщетном порыве обуздать разворачивающееся торнадо скандала чисто физически, ничего не успел сделать – только удивленно наблюдал, как падает женщина в фиолетовом костюме, задевая стоящих рядом людей уже в первом ряду – репортёров! Сыплются на пол дорожные микрофоны, опасно кренятся бесценные камеры, кто-то хватается за треноги штативов в бессмысленной попытке удержать равновесие, кто-то отпрянул назад, и тут же споткнулся... и охрана, рванувшаяся от двери, дорожная, лицензированная, специально обученная, хорошо тренированная охрана, непоправимо, безнадёжно не успевает...

Йорк всё ещё улыбался, наслаждаясь произведенным эффектом. Он бросил ехидный, удовлетворённый взгляд на распростёртую на уже не таком чистом, замаранном бесчисленными ногами полу Ингу. И он не видел, как стойка ближайшего к нему софита, обманчиво-медленно клонится вперёд, чтобы обрушить весь свой нешуточный вес...

Ханс закричал что-то невнятное, Йорк услышал, перевел на него взгляд, но так и не сдвинулся с места. В последний момент, инстинктивно уловив движение, он поднял голову.

Яркий свет – слишком яркий даже сквозь матовый рассеиватель и плотно сомкнутые веки, наплывающий жар от падающего, так и не погашенного фонаря, гул голосов, внезапно скакнувший на две октавы выше.

А потом – темнота.

- А теперь последние новости, – чёткий поставленный голос дикторши тихо лился из крохотного телевизора, помещавшегося у господина заместителя в верхнем выдвижном ящичке необъятного начальственного стола.

Ящичек был привычно выдвинут, телевизор приведён в рабочее состояние. Однако свобода и некоторая даже расхлябанность ящика свидетельствовали о том, что телевизорчик готов по первому стуку в дверь упокоиться экраном вниз и заглохнуть, приветствуя визитёра благоговейной тишиной.

- Ну что вы, как маленький, – улыбнулась Мышь, кивая на экранчик, – думаете, господин директор вам голову оторвёт, если поставите нормальный, плазменный? Так же лучше будет, вон, на стене и места хватает. Кому когда мешал на рабочем месте хороший дорогой аксессуар? И партнёры и клиенты только обзавидуются, вот поверьте!

- Да я привык, – философски пожал плечами обаятельный старичок, – помогает работать, создаёт, так сказать, иллюзию присутствия.

- Несчастный случай произошел сегодня на пресс-конференции актёрского состава нового фильма, премьеры которого назначена на послезавтра. Во время выступления юного господина Энберга, сыгравшего в картине главную роль, по неосторожности техников упало оборудование. Подробности уточняются, пострадавшие доставлены в больницу. Вы можете видеть уникальные кадры, запечатленные нашим репортёром...

- Вот, если хочешь, тебе в приёмной повесим... скучно тебе там наверное, э? – герр заместитель поднял на девушку добрые, обрамленные сеточкой мелких морщинок глаза. – Э-ээ!

Мышь стояла, не шелохнувшись, застыв в нелепой позе, не донеся до гладкой поверхности полированной столешницы какой-то пакет документов. Она не просто побледнела; выцвела, словно дешевая краска, которая чуть подсохнув сразу подёргивается мучнистой пеленой. Казалось, она вообще не дышит. Взгляд застыл, упершись в одну точку пространства – не на начальника, не на источник звука, не на документы – куда-то в пустую стену, или даже сквозь неё.

Оправившись от секундного потрясения и окинув уже осознанным

взглядом посеревшее лицо девушки, шеф молча развернул экран телевизора так, чтобы ей было хорошо видно.

А картинка как раз сменилась, показав обаятельное и одухотворенное лицо молодого (заместитель с высоты своих лет, сказал бы даже “сопливого”) паренька со смутно-знакомой смазливой миной и в плохо сидящем костюме. Или так сейчас носят? Кажется, это какой-то современный красавчик, модель для плакатов, на которые пускают слюни четырнадцатилетние нимфоманки.

- Я хочу сказать, что это лучший фильм из всех, где мне посчастливилось сниматься. И тем успехом, в который, несомненно, выльется картина, я обязан одному человеку. Замечательной женщине... которая поддерживала меня... служила вдохновительницей... - какой-то шум, не на заднем плане, а почти заглушающий речь красавчика. Ну что за качество съёмки? – Это Ада Ноэль...

Мышь всё ещё хлопала глазами. А на экране началось бог знает что – изображение перечертила быстрая тень, потом оператор сориентировался, выхватил одно лицо из толпы, другое...

- Что ты несёшь?! Прекратите съёмку! Я сказала – прекратить!!!

Картинка скакнула, словно камера находилась в руках у любителя, снимающего дружескую попойку. На экран вернулась сдержанная диктор:

- По словам очевидцев, герр Энберг тоже, вероятно, пострадал. Однако о его состоянии нам ничего не сообщили. Мы следим за развитием событий, ожидайте подробностей в следующем выпуске...

Мышь выронила из взмокших ладоней стопку бумаг.

116

В больницу её не пустили. Понятие «приёмных» и «не приёмных» часов были неистребимы. Пришлось раздобыть халат, и убедительно врать нянечке у служебного входа о забытом дома студенческом. Прочем, не зря они почти год проработала среди актёров и иже с ними мастеров фальши и выдумок на скорую руку.

Пробираясь по гулким, пахнущим хлоркой коридорам, Мышь размышляла, как ей найти в огромном здании одну конкретную палату. Где он лежит? В реанимации? В терапии? Скорей всего – в травматологии.

Мимо проскользнули две молоденькие, нарочито аккуратные девушки, очевидно курсантки.

- Он такой классный! Может, удастся упросить фрау Гартен пустить нас к нему?

- Сомневаюсь... а было бы здорово – получить автограф...

- Простите! – Мышь рысцой догнала уходящих поклонниц современного искусства. – Вы же мне, конечно, сможете подсказать, – она намеренно построила предложение утвердительно: так собеседнику всегда интуитивно становится сложнее ответить отказом, – в какой палате лежит герр Энберг.

Голос был вполне бескомпромиссным, и первая уже собиралась сообщить искомый номер, когда вторая, приглядевшись, и не найдя ни бэйджика, ни нашивки медработника на рукаве или переднем кармане, подозрительно уточнила:

- А вы, собственно, кто?

А действительно – кто? Мышь обуяла мгновенная растерянность, по хребту продрал жаркий озноб, тело мгновенно вспыхнуло от зарождающегося чувства беспричинного глубокого стыда. Что сказать этим хорошим девочкам? Кто она, в самом деле, такая?! Бывший менеджер бывшего проекта? Растерянность планомерно переросла в тихую, отчаянную панику. Что соврать, чтобы они прониклись важностью случая?! Ей нужно видеть его, даже если он не хочет её видеть, даже если он без сознания, даже если – в коме. Слишком многое осталось не высказанным, не проясненным, слишком многое ещё связывало и не отпускало.

А потом решение всплыло само собой, подсказанное уверенным, до боли знакомым и таким... любимым голосом. Мышь собралась с силами, и выдохнула:

- Я – Ада Ноэль.

И тут же смутилась от звука собственного имени. Это имя никогда ничего не значило. Ничего особенного – тем более. Она уже готова была развернуться и сбежать, посрамлённая – всё это в одну секунду.

Девушки выдали слаженный, благоговейно-романтический вздох.

Она, не вдумываясь, читала имена на палатах. И только пройдя лишних пару шагов, осознала, что слова «фрау Инга Штольман» для неё что-то да значат. Тускло, на самой периферии сознания, порадовалась – не тому, что дражайшая стерва-режиссер покалечилась, нет. Она просто опасалась, что та будет сидеть у Йорка под дверью – недреманным сторожем, и наверняка переполошит всё крыло. Стоит ли говорить, кого бы в таком случае выставили с позором из больницы?..

- Он там, – зачем-то понизив голос до шепота сообщила одна из курсанток, указав на очередную безликую дверь слева по ходу движения. Мышь и так бы не промахнулась – у двери стоял охранник, каменную рожу которого она помнила с незапамятных времён. Кажется, один из недреманной команды, что неслись эвакуировать бесценного актёра от фонтана пару месяцев... нет, целую вечность назад. Значит, можно попробовать договориться.

- Никаких посещений, – донёсся холодный бесстрастный голос с другого конца коридора. К ним навстречу широким шагом шагал врач.

- Доктор, это Ада Ноэль, – трагическим шепотом сообщила та девушка, что изначально казалась пообщительнее.

- А мне всё равно. Хоть Мерилин Монро. Никаких посещений, а информация – завтра после полудня. И не мешайте мне работать!

Мышь устало опустилась в кресло. Даже охранник у двери сочувственно пожал плечами.

Выходные тянулись растаявшей жвачкой, прилипшей к джинсам на попе: куда ни приткнись, везде муторно и чувствуешь пусть лёгкий, но однозначный дискомфорт. Хуже всего было то, что выдать своё смятение Герману означало немедленно получить от него по шее. Впервые в жизни Мышь растерянно осознала, что не может поделиться с ним своей проблемой. В свою очередь Крис, конечно, всё видел, но отчего-то молчал, не спеша ни утешать страдальцу, ни доносить строгому другу.

В субботу состоялась премьера. Мышь объявила, что пойдёт в кино, дошла до развлекательного центра и поняла, что фильм смотреть не станет: только увидев улыбающегося с плаката Йорка, она сразу растеряла интерес к чудесам кинематографа, вместо этого два часа просидев в каком-то кабаке за пивом и чужими разговорами. Всё

было лучше, чем бороться с подступающей, kloкочущей в горле и грозившей пролиться горькими, неестественными, непонятными и непрошенными слезами, истерикой.

В воскресенье Крис звал на какой-то джазовый концерт, она отказалась, списав всё на вчерашнее пиво и сегодняшнюю головную боль. В понедельник она вышла на работу, как ни в чём не бывало. По крайней мере, ей очень хотелось так думать.

- Чёрт возьми, – бесцеремонно рявкнул зам, – это что – должность располагает к прогрессирующему скудоумию? Что ты мне принесла вместо отчёта?!

Мышь сцепила зубы и собралась. Отчёт переделала, но на какие-то более важные действия замахиваться и вправду не стала; имитировала бурную деятельность, курсируя по изогнутому коридору между кабинетами Германа и непосредственного начальника с какими-то пустяковыми сообщениями.

Под исключительно благовидным предлогом (она сама через три минуты забыла, под каким именно) улизнув с работы в четыре, Мышь снова отправилась обивать больничные пороги. Как ни странно, на этот раз её пустили – час был что ни на есть приёмный. В коридоре она столкнулась с Хансом.

- Ты что здесь делаешь?! – изумился он, как будто они и не расставались. Как будто они до сих пор работают вместе, в одном проекте, и он её начальник, а ей положено бы сейчас сидеть на студии и разбираться с оставленными им хвостами. Мысль эта больно царапнула, и провалилась в небытие.

- А ты?! – ей было легко. В конце концов, Ханс и вправду “свой парень”.

- Навещал Ингу, – ответил тот, немного оправившись от неожиданности. – Всё в порядке, её завтра выпишут.

- А Йорк? То есть... я хотела сказать, господин Энберг? – Мышь сначала пожалела об излишней фамильярности, а потом решила, что это, в общем-то, уже не важно.

- Я заходил сегодня, высказал свои сожаления и пожелал поправляться скорей...

- К нему можно?!

- Конечно, с чего б это нет? – искренне подивился бывший начальник.

118

Его улыбка показалась Мышке натянутой, но она не обратила внимания, коротко кивнув, и понеслась к маячившей невдалеке фигуре охранника.

Дверь, не скрипнув, открылась, и она замерла на пороге, глядя на просторную палату, оснащенную по последнему слову техники. Что-то вроде «номера люкс» в местном стационаре. Стены расслабляющего солнечно-зелёного цвета, телевизор-плазма, белоснежные ширмы, мягкий коврик, приглушающий шаги, на полу. Даже прозрачная ваза с каким-то куцым, явно шаблонным букетиком, на небольшой тумбе.

Он полулежал-полусидел на широкой ортопедической койке так неподвижно, что Мышь испугалась, что помешала больному спать. Но раздавшийся тихий голос убедил её в обратном:

- Мышка, – слышно было, что он улыбается, – ты пришла...

На цыпочках она подошла к высокой больничной “кровати”.

- Как ты узнал, что это я? – удивленно спросила девушка, в немом изумлении глядя на плотную белую повязку, скрывающую глаза.

- Догадался, – ухмылка вышла вполне жизнерадостная.

- А зачем повязка?

- Скоро снимут, – беззаботно махнул он рукой, – а всё же жаль. Я бы хотел сейчас тебя увидеть.

Мышь покачала головой и села на круглую табуретку рядом.

- Насмотришься ещё.

- Ну, хоть за руку можно тебя поддержать? – спросил Йорк в своей нагловатой манере.

Мышь фыркнула:

- Это не меня надо спрашивать, а твоего лечащего врача!

И впервые задумалась: в самом деле, ну что за жизнь? Почему всегда, всё время, каждый раз надо спрашивать у кого-то разрешения на то, чего в данный момент больше всего хочется? На то, что попросту

необходимо ей. И, кажется, ему тоже. Им обоим. Почему право голоса должно быть у какой-то визгливой сволочной режиссёрши? Даже у её лучших друзей – почему?..

- Значит, можно, – авторитетно заявил он, и безошибочно, словно видел через повязку, накрыл её ладонь своей, – потому что очень хочется.

119

Помолчали. Потом он, поуютнее перехватив её руку, спросил:

- Видела интервью?

- А как же! Раз пять в новостях, и ещё в криминальной хронике – ищут ответственного за тот бардак, что там был.

- Чего искать, – усмехнулся Йорк, – вон она, небось, в соседней палате...

- Не в соседней, но близко.

- Мышь, – он внезапно посерьёзней, – прости меня. Я дурак, каких поискать. Но прости. Ну, пожалуйста.

Для тяжело больного человека, упакованного в бинты, он двигался исключительно легко. Рука его, только что бережно ласкавшая ладонь Мышки, вдруг окрепла, обхватив запястье, а сам он подтянулся, и безошибочно, бескомпромиссно нашёл её губы.

Лёгкий, медленный, почти воздушный поцелуй. Сухие трепетные прикосновения – скорее ласка, чем страсть. Бережно, мучительно длительно, незабываемо интимно. В прикосновении чуть шершавых, лишенных привычного грима, смягчающего геля, защитной бесцветной помады и лживых чужих слов губ было больше, чем смогут когда-либо сказать тяжелые, неповоротливые слова. Йорк в последний раз невесомо задел сомкнутыми губами её губы и отстранился, откинувшись обратно на матрац.

- И ты прости, – дрогнувшим голосом сказала Мышь и, сама не зная, почему, добавила, – я отдала твоего щенка. Я не хотела, правда...

В этот миг она увидела щенка как вживую: вот он бежит по пляжу, и пухлые лапы путаются, вязнут в песке, а уши взлетают и падают, как крылья детского самолётика; вот он виляет ей хвостом, насидевшись в коробке, и пускает лужу, счастливый от того, что его, наконец, выпустили, и готовый любить её и весь мир... Мышь сама не

заметила, как две огромные круглые слезы без спросу выкатились из глаз и прочертили по щекам мокрые дорожки. За ними требовательно устремились капли поменьше...

Йорк потянул её руку к себе. Прижался губами к ладони.

- Да ладно, не о чем убиваться, – сказал он, – не плачь. Великой беды нет. Всё устроится, вот увидишь. Давай я тебе расскажу чего-нибудь весёлое...

- ...а был это не кирпич вовсе, а знак свыше. И парень одумался, стал замаливать свои грехи. Правда, в процессе замаливания случайно разбил себе лоб; я уже говорил, что он дурак был? Ну не смейся, ему же больно!!! Но в целом, дважды разбитая голова и соображать в его случае стала – не перебивай меня! – вдвое лучше в его случае она стала соображать! Он исправился, перестал валять дурака, и с тех пор работал диктором на радио. Почему на радио? Да после травмы головы, понимаешь, тяжело на съёмках – на технику всё время натёкался, бедолага...

- Что ты несёшь?! – отсмеявшись, фыркнула девушка, – при чём тут радио?!

Была суббота. А потому Мышь уже с утра заняла дежурную позицию возле хворого актёра, которую (в свободное от работы время) не покидала последние две недели.

120

Иногда она выслушивала нудные, расплывчато-оптимистичные прогнозы лечащего врача, худющего и седовласого обладателя роскошных очков и непререкаемого авторитета. Но чаще – они с Йорком целовались, наплевав на то, что кто-то может случайно войти, не постучавшись. Стучались в больничные двери тихо, редко и чисто формально. Но Мышке было, как это ни странно, всё равно.

Она даже приспособилась дремать в обнимку с Йорком, оставив ноги (большую часть) на жестком стуле для посетителей, и пристроив остальную (основную?) часть тела на краешек больничного матраца, ощущая плечом и рукой тепло его бока, успокаиваясь, забываясь на короткие минуты.

Откликнувшись на жизнерадостный смех, в палату заглянула медсестра.

- Герр Энберг? Добрый день. У меня для вас сюрприз.

- Что – градусник?! – в притворном ужасе спросил актёр. Мышка вскочила, подбирая затекшие конечности, чтоб создать хотя бы видимость приличия, и целиком уместилась на стуле.

Дверь распахнулась во всю ширину, явив взору девушки лечащего врача.

- Мне уйти? – немедленно подхватила она.

- Не обязательно, – сухо улыбнулся доктор, – вас это обрадует, герр Энберг, повязку можно снять.

- Ну, наконец-то! – возликовал Йорк, легко поднявшись на локтях, и подгребая под себя подушку, – уже сил нет ходить с этим мешком на голове!

Вставать ему разрешили уже давно, но вот брести по коридору с замотанной головой, словно слепец опираясь рукой на стену, молодому парню, надо полагать, порядком осточертело.

Размотанный бинт змеиной шкурой упал на покрывало. Йорк часто заморгал, потом пальцами коснулся века, опустил руки...

- Что-нибудь мешает? Болит?

- Абсолютно ничего, – заверил его актёр.

- Можете отправиться на прогулку, – великодушно разрешил доктор.

- Наконец-то! Мышь, мы идём гулять!!!

- В сопровождении медсестры, разумеется, – поумерил его пыл врач, – и в зеркала любоваться не пытайтесь по старой памяти.

- Зеркала?! – охнула Мышь, не понимая, при чём тут какие-то зеркала.

- А тебе не сказали? – голос его был удивленным, и кажется, слегка виноватым, – я думал, ты знаешь... то есть. Всё было известно сразу, ещё до того как ты пришла в первый раз, и я думал...

121

- О чём ты говоришь?! – не вытерпев, повысила голос Мышь. Что-то было не так, что-то странное творится вокруг, а ей не сказали...

- Понимаешь, – он обернулся к ней, – так уж вышло. Не знаю, как ты к этому отнесешься, но...

Широко распахнутые глаза были бледными, серыми, как весенние облака. Ласково, дружелюбно улыбаясь, на неё смотрел совершенно незнакомый человек.

Парень с плакатов перестал существовать. Остался в вымышленном, выдуманном, отснятом и отправленном в кинопрокат мире.

122

Эпилог.

Весенний парк наполнился звуками и запахами. Мимо прошагал ребенок, вдохновенно похрустывая кукурузной вафлей в карамели из жженого сахара, абсолютно счастливый и беззаботный. Они шли, обнявшись, и шустрые пальцы Йорка спорили с ветром за право теревить пшеничные коротенькие косички.

- О, а вот и он, – восторженно воскликнула девушка, бросила спутника, и немедленно полезла обниматься.

- Прекрасный Принц? – иронично и беззлобно ухмыльнулся Йорк, протягивая руку, – Привет, Кристиан, может, вдвоём мы с тобой уговорим эту блюстительницу нравственности выпить кружку пива?

- Конечно, уговорим, – уверенно заявил тот, и зашагал в ногу с ними по дорожке.

- Да, кстати, я хотела, чтоб ты зашел на этой неделе, – девушка невежливо подёргала приятеля за рукав, – в гостиной ковёр надо положить, а я не могу решить, какого цвета. Он вот, – тычок тонким пальчиком пришелся в рёбра, заставив Йорка, панически боявшегося щекотки, подавить истерический смешок, – утверждает, что надо синий. А мне кажется, зеленый подойдет...

- Договоритесь на бирюзовом, – скривился Крис, представляя себе просторную комнату, выдержанную в благородных бежевых тонах, с жутким ярко-бирюзовым ковром на полу. Йорку-то всё равно. Но как подруга собирается терпеть этот кошмар? Хотя, у неё всегда были своеобразные представления о стиле, – и вообще, – добавил он, – раньше тебя не волновало сочетание цвета занавесок с оттенком мебели.

- Раньше у меня не было гостиной, – невозмутимо парировала девушка, привыкшая уместать в скромном углу всё своё хозяйство, и не сетовать.

- Но отучить её курить на подоконнике, похоже, мне не под силу, – рассмеялся актёр.

Кристиан развёл руками:

- Единственный способ избавиться от этой проблемы – научиться делать точно так же. Авось сам начнёшь её раздражать, может тогда...

- Так ты зайдёшь? – настаивала девушка, игнорируя провокационные предположения. – И Германа с собой приводи – он ещё ни разу у нас не был.

Крис вздохнул, терпеливо, как маленькому ребенку, в который раз повторяя:

- Ада, ты тоже должна его понять. Он так за тебя переживал. Разумеется, он, – Крис покосился на Йорка, невозмутимого, внешне высокомерного и уверенного в себе на все сто двадцать процентов. Культурного эпитета ощущениям лучшего друга он подобрать так и не смог, поэтому продолжил вполне непечатно, – ...кипятком писает, полагая, что доверил тебя малолетнему шалопаю, – «малолетний» ничуть не смутился, крепче прижав девушку к себе, – дай ему время.

На повороте Крис попрощался, и зашагал к выходу из парка. Мышь отошла шагов на тридцать, потом обернулась, окликнула, помахала ему рукой. Он улыбнулся и махнул в ответ.

Подул ветер, подняв от земли облачко мелкой пыли. Ещё возмущеннее загомонили птицы, заглушая шаги. Многоголосый собачий лай стал звучать чуть ближе.

- Герр Энберг, – знакомый голос, приветливый и звучный.

- Здравствуйте, – пискнула Мышка, и вывернулась из его объятий.

- Привет, – благожелательно ухмыльнулся Йорк и, не сомневаясь в верности жеста, по-мужски протянул руку для приветствия.

- Прекрасно выглядите, – рукопожатие у этой дамы было крепкое, почти мужское. Сказывалась профессия, надо думать, – ну, – она выдержала причитающуюся случаю паузу, – забирайте своего красавца!

Мышь восторженно взвизгнула и на этот раз полезла обниматься с любимцем. Тот потряс лобастой головой, правое ухо смешно завернулось, продемонстрировав всем желающим чёткое племенное

клеймо.

- Пёс по-прежнему гиперактивен, – с сожалением констатировала категоричная дрессировщица. – Необходимы значительные физические нагрузки. На занятия – два раза в неделю – все трое, – неколебимо зачитывала она. – К ветеринару на осмотр раз в месяц, очень желателен хотя бы эпизодический «свободный выгул» – Рексу тяжело быть всё время «на службе».

- Ерунда, справимся. Это просто, – рассмеявшись, заявил Йорк. – Вот смотрите: Рекс, сидеть!

Молодой поджарый лабрадор с готовностью уронил зад в придорожную пыль.

- Вот видите? – парень, как заправский фокусник развёл руками.

Пёс тут же вскочил, поставил лапы ему на грудь, чуть не сбив с ног, лизнул в брезгливо отвёрнутый подбородок, и напоследок звучно гавкнул. Мышь поспешила внести коррективы в “идиллию”, перехватив четвероногого за ошейник.

- Вижу, – скептически проронила дрессировщица. Жду вас в субботу в девять...

- Мы непременно будем, – заверила Мышка, успокаивающе поглаживая-почёсывая псину по широкому лбу.

- Удачи, – как-то не весело, но вполне душевно пожелала суровая дама.

Они шли по парку. Жизнерадостная девушка, засунувшая руки в карманы бесформенной, когда-то благородно-серой, но теперь ощутимо линялой толстовки. Под руку с ней – великолепно красивый парень со стильной причёской, породистым лицом, и осанкой английского лорда. И благовоспитанный пёс – в яркой шлейке, на очень модном, светящемся в тени, поводке.

Ветер взметнул с дорожки пыль и мелкий прошлогодний мусор... пёс с радостным визгом подпрыгнул вверх, не зная, кого поцеловать в первую очередь.

Дорогие друзья! Эта история подошла к концу, увы. Если вы хотите знать о дальнейшей судьбе героев, непременно напишите автору.

Если вам понравилась эта книга, пожалуйста, потратьте минутку, и оставьте своё мнение о ней в комментариях!

И не забывайте, что по соседству живут не менее интересные и забавные герои со своими характерами и жизненными позициями. Может быть, и они понравятся вам? Загляните в книгу *Cristmas Candy* и узнаете...

С уважением,

Ваша Ф.Фомина

Конец